

**МИФ
ОБ ЭЛИТЕ
И „МАССОВОМ
ОБЩЕ-
СТВЕ“**

Г. К. А Ш И Н

**МИФ
ОБ ЭЛИТЕ
И „МАССОВОМ
ОБЩЕСТВЕ“**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ»
МОСКВА 1966

«В мире не может быть равенства. Есть люди, призванные руководить, и люди, призванные подчиняться. Есть элита и пассивная толпа» — такова вкратце суть теорий, ставших в настоящее время неотъемлемой частью буржуазной идеологии.

О том, что в действительности представляет собой «массовое общество» и правящая элита «свободного мира», каково истинное лицо многих представителей этой элиты, рассказывается в книге.

Автор разоблачает современных элитистов — апологетов империализма, утверждающих мир угнетения и бесправия.

Содержание

<i>Введение</i>	3
<i>Эволюция элитизма</i>	5
<i>Фальсификация классовой структуры общества.</i> <i>«Балансирующая» элита</i>	51
<i>«Массовое общество»: миф или действительность?</i>	96
<i>«Человек массы»</i>	118
<i>Заключение</i>	154

Введение

«Элита», «массовое общество», «страты» — это термины мелькают в книгах современных буржуазных социологов. Ссылкой на элитизм и «массовое общество» они пытаются объяснить историю человечества, структуру и социальную динамику современного общества. Американский социолог У. Корнхаузер признает, что эти ссылки стали общим явлением в социологической литературе. Элитисты¹ утверждают, что с глубокой древности человечество было разделено на две страты — правящую группу и массы. Согласно их теориям, для социальной жизни характерно наличие такой политической власти, которая сосредоточила бы в руках элиты, в силу ее особых способностей, управление. Народным массам элитисты отводят роль безликой толпы, слепо следующей за правящей группой — элитой. Эти теории — не что иное, как перепев традиционных взглядов выразителей идеологии эксплуататорских классов. Оправдывая эксплуатацию и угнетение трудящихся, идеологи капитализма и современного империализма проповедовали и проповедают лживые теории о неспособности народа к самостоятельной жизни, о превосходстве эксплуататоров над эксплуатируемыми. Взгляды эти весьма живучи; они культивировались веками. Настоячивая пропаганда, которая постоянно велась идеологами рабовладельцев, феодалов, капиталистов, была направлена на оправдание господства эксплуататорского меньшинства. Давая оценку подобным теориям, В. И. Ленин говорил: «Во что бы то ни стало надо разбить старый, нелепый, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государ-

¹ Слово «элита» происходит от французского «élite» — лучший, избранный, отборный. Элитист — теоретик элитизма.

ством... могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов»².

Однако было бы ошибкой считать, что новые и новейшие теории элитизма — лишь простое повторение старых идеалистических взглядов на роль народных масс и личности в истории. Это значило бы упростить их, игнорировать их специфику. Авторы этих теорий, стремясь сформулировать более научнообразно учение о современных общественных отношениях, ищут новейшую аргументацию, уверяют, что только с позиций элитизма и «массового общества» можно объяснить социальные изменения, присущие нашей динамичной эпохе, раскрыть причину войн и революций. Теории элиты и «массового общества» тесно связаны с широко распространенными в буржуазной социологии теориями — социальной стратификации и социальной мобильности, «трансформированного капитализма» и другими теориями, призванными прикрыть уродство монополистического империализма. Эти теории охотно берут на вооружение и идеологи антикоммунизма, возводя клевету на общественный и государственный строй социалистических стран.

Необходимость усиления борьбы с буржуазной идеологией, с ее «новейшими» теориями, за псевдонаучной оболочкой которых скрывается апология капиталистического строя, оправдание привилегированного положения ничтожного меньшинства, безудержная эксплуатация трудящихся масс, была подчеркнута на XXIII съезде КПСС. В Отчетном докладе XXIII съезду Л. И. Брежнев говорил: «Гигантский пропагандистский аппарат империализма растлеивает личность, пытается увести массы от политики. Борьба против буржуазной идеологии должна быть при всех обстоятельствах бескомпромиссной, ибо это борьба классовая, борьба за человека, за его достоинство и свободу, за укрепление позиций социализма и коммунизма, это борьба в интересах международного рабочего класса»³.

Одним из подобных «новейших» приемов апологии современного капитализма и являются теории элиты и «массового общества».

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 198.

³ «Материалы XXIII съезда КПСС», Политиздат, 1966, стр. 86.

Эволюция элитизма

Когда возникли современные теории элиты и каково их происхождение? Прогрессивный американский социолог Баркли писал, что генеалогия элитизма идет от Платона к Ницше и далее к Гитлеру. В этом утверждении большая доля правды. Попробуем проследить истоки этих теорий.

На протяжении столетий, до возникновения марксизма, господствовали представления о том, что главными фигурами в историческом процессе являются отдельные выдающиеся личности, вышедшие из эксплуататорских классов, что народные массы неспособны к историческому творчеству. Зачатки этих теорий мы находим еще у идеологов рабовладельческой аристократии. Смысл их проповедей сводился к тому, что историю творят избранные бога — полководцы, жрецы, философы — и что только им предназначено повелевать рабами. Сократ учил, что обществом управляют немногие «лучшие люди», приобщившиеся к подлинному знанию. Платон считал, что управлять государством должна каста аристократов, держащая в своем повиновении демос. Он решительно выступал против допущения демоса к участию в государственном управлении, пренебрежительно называя его толпой, враждебной мудрости, находящейся во власти взглядов, чуждых истине.

В «идеальном государстве» Платона ремесленники и земледельцы отстранены от государственных дел и других занятий «благородных». Свои реакционные политические взгляды Платон выразил в объективно-идеалистическом учении о душе. Согласно учению Платона, разумная часть души воплощается в деяниях касты философов-правителей, аффективная (возбудимая) — в му-

жестве воинов-стражей, призванных охранять порядок. В работе трудящихся масс — рабов проявляется низшая — вождедеющая часть души. От рабов требуются только соблюдение установленных законов, трудолюбие и подчинение. Свое «идеальное государство» Платон противопоставлял демократии, в которой осуществляется власть «сильного зверя» — черни. Основным пороком демократии Платон считал, что при демократической организации общества «всякий имеет волю делать, что хочет», и что «чернь, люди рабочие... наиболее многочисленны, и когда соберутся — в демократии составляют сторону могущественную»¹.

В средние века идеологи феодализма проповедовали учение о том, что поданные должны безропотно подчиняться правителям; они пытались представить мир в виде иерархической лестницы. Для буржуазии, ставшей господствующим классом, также характерно принижение народных масс, приписывание всех заслуг в развитии цивилизации «мудрым», образованным представителям господствующих классов. Ф. Ницше заявлял, что народные массы — это стадо, которое должно быть удерживаемо в рабстве всеми средствами. Они «не более чем фундамент и подмости, на которых высоко стоят... избранные существа». С упоением писал он об аристократии, принимающей со спокойной совестью жертвы «от бесчисленного множества людей, которые подавлены и унижены ради нее и сделались людьми неполноценными, рабами, орудиями»².

Идеалистические теории, отрицающие творческую роль народных масс в истории, объявляющие творцами истории «избранных» представителей господствующих классов, всегда брались на вооружение идеологами господствующих классов. Теории элиты — составная часть идеалистических взглядов на роль народных масс и личности в истории. Взгляды эти выступают в двух основных формах: в первой — в теориях героя и толпы — субъектом истории выступает отдельная выдающаяся личность: во второй — в теориях элиты — субъектом истории объявляется не отдельный герой, а весь господствующий класс или его верхушка. Обе эти формы весь-

¹ П л а т о н, Государство, СПб., 1863, § 557 В, 565.

² Ф. Н и ц ш е, По ту сторону добра и зла, М., 1900, § 258.

ма близки друг другу, они смыкаются и переплетаются, зачастую их выразителями являются одни и те же философы (Э. Ледерер, С. Хук и другие социальные философы). Больше того, можно утверждать, что ни одна из этих форм не существует в чистом виде. С древнейших времен идеологи эксплуататоров объявляли субъектом истории не только отдельную выдающуюся личность из господствующих классов, но и целый социальный слой, причисляя правящий класс или его верхушку к касте «выдающихся лиц», героев — истинных творцов истории. Платон отводил эту роль рабовладельческой аристократии, отцы церкви — феодальной аристократии и королям, Карлейль — «капитанам индустрии» — капиталистам.

* * *

*

Для того чтобы раскрыть причины широкого распространения теорий элиты, нужно вскрыть их классовые и идеологические корни. Как и все идеалистические теории, они *«пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всемогущего, объективного, абсолютного человеческого познания»*³.

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе» замечали, что отрицание творческой роли народных масс в истории является лишь спекулятивным следствием идеалистического решения основного вопроса философии («немногие избранные *индивидуумы*, в качестве *активного духа*, противостоят остальному человечеству, как *неодухотворенной массе*, как *материи*») ⁴. Распространяя идеалистическое решение основного гносеологического вопроса на понимание общественной жизни, авторы этих теорий исходят из того, что общественное развитие определяется сознанием и волей отдельных личностей (*субъективные идеалисты*) или некоей божественной волей, также раскрывающейся через немногих великих лю-

³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 322.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 93.

дей — «доверенных лиц» мирового духа (*объективные идеалисты*). В соответствии со своими исходными идеалистическими посылками те и другие игнорируют условия материальной жизни общества, деятельность трудящихся масс.

Правда, большинство современных элитистов тщатся доказать, что они стоят вдали от решения общеполитических проблем, не выходят за рамки «чистой социологии». Но нетрудно разглядеть тесную связь вопроса о роли народных масс, классов, отдельных личностей в истории с исходными философскими концепциями того или иного социолога. Она обнаруживается прежде всего посредством решения проблемы свободы и необходимости.

Для материалиста общественная жизнь с присущими ей закономерностями — это объективная реальность — первичное, а сознание и воля человека — вторичное отражение общественного бытия. Но признание объективной закономерности исторического процесса отнюдь не ведет марксизм к утверждению о том, что история — это безликий, автоматический процесс. Люди, обладая сознанием и волей, познают закономерности объективного мира и опираются на них в своей практической деятельности. Марксизм, таким образом, исходит из признания активной творческой роли народных масс, классов, партий, отдельных личностей.

Еще Спиноза и Гегель выдвинули гениальную догадку о том, что *свобода человека означает познанный необходимость*. Но свобода не есть абстрактная созерцательность. Свобода — это творческая активность человека, основанная на глубоком знании и практическом использовании объективных законов природы и общества. Категория свободы означает, что человек — субъект истории — отображает в своем сознании внешний мир и оказывает на него активное воздействие своей производственной и революционно-преобразовательной деятельностью. Обратное воздействие субъективного фактора на материальное бытие дает возможность научно объяснить роль народных масс, классов, партий и их вождей в историческом процессе.

Современная буржуазная философия, как и предшествовавшая философия эксплуататорских классов, идет по двум направлениям в решении вопроса о свободе и не-

обходимости. Первое направление — *волюнтаристское*, тесно связанное с субъективным идеализмом; второе — *фаталистическое* — обычно связано с объективным идеализмом. Оба направления принижают роль народных масс в истории, возвеличивая эксплуататорскую элиту.

Волюнтаризм, отрицающий объективные закономерности в природе и обществе, приписывающий человеческой воле решающее значение в истории, характерен для буржуазной социологии периода империализма. Волюнтаризм призван обосновывать разбойничью политику монополистической буржуазии, ее реакционные вождедения, идущие вразрез с объективным ходом общественного развития. Элита увлекает массы в нужном для себя направлении и творит историю по своему произволу — вот тезис волюнтаристов. *Фаталисты* проповедуют, что в мире господствуют некие сверхъестественные силы, предопределяющие ход исторического процесса, что бог творит историю ~~через~~ элиту.

Нужно отметить, что из сотен буржуазных социологов, занимающихся проблемой элиты, лишь немногие пытаются исследовать ее в широком теоретическом плане. «Американская литературная элита», «культурная элита в странах Арабского Востока» — вот типичные темы их исследований. Эти социологи считают, что невозможно вскрыть закономерность исторического процесса, ибо она якобы привносится исследователем извне. Они говорят, что при описании каких-либо явлений следует опираться на данные органов чувств. Себя же они стремятся выдать за объективных и беспристрастных исследователей, скромно работающих над определенными частными, конкретными проблемами. Но на самом деле отказ этих социологов от решения общетеоретических проблем общественной науки не дает оснований считать, что они подходят к решению частных вопросов как объективные ученые и не имеют никакого априорного груза. В действительности эти так называемые объективные ученые находятся в плену буржуазной идеологии. Их исходные принципы — идеализм, агностицизм, метафизическое решение проблемы свободы и необходимости, сущности и явления в историческом процессе; абстрактный, неисторический подход к изучению общественных явлений.

Теоретическим фундаментом элитизма является, таким образом, философский идеализм. Элитистские теории получают столь широкое распространение потому, что они служат орудием духовного порабощения масс, сковывания их революционной инициативы. Теории элиты, во-первых, должны доказать неспособность трудящихся масс к самостоятельной жизни без господствующих классов, на долю которых выпала руководящая роль во всех сферах общественной жизни, и прежде всего в управлении государством; во-вторых, эти теории служат для того, чтобы прикрыть классовый антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми проповедью о вечном недовольстве толпы своими руководителями — «выдающимися лицами», достигшими успеха.

Социальной основой этих взглядов является разделение антагонистических обществ на кучку угнетателей и на массу трудящихся и эксплуатируемых. Эксплуаторские классы по своему социальному положению являются антагонистами трудящихся масс. Они превращают государственное управление в свою монополию, поработают народные массы экономически и политически. И им пужно идеологическое обоснование и закрепление такого положения. *Элитизм — это абсолютизация отношений гнета и эксплуатации, оправдание и увековечивание общества с правящими и эксплуатируемыми классами.* Совершенно справедливо пишет прогрессивный американский публицист и историк Г. Аптекер: «Элитизм — неотъемлемая принадлежность общества, построенного на частной собственности на средства производства. Он представляет собой сущность мышления господствующего класса»⁵.

В антагонистическом обществе существует глубокое противоречие между умственным трудом, ставшим привилегией господствующих классов, и физическим трудом, выпавшим на долю трудящихся. Этот классовый антагонизм, естественно, находит свое отражение и в идеологии. Теоретики господствующих классов рассматривают умственный труд как главную силу истории, а физиче-

⁵ Г. Аптекер, О сущности свободы, ИЛ, 1961, стр. 41.

ский труд — как второстепенный, низменный процесс. Всю заслугу в развитии цивилизации они приписывают образованным представителям господствующих классов, отрицая творческую роль народа.

В условиях эксплуататорских отношений идеологи господствующих классов изучали прежде всего свою собственную деятельность, освящали интересы своих классов. Как отмечал Ф. Энгельс в книге «Диалектика природы», «более скромные произведения работающей руки отступили на задний план, тем более, что планирующая работа голова уже на очень ранней ступени развития общества... имела возможность заставить не свои, а чужие руки выполнять намеченную ею работу»⁶.

Таким образом, социальной основой теорий элиты является угнетенное положение трудящихся и господство класса капиталистов. Но помимо этих общих причин распространения элитизма необходимо вскрыть также специфические причины, обуславливающие распространение этих теорий в период империализма и их специфическую форму.

Сущность современных теорий элиты невозможно раскрыть, не обращаясь к определенному социальному процессу эпохи империализма — образованию финансовой олигархии. Ибо социальное назначение этих теорий — апология последней. Авторы элитистских теорий стремятся замаскировать классовую природу финансовой олигархии, антинародную сущность ее господства, кастовый характер ее образования. Нарочитая расплывчатость термина «элита» (которую вынуждены публично признать и сами элитисты) служит им для того, чтобы распространить это понятие на любые социальные отношения, абсолютизировать его.

Элитизм — наиболее беззастенчивая апология империализма. Кто правит сейчас в капиталистических странах Запада? Кому принадлежат огромные производственные мощности, ценности, созданные поколениями трудящихся? Ответить: капиталистам — значило бы дать слишком общий ответ, ибо монополистический капитализм привел к гигантской концентрации богатств в руках верхушки финансовых и промышленных магнатов и к разорению сотен тысяч представителей мелкой и сред-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 493.

ней буржуазии. Действительными хозяевами жизни в современных капиталистических странах являются несколько десятков богатейших семейств, образующих финансовую олигархию. Ф. Ландберг писал о 60 таких семействах в США; Р. Миллс считал более правильным несколько увеличить эту цифру. Во Франции — это известные 200 семейств (в настоящее время, по признанию буржуазных экономистов, число их значительно сократилось). Это — несколько десятков богатейших семейств в Западной Германии и Англии. Вот эта верхушка господствующего класса и провозглашается буржуазными социологами элитой — лучшей частью человечества. Немецкий исследователь Э. Готшлинг справедливо указывает, что «элитистские теории — идеологическое выражение господства крупной буржуазии, это эхо, реакция на освободительное движение пролетариата; в них отражается также процесс дифференциации внутри самого класса буржуазии»⁷.

Теории элиты являются идеологическим отражением тех социальных изменений, которыми сопровождалось перерастание капитализма свободной конкуренции в империализм. Конкурентная борьба приводит к поглощению мелких капиталистов более крупными, к концентрации и централизации капитала. Более мелкие предприятия, не выдержав конкуренции, прекращают свою деятельность; их место занимают все более крупные предприятия с более высокой степенью капиталистической рентабельности. По данным американских экономистов, 500 крупнейших корпораций США контролируют две трети экономики страны и получают свыше 70% всех чистых прибылей. Как признает реакционный американский экономист Берль, это — наивысшая концентрация экономической собственности, когда-либо имевшая место в истории⁸. В 1955 году 200 крупнейших нефинансовых корпораций США получили 57,4% общей суммы прибылей⁹. Но

⁷ E. Gottschling, *Herrschaft der Elite? Gegen eine reaktionäre Theorie*, В., 1958, SS. 10—11.

⁸ См. A. Berle, *The 20th Century Capitalist Revolution*, N. Y., 1955, pp. 25—26.

⁹ См. В. Перло, *Империя финансовых магнатов*, ИЛ, 1958, стр. 27.

и эти цифры не дают еще полного представления о концентрации экономической мощи, так как многие из этих корпораций-миллиардеров принадлежат одним и тем же семействам — Морганам, Рокфеллерам, Дюпонам.

Происходит сращивание монополистического банковского и промышленного капитала, образуется финансовый капитал. Этот процесс проявляется в *личной унии* — когда одни и те же лица оказываются во главе руководящих органов и промышленных, и банковских монополий. Директора и члены правлений промышленных корпораций входят в состав правления банков и наоборот. В результате руководство промышленными и банковскими монополиями захватывает узкая группа крупнейших финансовых магнатов. Контрольные пакеты акций промышленных и банковских монополий оказываются в руках нескольких семейных групп мультимиллионеров и миллиардеров. Сросшиеся между собой крупнейшие банковские, промышленные, транспортные, страховые и другие монополии объединяются в гигантские финансовые группы, которые возглавляются семействами финансовых магнатов. Они и образуют финансовую олигархию, возглавляют монополистические империи, они и являются подлинными хозяевами, бесконтрольно господствующими в экономике и политике капиталистических стран.

В США господствует восемь основных финансовых групп. Это — группа Морганов (в 1955 г. контролировала компании и корпорации с активами свыше 65 млрд. долл., в настоящее время — около 80 млрд.), Рокфеллеров (общая сумма активов, контролируемая ими, превышает 70 млрд. долл., личное состояние пяги братьев Рокфеллеров — Джона, Нельсона, Лоренса, Уинтропа, Дэвида — и их дяди У. Олдрича оценивается в 4 млрд. долл.), Дюпонов (общая сумма активов, контролируемых семейством, приближается к 20 млрд. долл., личное состояние — около 5 млрд.), Меллонов (контролирует корпорации с активом свыше 20 млрд. долл., личное состояние — около 4 млрд.), группа «Ферст нэшнел сити бэнк оф Нью-Йорк» (контролирует активы, оценивавшиеся в 1955 г. в 13 млрд. долл., в группе главенствуют семейства Стиллменов—Рокфеллеров, Бейкеров, Уинтропов, Доджей), кливлендская группа (семейства Матеров, Ханна, Итонов, Хэмфри контролировали корпорации с активами свыше 18 млрд. долл.), чикагская

группа (семейства Маккорриков, Эвери, Вудов, Свифтов, Дауэсов, Филдов контролируют корпорации с активами свыше 27 млрд. долл.), группа «Бэнк оф Америка» (семейства Джаннини, Кайзера, активы одного лишь этого банка достигали в 1958 г. 11,3 млрд. долл.).

Эти несколько десятков семейств миллиардеров и мультимиллионеров и являются безраздельными хозяевами в экономике США. Но они же являются и всесильными распорядителями в политической жизни страны, в которой деньги решают все. Общественный строй, при котором судьбами миллионов людей распоряжается кучка магнатов финансового капитала, действующая во имя увеличения своих прибылей, нельзя назвать иначе, как антинародным. Недаром выдающийся американский социолог Р. Миллс делает вывод о том, что строй современной Америки — «олицетворение голой и деспотической силы». «Люди из высших кругов не представляют нацию, их высокое положение не является результатом их моральных достоинств... Носители такой громадной власти, какой еще не знала история человечества, они обрели эту власть только благодаря американской системе организованной безответственности»¹⁰.

Опираясь на свое экономическое могущество, финансовая олигархия подчиняет себе государственный аппарат и использует свое политическое господство для обеспечения максимальных прибылей. Эти несколько десятков семейств финансовой олигархии, богатейших из богатых, буржуазные идеологи объявляют правящей элитой. Правда, Р. Миллс и другие американские социологи относят к ней наряду с магнатами капитала верхушку военщины, чиновничества, управляющих корпорациями, но последние занимают здесь явно подчиненное положение.

Монополистический капитал, как отмечается в Программе КПСС, «установил свою диктатуру — диктатуру меньшинства над большинством, диктатуру капиталистических монополий над обществом»¹¹. Углубление противоречий между народными массами и кучкой монополистов ведет к тому, что империалистической буржуазии

¹⁰ Р. Миллс, Властвующая элита, ИЛ, 1959, стр. 484.

¹¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», Политиздат, 1964, стр. 33.

все труднее сохранить свое господство методами буржуазной демократии. Обострение противоречий капитализма в период его общего кризиса сопровождается политической реакцией, переходом буржуазии от конституционно-парламентских методов управления к открытой диктатуре. «Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот от демократии к политической реакции...» — писал В. И. Ленин. — В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание» демократии вообще, всей демократии...»¹².

Империалистическая буржуазия нуждается в теоретическом обосновании этого поворота в политической надстройке. Именно этим целям и служат широко пропагандируемые идеологами империализма теории «сильной власти», способной обуздать народ, теории всевластия элиты. В настоящее время эти теории приобретают специфическое назначение как теоретическое обоснование фашизации политической жизни некоторых капиталистических стран.

Многие буржуазные социологи доказывают, что в наш «нестабильный» век демократические методы управления устарели и становятся опасными, поскольку влияние «некомпетентного» общественного мнения в определенной мере связывает западных политиков, мешает элите проводить «разумную» политику¹³, вынашивают идеи о «сильной элите», которая была бы «более оперативна» в подавлении трудящихся масс внутри страны и в «твердой политике» вовне. Одни заявляют об «угрозе» возрастающего вмешательства масс в государственные дела и призывают «пересмотреть проблему демократии»¹⁴. Другие советуют вывести касту роботов, способных лишь к слепому послушанию элите¹⁵. Большинство буржуазных идеологов стремятся отыскать новые методы, которые позволили бы монополистической элите контролировать деятельность масс, любыми средствами удерживать их в состоянии покоя.

¹² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 93.

¹³ См. W. Lippman, The Public Philosophy, N. Y., 1955.

¹⁴ См. C. Rossiter, The American Presidency, L., 1957.

¹⁵ См. L. Kelso, M. Adler, The Capitalism Manifesto, N. Y., 1958.

Теории элиты очень популярны в среде ультраправых и антикоммунистических организаций, которых только в США насчитывается около тысячи («общество Джона Бэрча», «минитмены», «христианский крестовый поход против коммунизма», «американская нацистская партия», старые отряды реакции — «Ку-клукс-клан» и другие организации подобного толка). Буржуазная демократия рассматривается ими как препятствие на пути осуществления программы крайне правых; они требуют установления диктатуры «сильного человека», опирающегося на монополистическую элиту. Прогрессивный американский социолог И. Горовиц проследил тесные связи американских ультраправых, «нового консерватизма» с идеологией элитизма. «Новый консерватизм бесстыдно заявляет, что разрушение элитизма автоматически вылилось бы в разрушение самого общества. Новый консерватизм отождествляет общество с капитализмом, а самого себя — с тем и другим»¹⁶.

«Властвующая элита» — этот термин обозначает немногочисленную по составу, но могущественную по своему положению группу, которая сосредоточила в своих руках всю экономическую и политическую власть. Таким образом, социальные корни современных теорий элиты кроются в самой природе империализма. Они отражают тот реальный факт, что при империализме безраздельно господствуют несколько десятков крупнейших монополистов, держащих в своих руках ключевые позиции в экономике и государственном аппарате. В теориях элиты нашли определенное отражение некоторые реальные процессы, которые происходят в современных капиталистических странах. Но они нашли в них искаженное, превратное толкование, что обусловлено классовой ограниченностью буржуазных социологов. Цель этих теорий — объявить современный монополистический капитализм естественным и вечным строем, обосновать необходимость и полезность существования элиты. Действительный классовый антагонизм между монополистической буржуазией и народными массами они стремятся объявить вечным противоречием между «толпой посредственностей» и элитой, которой цивилизация буд-

¹⁶ "Science and Society", Winter 1956, No 1, vol. XX, p. 12.

то бы обязана своим развитием и ликвидация которой равносильна анархии и гибели общества.

Буржуазная ограниченность этих социологов заставляет их абсолютизировать черты, присущие монополистическому капитализму, объявлять их вечными, всеобщими и создавать угодную империалистам схему философии истории. При империализме всеми делами общества вершит кучка монополистов, которая объявляется элитой. Эти отношения проецируются на всю человеческую историю, и объявляется, что элита господствовала во все времена. Это и есть раскрытие «ускользающей тайны» общественного развития. По мнению одного из элитистов, философа Арнольда Тойнби, творческое меньшинство всегда было субъектом, движущей силой истории, а история является лишь историей правящих меньшинств, сменяющих друг друга элит.

К наиболее крупным теоретикам элиты первого поколения (начало и первая треть XX в.) относятся итальянские социологи Вильфредо Парето, Гаэтано Моска, Роберто Михельс, видный испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет, отчасти З. Фрейд, О. Шпенглер, М. Шелер.

В. Парето, один из представителей позитивистской социологии, заявлял, что его цель — создать «исключительно экспериментальную социологию», подобно физике, химии, и способствовал широкому проникновению в социологию математических и статистических методов. Но, подобно другим социологам-позитивистам, претендовавшим на строгую научность и «беспартийность» своей социологии, он заимствовал догмы и предрассудки класса, к которому принадлежал и интересы которого защищал. Парето утверждал, что любое общество неизбежно делится на две части — на элиту и массу. Это деление проистекает в конечном счете из биологической и социальной неоднородности общества. «Элиты... возникают из низших слоев и в ходе борьбы поднимаются в высшие, там расцветают и в конце концов вырожда-

ются, уничтожаются и исчезают... Этот кругооборот элит является универсальным законом истории»¹⁷. В своих сочинениях Парето и стремился представить историческое развитие в виде «вечной циркуляции» различных элит. Схема этой «циркуляции» ничего общего не имеет с историческим подходом к общественному развитию, крайне спекулятивна и претендует на универсальность.

Оказывается, элиты бывают двух главных типов, которые последовательно сменяют друг друга. Первый тип элиты — «*лисы*» — специалисты по использованию обмана, мастера политических комбинаций. Второй тип элиты — «*львы*», для которых характерно использование грубой силы и крайний консерватизм. Элиту Парето анализирует прежде всего с точки зрения методов сохранения политического господства. Каждой элите свойствен один из двух главных методов — *манипулятивный* (метод компромиссов) — у элиты типа «*лисы*», *грубое принуждение* — у элиты типа «*львов*». Ход истории определяется прежде всего изменениями в структуре и динамике элит. Постоянная смена одной элиты другой, постоянная смена методов господства элиты является результатом того, что каждый тип элит обладает непосредственными преимуществами, которые, однако, с течением времени перестают соответствовать потребностям руководства обществом. Поэтому сохранение социального равновесия требует постоянного процесса замены одной элиты другой, по мере того как перед элитой возникают повторяющиеся социальные ситуации¹⁸.

Для того чтобы выявить, кого можно отнести к элите, Парето предлагает статистический метод. «Допустим, что в каждой отрасли человеческой деятельности каждому индивидууму дается индекс, являющийся как бы оценкой его способностей, подобно тому как ставят отметки на школьных экзаменах. Например, человека, который приобрел миллионное состояние (честным или бесчестным путем, все равно), мы оценим баллом 10. Человека, состояние которого исчисляется тысячами, — баллом 6; тех, кто едва-едва избежал дома для бедных, — баллом 1, оставив 0 для тех, кто туда попал... Совокуп-

¹⁷ V. Pareto, Les systèmes socialistes, P., 1902, p. 34.

¹⁸ См. V. Pareto, The Mind and Society, N. Y., 1955, vol. 4.

ность людей, каждый из которых получил в своей области самую высокую оценку, назовем элитой»¹⁹.

По признанию буржуазных социологов, теории Парето оказали значительное влияние на современную буржуазную социологию²⁰. Методика Парето широко используется в работах Г. Лассвелла и других современных элитистов, хотя другие буржуазные социологи и не согласны с многими частными аспектами его концепции и считают, что отцом элитизма следует признать не его, а Г. Моску. Исходный пункт концепции Моски тот же — деление общества на *две страты* — *эли́ту* (правлящее меньшинство, политически господствующую группу) и *массу* (политически зависимое большинство). Такое разделение рассматривается как всеобщее нормальное условие цивилизованного общества. «Во все времена человеческой истории, начиная с едва приближающихся к цивилизации и кончая современными передовыми и великими обществами, всегда существовало два класса людей — класс, который правит, и класс, которым правят. Первый, обычно менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует в своих руках власть и наслаждается преимуществами, которые дает эта власть, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым»²¹. Характер правящего класса и определяет политическую структуру и уровень цивилизации данного общества²². В правящем или политическом классе и сосредоточена политическая жизнь государства, и, хотя в количественном отношении этот класс является меньшинством, в качественном отношении он большинство, так как объединяет индивидуумов, обладающих политическим сознанием и влиянием.

На вопрос, какой тип политической организации лучше, Моска отвечает: «Тот, который дает всем элементам, обладающим какой-либо политической ценностью» (т. е. не всем членам общества, а элите. — Г. А.), возможность развиваться, лучше подвергаться взаимному контролю и

¹⁹ V. Pareto, *The Mind and Society*, vol. 4, pp. 2027, 2031.

²⁰ См. Г. Беккер и А. Босков, *Современная социологическая теория*, ИЛ, 1961, стр. 100—102.

²¹ G. Mosca, *The Ruling Class*, N. Y., 1939, p. 30.

²² *Ibid.*, pp. 50—51.

соблюдать принцип индивидуальной ответственности за действия, которые они совершают при осуществлении присущих им функций»²³. Важнейшей задачей социологии Моска считает анализ роста, состава и организации элиты. Правящее меньшинство, отмечает он, избирается различными способами, но всегда исходя из некоторых желательных качеств и способностей. Власть правящей элиты в конечном счете зависит от того, в какой степени качества элиты соответствуют конкретным потребностям данной эпохи. Изменения в классовой структуре общества можно суммировать, отметив изменения в составе правящего меньшинства.

Наконец, из элитистов первого поколения необходимо отметить Р. Михельса, сформулировавшего так называемый *«железный закон олигархических тенденций»*. «Закон» этот состоит в том, что «демократия, чтобы сохранить себя и достичь известной стабильности», вынуждена прибегать к организации, а организация связана с выделением активного меньшинства — элиты, которой неизбежно приходится доверяться ввиду «технической невозможности прямого контроля со стороны масс»²⁴. Поэтому демократия неизбежно превращается в олигархию, и люди, совершая переворот в социальных отношениях, убегают от Сциллы, чтобы попасть к Харибде. Эти выводы Михельса, направленные против революции, пришлись по душе современным элитистам; в свое время они оказались пригодными для оправдания фашизма.

Говоря о психологической трактовке элиты, нельзя не упомянуть о З. Фрейде, влияние которого на современную буржуазную социологию трудно переоценить. Фрейд утверждал, что массы движимы слепыми, подсознательными инстинктами, прежде всего сексуальными, что управлять обществом способна лишь элита. «Невозможно отказаться от принципов господства меньшинства над массой, — пишет он, — так как масса ленива и инертна, не любит отказываться от влечений... Только влияние исключительных личностей, которых масса признала своими вождями, может заставить их обратиться к полезной работе. Но они стоят перед опасностью из боязни

²³ G. Mosca, *Elementi di scienza politica*, Bari, 1953, p. 212.

²⁴ R. Michels, *Political Parties*, N. Y., 1951.

потерять свое влияние, в большей степени подчиняться массам, чем массы подчиняются им; поэтому представляется необходимым, чтобы люди власти были независимы от массы»²⁵.

Сторонником элитизма был и О. Шпенглер, который рассматривал историю как летопись сменяющихся друг друга циклов социально-культурного развития, причем он считал, что своими успехами культура полностью обязана элите. Усиленная урбанизация порождает массу, которая выходит из повиновения традиционной элите, в результате чего разрушаются традиции и социальная организация предшествовавших фаз. Массы, вырвавшиеся из повиновения элите, грозят погубить цивилизацию — вот лейтмотив сочинений Шпенглера, Ортеги и других элитистов; это — вопль идеологов умирающего класса. Шпенглер оправдывает существование элиты ссылаясь на технологические факторы. В книге «Человек и техника» он пишет, что техника разделяет людей на две части. С одной стороны, на заводах, шахтах «собирается человеческая масса гигантских размеров, которая пасется машинной техникой, для нее работает и живет». Массам противостоит и массами руководит элита — «небольшое число творческих голов, организаторов, открывателей, инженеров»²⁶.

К взглядам Шпенглера близка точка зрения и А. Тойнби. У него также история цивилизации имеет циклический характер, причем ее стержнем является история элиты. Процесс истории есть процесс смены творческих и господствующих элит. Творческая элита разрешает задачи, стоящие перед обществом, посредством размышления; господствующая элита, опасаясь смены у кормила правления, удерживается у власти благодаря силе. Как видим, это напоминает концепцию «лис» и «львов» Парето. Примитивное общество достигает уровня цивилизации, создавая творческое меньшинство, которое разрабатывает адекватные реакции на возникающие угрозы обществу. В процессе эволюции общество все более дифференцируется и усложняется, и творческое меньшинство неизбежно вырождается в господствующее

²⁵ Z. Freud, Die Zukunft einer Illusion, Leipzig, 1928, SS. 9—10.

²⁶ O. Spengler, Der Mensch und die Technik, München, 1932, S. 78.

меньшинство, сохраняющее свое господство не разумом, а силой.

Говоря об элитистах начала нашего века, нельзя обойти и американских социологов. У. Самнер и Ф. Гиддингс рассматривали классовую иерархию как результат естественных процессов социальной эволюции. Индивидуумы, достигшие высшего статуса, объявлялись той биологической разновидностью, которая вносит нововведения, движет вперед цивилизацию. Гиддингс произвольно делил капиталистическое общество на четыре класса; высший, «социальный класс» — это «естественная аристократия среди людей», куда он относил верхушку капиталистического общества. Э. Росс, признавая, что времена, когда народные массы поклонялись придворной элите, безвозвратно ушли в прошлое, утверждал, что это отнюдь не означало конца господства элиты: старую элиту сменила элита «деловых людей». Утверждая, что господство и подчинение — неизбежная и устойчивая психологическая черта общества, Росс ссылается на господство родителей над детьми, мужчин над женщинами, сильных над слабыми. Господство и подчинение — иными он не мыслит человеческие отношения.

В 30—40-х годах XX в. теории элиты получили значительное распространение в социологии США, Англии, Франции. Наиболее уродливые формы теории элиты приняли в писаниях фашистских теоретиков. Гитлер в книге «Майн кампф», наиболее циничном выражении философии элитизма, провозглашал, что «историю мира творит только меньшинство», обосновывая социальное неравенство людей расовыми различиями. Яростно нападая на принцип подчинения меньшинства большинству, он формулировал кредо элитизма: «Принцип принятия решений большинством, отрицая авторитет личности и ставя на ее место толпу, грешит против основной идеи, заложенной в природе, — идеи аристократии». Большинство — это «толпа бездарностей»; меньшинство «сверхчеловеков» может попирать волю этого «неисторического» большинства. Фашистские теоретики Розенберг, Кронер, Гюнтер, Леман противопоставляли «неполноценную» массу арийской элите, обосновывали «аристократический принцип существенной структуры». Человеческая сущность этих теорий обнажилась перед всем миром.

Однако элитизм не умер с разгромом фашизма. Он оказался весьма живучим. Это обстоятельство не может нас удивить. Ведь элитистские теории являются составной частью буржуазной идеологии, имеют глубокие корни в природе современного капитализма. Больше того, эти теории выросли в целую «социологию элиты», которая заняла свое место среди целого конгломерата социологий, на которые распалась современная буржуазная наука об обществе.

Буржуазные социологи исходят из того, что общественная жизнь делится на ряд обособленных сфер. В соответствии с этим они выделяют как самостоятельные социологические дисциплины социологию семьи, религии, преступности, индустриальную, сельскую, политическую социологию, социологию элиты и другие виды социологий. Эти «специальные социологии» изучаются в высших учебных заведениях США и других западных стран. Американские социологи подсчитали недавно, что количество печатных работ, посвященных общесоциологическим проблемам, далеко уступает количеству работ по каждой из основных отраслей эмпирической социологии.

Для подавляющего числа статей и книг по социологии элиты (как, впрочем, и для исследований по другим социологическим дисциплинам) характерно стремление уйти от решения общесоциологических проблем, размельчание социологических исследований. Это, как правило, не теоретические работы, исследующие коренные проблемы истории философии, а мелкие, частные описания тех или иных социальных фактов или ситуаций. В многочисленных социологических журналах США, Англии, Франции, ФРГ и других стран появляются сотни статей, посвященных образу жизни литературной элиты Англии, милитаристской военной элиты ФРГ, профсоюзной элиты США, статьи о принципах рекрутирования элиты в той или иной латиноамериканской стране и т. п. Социологи тщательно подсчитывают средний возраст крупных чиновников в определенной стране и его динамику за последние десятилетия либо анализируют другие второстепенные данные, из которых нельзя сделать ровно никаких серьезных социологических выводов.

Большинство современных буржуазных социологов откровенно третирует социологические обобщения, ограничиваясь описанием поверхностных явлений без всякой

попытки заглянуть в их сущность. Маска «беспартийности», «непредвзятости», которой они прикрываются, не мешает им разделять все буржуазные предрассудки. Выступая против априоризма, они сами заранее исходят из весьма априорных схем о том, что общество в целом или любых группа неизбежно делится на элиту и нетворческое большинство, и поэтому ищут элиты в совершенно произвольных социальных коллективах, исследуя группы студентов, школьников или работников транспорта.

Нужно отметить, что в современной буржуазной социологии нет какого-то особого, оформленного направления — элитизма. Это — не особое направление, это характерная черта всей буржуазной социологии. Именно поэтому социологи, занимающиеся исследованием элит, представляют довольно пеструю картину. Крайний правый фланг элитистов занимают наиболее оголтелые реакционеры, среди которых немало последышей фашизма и фюреризма, защитников кровавой империалистической диктатуры, сторонников развязывания ядерной войны против социалистических стран. На левом фланге — небольшая группа социологов, критикующих, хотя и непоследовательно, язвы капитализма с позиций буржуазного либерализма. Самой яркой фигурой среди них является Райт Миллс. В своих книгах «Причины третьей мировой войны», «Социологическое воображение» (1959 г.) и «Слушайте, янки» (книга о революционной Кубе, 1960 г.) он критикует гонку вооружений и засилье финансовой олигархии, грубую буржуазную пропаганду, направленную на оболванивание масс. В дальнейшем мы будем неоднократно ссылаться на его книгу «Властвующая элита», посвященную исследуемой нами теме.

Наиболее известными пропагандистами элитизма в американской социологии являются профессор Нью-Йоркского университета Дж. Бэрнхэм, а также Г. Лассвелл и группирующаяся вокруг него группа социологов Стаффордского университета. Дж. Бэрнхэм — идеолог наиболее реакционных и агрессивных кругов американского империализма, Г. Лассвелл занимает несколько более умеренную позицию.

Американская социология оказывает значительное влияние на западноевропейскую, и особенно западногерманскую, социологию. По мере превращения Западной Германии в клерикально-милитаристское государство

вновь возродились концепции элиты в этой стране. Они стали составной частью идеологии германского империализма. Ярким сторонником их выступает нынешний министр иностранных дел ФРГ Г. Шредер, который пишет: «Ни общие социальные рассуждения, ни страшные деяния национал-социалистской элиты не могут увести нас на ложный путь и заставить придать понятию «элита» только исключительно негативное значение»²⁷. И под высоким покровительством властей К. Ясперс, Хайдеггер, а также социологи и философы рангом ниже усиленно пропагандируют теории элиты.

* *
*

Элитизм — общая черта современной буржуазной социологии. Однако представители разных социологических школ и направлений прибегают к различной аргументации. Чтобы придать правдоподобие своим социологическим вывертам, теоретики элитизма ссылаются на биологические и психологические факторы, приводят божественное (харизматическое) и организаторское (функциональное) «обоснования» элитистских теорий. Для подкрепления своих позиций элитисты прибегают к методу исторических аналогий. Идеологи империализма согласны в принципиальном — неизбежности деления общества на элиту и массы, они расходятся лишь в оценке причин этого деления. Одни видят их в психологическом складе людей, другие — в различной степени образования и подготовки к руководящей деятельности, третьи указывают на свойственную одним людям «волю к власти», другим — «склонность к подчинению».

Наиболее древние «аргументы» элитизма — это, несомненно, ссылки на сверхъестественные, божественные предначертания, на то, что элита выполняет волю бога: через избранную элиту бог творит историю. Они достаточно широко распространены и в современной буржуазной со-

²⁷ "Schrittenreihe der Bundeszentrale für Heimatdienst", 1955, Н. 12, S. 6.

циологии в основном как «харизматическое» обоснование элиты (харизма — благодать божия, ею наделяется человек, на которого пал божественный выбор и через действия которого реализуется его воля). К этому «объяснению» прибегает прежде всего религиозная социология — томистская, персоналистская, а также и некоторые социологи, считающие себя «светскими».

Проповедь элитизма характерна для католической философии. Лидер неотомизма Ж. Маритен утверждает, что социальное неравенство установлено богом. Народ не компетентен в «высших тайнах божественного откровения», и поэтому управлять народом должна духовная элита. Томисты апологетизируют средневековье, объявляют средневековую иерархическую систему образцом социальной структуры. Они повторяют учение Фомы Аквинского об управлении государством «посредством принципов» как противоположности народоправия. Только элита управляет, опираясь на божественный разум, а не греховные страсти, которые обуревают толпу. Св. Фома учил, что история творится прежде всего через действия христианских королей. И современные адепты Фомы, ничтоже сумняшеся, повторяют эту нелепицу, объявляя величайшими людьми в истории 30 королей²⁸.

В ряде докторских диссертаций, защищенных в католическом университете в Вашингтоне, затрагивается проблема элитизма. «Сестра» М. Хейс пишет о «естественной необходимости власти немногих, которым должны подчиняться многие... Это основано на естественном превосходстве одних и более низком положении других. Властитель (идет ссылка на Фому. — Г. А.) является в своем королевстве тем, чем душа является в теле и чем является бог в мире»²⁹. Д. Кокс пишет, что только сильная власть элиты может обуздать «революционный иррациональный пролетариат» и обеспечить порядок в обществе. В качестве примера такой власти приводится средневековая иерархия³⁰. Т. Корбет утверждает, что управление должно быть монополией элиты, «избранных людей большого ума и сильного характера», обладаю-

²⁸ См. "Social Science", June 1954, p. 169.

²⁹ M. Hayes, Various Group Mind Theories, Wash., 1942, pp. 132, 134.

³⁰ См. J. Cox, A Thomistic Analysis, Wash., 1943, pp. 25, 127.

щих специальным образованием», досугом и другими данными, которых не имеет простой народ³¹.

Из «светских» социологов, писавших о харизматическом характере элиты, нужно отметить немецких философов и социологов М. Вебера, М. Шелера и Э. Ледерера. Вебер различал *три типа господства элиты: рациональное*, основанное на вере в законность существующего порядка; *традиционное*, основанное на вере в святость существующего положения, и *харизматическое*, основывающееся на вере в «неземные» способности «вождей». М. Шелер, последователь Гуссерля, пропагандировал близкие взгляды с позиций иррационализма: люди не равны по самой своей природе, и эти различия непреодолимы для воспитания или образования. Определяющую роль в истории он отводил «боговдохновенной» элите.

В западной социологии получила известность харизматическая теория элиты немецкого социолога Э. Ледерера, эмигрировавшего перед второй мировой войной в США: масса, толпа — инертна; элита должна использовать действия масс для достижения собственных целей; элита движима богом. «Действительным лидером толпы может быть человек, наделенный харизмой». Человек с харизмой действует в соответствии с волей бога. Он выражает волю бога в такой степени, что может даже спорить, не соглашаясь с ним, что лишний раз подчеркивает, что он является той же самой субстанцией, что и бог. Толпа чувствует, правильно или неправильно, что лидер имеет иные источники разума, чем наука и опыт; она думает, что для него логическое размышление не является необходимым. Эта уверенность не имеет границ. Она дает лидеру полную власть. Лидер не делает ошибок, а даже если и делает их, они рассматриваются как полный успех... Мы называем такую власть магией лидера»³².

Как видим, религиозная трактовка элиты тесно смыкается с иррационалистической. Она весьма распространена ныне в буржуазной социологии, в частности в западногерманской. М. Фрейнд пишет об элите как об «отмеченной особыми свойствами группе», обладающей «своего рода магнетической силой». Эту иррациональную силу

³¹ См. T. Corbett, *People or Masses*, Wash., 1950, pp. 176, 179.

³² E. Lederer, *The State of the Masses*, N. Y., 1940.

он называет «случаем, благословением, чудом. Человеческое неравенство — это факт, который едва ли может быть нами объяснен»³³. Так нынешние элитисты все более становятся на путь иррационализма и мистики.

Биологическое обоснование элитизма дает наиболее грубые и циничные аргументы. Общество якобы всегда было и будет разделено на элиту и массы вследствие вечных законов природы; в основе различий между ними лежит различие в природе людей, прежде всего расовые особенности индивидуумов. Биология привлекается для обмана масс, для придания видимости научности теориям о том, что угнетение трудящихся ничтожной кучкой эксплуататоров является «законом природы». Одни из них заявляют, что элиту создают законы генетики: в элиту входят многие избранные, получившие лучшую наследственность. Английский социолог С. Дарлингтон считает, что различие между элитой и эксплуатируемыми массами носит генетический характер и определяется в конечном счете «прочным материалом наследственности», причем ход истории определяется «объединенным генофондом» людей с лучшей наследственностью, то есть элиты³⁴. Американский социолог Р. Уильямс заявляет, что различия между «творческим меньшинством» и «нетворческим большинством» обусловлены генетическими различиями между людьми. От рождения предопределено, в элиту или в массы попадает человек. Равенство между людьми невозможно, иначе «пришлось бы раньше переделывать бабушек и дедушек»³⁵. Неомальтузианец Пенделл разделяет общество на «разрешителей проблем» — элиту и на людей, являющихся «социальным бременем», обузой для общества, имея в виду беднейшие слои населения³⁶.

Биологический элитизм тесно связан с расизмом. Расизм является идеологическим обоснованием угнетения и ограбления империализмом народов других стран, особенно колониальных. Но это — лишь одна сторона расизма. Во внутренней политике расисты проповедуют подавление трудящихся масс, изображая представителей

³³ M. Freund, Das Elitproblem in der modernen Politik, "Politische Bildung", München, 1954, H. 46, SS. 237, 238.

³⁴ См. C. Darlington, The Facts of Life, L., 1953, pp. 403—405.

³⁵ R. Williams, Free and Unequal, N. Y., 1953, p. 130.

³⁶ См. Pendell, Population on the Loose, N. Y., 1951, p. 219.

монополистической буржуазии как наиболее ценные в расовом отношении элементы, обладающие инициативой и способностью руководить, а трудящиеся массы — как неполноценный, деградирующий элемент, как низшую расу, призванную подчиняться расе господ. Двигателем исторического процесса расисты объявляют «цвет расы» — элиту. Видный американский социолог-расист Ганс Кон пишет о народных массах как о «бесцветных личностях», неспособных к творчеству, только элита обладает творческими потенциями и способствует развитию общества.

Человеконенавистнические теории расистов и мальтузианцев связаны с лженаукой евгеникой, ставящей своей задачей «улучшение человеческой породы» путем искусственного полового отбора. Последний, по их мысли, должен привести к улучшению элиты на одном полюсе и к сохранению послушных рабов капитала — на другом. Так американский физиолог Р. Джеральд обещает создать путем искусственного оплодотворения различные касты людей, которые выполняли бы роль роботов для элиты. Евгенисты Уитни, Госни, Динкинсон призывают к стерилизации сотен миллионов людей для «улучшения расовой чистоты». Евгенист Фримен доходит до чудовищной клеветы на массы, называя их паразитами, живущими за счет филантропов из элиты. Производителей всех материальных благ он объявляет «антисоциальным элементом», численность которого рекомендует «регулировать» путем истребления в войнах.

Однако следует признать, что биологические концепции элиты, в достаточной мере скомпрометированные фашистскими проповедниками, не являются господствующими в современной западной социологии; они уступили место другим, прежде всего психологическим и организаторским. Сторонники психологической теории элиты растворяют социологию в психологии, рассматривают общество как некую психическую среду, лишенную материальной основы. Они считают, что причины деления общества на элиту и массы лежат в психологии людей (в зависимости от своих психических особенностей человек попадает либо в элиту, либо в массы). Психосоциологи ведут ожесточенную борьбу против материалистического понимания истории, игнорируют связь того или иного класса с определенным типом производственных отношений, пишут о «естественном делении людей

на две психологические группы», об «извечном» конфликте между безликой толпой и творческой элитой. Многие из них воспроизводят теорию подражания Тарда, заявляя, что масса подражает элите. Известный американский социолог Л. Бернард писал, что толпа должна подражать людям, «достигшим экономического успеха, ибо деньги командуют всеми желаниями, включая власть»³⁷.

Психосоциологи полагают, что положение людей в обществе определяется врожденными свойствами — психической неполноценностью (масса) или, наоборот, психическим превосходством (элита); отсюда заявления о «психологической пропасти» между этими группами, о коренных отличиях в свойственных им типах восприятий. Американский психолог Дж. Джиттлер пишет о врожденных психических качествах, определяющих принадлежность индивидуума к элите или массе. Элиту он определяет как «категорию людей, обладающих определенными привилегиями, обязанностями и властью, которыми они располагают в связи с тем, что им присущи такие качества, которые рассматриваются как ценности в данную эпоху развития культуры»³⁸.

Таким путем стремятся замаскировать действительные основы экономического и политического неравенства в капиталистическом обществе. Известно, что сознание людей определяется их общественным материальным бытием; отсюда и объективное различие в психологии эксплуататорских и эксплуатируемых классов, которое формируется под влиянием условий их жизни. Отнюдь не врожденные психические инстинкты, а определенные социально-экономические условия эксплуататорского общества определяют угнетенное положение народных масс и господство кучки владельцев средств производства. При этом капитализм пытается привить трудящимся психологию рабской покорности.

Один из самых тривиальных приемов защиты господства финансовой олигархии состоит в утверждении, что современная элита образуется из наиболее одаренных и способных людей, пригодных для выполнения функций руководства социальной жизнью. Известный буржуазный

³⁷ L. Bernard, An Introduction to Sociology, N. Y., 1942, pp. 641—642.

³⁸ См. J. Gittler, Social Dynamics, N. Y., 1952, p. 148.

социолог Дж. Шумпетер (как ранее К. Ясперс) обосновывает элитизм ссылкой на различие индивидуальных способностей людей³⁹. Английский социолог М. Гинсберг пишет о подсознательной жажде большинства иметь лидеров. Большинство народа, по-видимому, стремится к тому, чтобы быть ведомыми и слишком легко подчиняются власти, как явствует из широкого распространения культа лидеров и универсальной готовности подчиняться власти⁴⁰, утверждает он. У большинства людей существует инстинктивная потребность в подчинении, тогда как у меньшинства существует врожденная жажда господства, эти импульсы и определяют принадлежность личности к элите или массе. Объясняя социальную дифференциацию прирожденными инстинктами, заложенными глубоко в психике индивидуумов, буржуазные идеологи затушевывают действительную основу экономического и политического неравенства людей при капитализме.

Теоретики элитизма объявляют приобретательство сущностью «человеческой природы», преуспевшие в этом образуют «естественную элиту». Богатство — доказательство выдающихся способностей человека и одновременно награда за них. Только таким проверенным людям можно доверить руководство обществом. Бедные же бедны потому, что у них нет способностей; кроме того, условия их жизни не способствуют их развитию, лишь тормозят его, поэтому лучше для них — следовать за элитой, великодушно согласившейся указывать им путь.

Элитисты считают, что правящий класс выделяется в процессе конкурентной борьбы, в которой побеждают наиболее способные, мобильные люди, обладающие наивысшим интеллектом и «волей к власти». Социологи прибегают даже к математике, чтобы обосновать это. А. Фриш провозгласил, что «статистические данные» говорят о том, что на тысячу индивидуумов в среднем не более десяти способны на творческую инициативу. Американский социолог Коулмен построил даже математическую модель распределения богатства, чтобы дока-

³⁹ См. J. Schumpeter, *Imperialism and Social Classes*, N. Y., 1951, p. 210.

⁴⁰ См. M. Ginsberg, *The Psychology of Society*, N. Y., 1949, p. 159.

зять, что «распределение богатств будет сильно склоняться к индивидуумам с высокими способностями»⁴¹.

Итак, способности людей пропорциональны обладанию собственностью. Поэтому капитализм с присущим ему элитизмом — вечный и естественный строй. Элита победила других в честном соперничестве, она наиболее пригодна для управления обществом. Чтобы дать этому наукообразное подтверждение, буржуазные психологи широко применяют метод тестов для определения умственных способностей населения. В результате произвольного применения специально разработанных тестов они легко «доказывают» высокие интеллектуальные качества элиты и тупость и неразвитость трудящихся. Во всех этих упражнениях нет и грама научности. Они только лишней раз доказывают апологетический характер официальной буржуазной психологии.

Бесспорно, люди одарены неодинаково, но отсюда не следует, что одни люди могут эксплуатировать других. Этот факт не может играть решающую роль в образовании классов, в определении их места в системе общественного производства, их отношении к средствам производства. Принадлежность к привилегированной верхушке капиталистического общества определяется отнюдь не умственными способностями, а размерами капитала. Капитализм душит миллионы народных талантов, обрекая их на изнурительный подневольный труд, лишая их достижений человеческой культуры. Глубоко лживо утверждение о том, что буржуазная демократия открывает «равные возможности для всех». В капиталистическом мире доступ к образованию, науке, культуре имеют господствующие классы. Представители финансовой олигархии — те самые, которых и объявляют элитой, в своем подавляющем большинстве являются по-настоящему представителями крупной буржуазии.

Пожалуй, наиболее распространенный аргумент, к которому прибегают элитисты, — ссылка на то, что руководство общественной жизнью требует подготовки. Народ же не осведомлен, плохо образован, не подготовлен к такой сложной деятельности. Следовательно, политическую деятельность надо предоставить профессиональ-

⁴¹ "Mathematical Thinking in the Social Sciences", Glencoe, 1954, p. 146.

ным политикам, «специально подготовленным» и «осведомленным» деятелям. Совершенно ясно, что в классовом обществе такими образованными и «специально подготовленными» для политической деятельности людьми оказываются представители господствующих классов. Именно они имеют доступ к образованию, науке и культуре, к руководящему положению в политической и экономической жизни. Народные массы лишены даже элементарных человеческих условий существования. По официальным данным федеральной резервной системы США, в стране имеется 5 млн. семей, существующих на ежегодные доходы до 1 тыс. долл., а прожиточный минимум, по признанию буржуазных экономистов, составляет около 5 тыс. долл. в год. Это значит, что 15—20 млн. американцев живут на грани нищеты. А что сказать о миллионах безработных и их семьях... В условиях подобной уродливой цивилизации, где миллионные массы трудящихся обречены на нужду и невежество, верхушечный слой «образованного» господствующего класса получает титул элиты.

Американские социологи У. Уорнер и Дж. Эбеглен пытаются доказать, что американская элита не является замкнутой, она-де постоянно пополняется за счет наиболее мобильных людей из «низших слоев». «Королевской дорогой» в элиту они называют «хорошее образование»⁴². Но при этом они умалчивают о том, что хорошее образование в капиталистических странах, в том числе и в США, носит классовый характер, что образование это весьма дорогостоящее и, как убедительно показал Р. Миллс, в подавляющем большинстве доступно лишь выходцам из привилегированных классов. По данным буржуазной статистики, более половины детей трудящихся в Соединенных Штатах, Англии, Франции, Западной Германии и других капиталистических государствах могут получить только начальное образование. Известный французский социолог Р. Арон признал, что во Франции число студентов — сыновей крестьян составляет два человека на тысячу трудоспособного населения, сыновей рабочих — 0,8 человека; для представителей господствующих классов этот процент в 100 раз более вы-

⁴² См. W. Warner and J. Abegglen, *Big Business Leaders in America*, N. Y., 1955.

сок. Таковы «равные возможности для всех» в капиталистическом мире, о которых восторженно пишут Уорнер и Эбеглен.

Совершенно очевидно, что принимать активное участие в политической деятельности могут люди, получившие известное общее образование, политически грамотные. Но какой вывод делают из этого буржуазные идеологи? Что народ неспособен к руководству политической жизнью, что политика — дело образованных представителей господствующих классов, элиты. По-другому решают этот вопрос марксисты. Они ставят своей задачей поднять политический и культурный уровень народа настолько, чтобы миллионы людей смогли по-настоящему участвовать в деле управления государством. В. И. Ленин писал, что мы «требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту»⁴³. Взяв власть в свои руки, трудящиеся массы во главе с пролетариатом создают условия для всеобщего народного образования, для действительного участия в руководстве государственной жизнью. Красноречивое свидетельство этому — опыт нашей страны, стран народной демократии, недавний опыт революционной Кубы, ставшей первой в Латинской Америке страной, ликвидирующей неграмотность.

Элитисты твердят, что пробиться в элиту под силу лишь самым способным, талантливым, одаренным, побеждающим других в конкурентной борьбе, в которой у каждого — равные возможности. Небезынтересно выяснить, какие же качества позволяют проникнуть в элиту, этот «клуб лучших», избранных личностей? Может быть, высокие моральные качества — честность, трудолюбие, патриотизм? «Не будьте наивными», — скажет всякий, хоть немного знакомый с «американским образом жизни». Эти качества — беспринципность и неразборчивость в выборе средств, волчья хватка, безжалостность, безза-

⁴³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 315.

стенчивая эксплуатация трудящихся — все во имя обогащения. И, разумеется, крупный капитал, с которым стартует тот или иной представитель элиты и без которого ему не совладать с другими себе подобными.

Безграничная жадность, стяжательство, отсутствие интеллектуальных интересов — такими качествами характеризуются «лучшие» человеческие особи, объединяемые понятием «элиты» в мире, где все продается и покупается. Изданная в США книга, носящая характерное название «Почему бизнесмены не читают книг», констатирует, что магнаты финансового капитала «почти не читают художественной литературы, философских и поэтических произведений. А если кто-нибудь из них начинает интересоваться чем-то, не имеющим прямого отношения к бизнесу, коллеги относятся к нему с нескрываемым чувством опасливой осторожности». В выступлении на IV социологическом конгрессе Ю. Пеннати, ссылаясь на таких авторитетных элитистов, как Моска, Парето, Ортега, Спендлер, Леоне, признал, что способности, которые ведут к успеху, то есть те, которыми должна обладать элита, «морально индифферентны или негативны».

Оноре де Бальзак писал, что приобретение каждого крупного состояния связано со злодейством. Это особенно справедливо по отношению к современным сверхкрупным состояниям. За каждым из них — преступления, подкупы, убийства, бесчестное ограбление тысяч трудящихся и менее расторопных конкурентов. Как сколотили состояния отцы и деды нынешних американских миллионеров, эти «бароны-разбойники» конца XIX — начала XX века? Дж. П. Морган разбогател на жульнических махинациях по продаже правительству США в период гражданской войны устаревшего оружия. Вандербильт разбогател в тот же период на продаже правительству пришедших в негодность судов, использование которых стоило жизни сотням американцев. Чудовищными преступлениями отмечен путь Дж. Д. Рокфеллера к его миллиарду долларов. Недаром Миллс писал, что не существует праведного пути для накопления состояния в сто миллионов долларов. «Не существует, насколько мне известно, такого человека, который вступил в ряды американских мультимиллионеров попросту в результате того, что он откладывал излишек своего жалованья или

заработка. Требуется непременно завладеть тем или иным путем такой стратегической позицией, которая дает возможность сорвать крупный куш; и надо, как правило, предварительно обладать крупной суммой денег, чтобы превратить ее в огромное богатство»⁴⁴. Далее он приводит интересные математические выкладки, показывающие, что человек, получающий 200—300 тыс. долл., то есть капиталист, доход которого в 50—80 раз превышает доход рабочего, не в состоянии скопить огромное по американским масштабам состояние, если даже отвлечься от налогов, если даже допустить, что он будет жить в лачуге и отказывать себе во всем.

Апологеты капитала любят писать о трудолюбии и бережливости американских мультимиллионеров, создавая впечатление, что, дескать, любой американец, если не будет лениться, может разбогатеть и пробиться в элиту. Но это — чудовищная фальсификация. Можно с карандашом в руках подсчитать, что, если высококвалифицированный рабочий не будет ни есть, ни пить, откажется от жилища и будет откладывать всю свою зарплату, ему понадобятся десятки тысяч лет, чтобы сколотить состояние, позволяющее войти в состав элиты. А для того чтобы достичь уровня крупнейших состояний американской элиты (Рокфеллеров, Меллонов, Дюпонов), ему потребовалось бы около миллиона лет.

Чем крупнее исходное богатство, чем крупнее значение занимаемых капиталистом стратегических позиций, тем больше его шансы на умножение богатства. Возьмем, к примеру, такой источник крупных состояний, как игра на бирже. Глубокое заблуждение считать, что все тут находится в одинаковом положении и «любому может повезти». Мелкий капиталист, если ему и улыбнется счастье, выиграет немного, но рано или поздно проиграет. А крупный финансовый воротила играет наверняка, ибо он имеет недоступную для других информацию, своим богатством и связями он имеет возможность влиять на конъюнктуру и поэтому без риска или с небольшим риском спекулирует на бирже. «Бесперывное накопление преимуществ, совершающееся на самом вершине пирамиды богатства, покоится на тех же самых закономерностях, что и порочный круг нищеты, существующий

⁴⁴ Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 150.

в самом низу»⁴⁵, — пишет Р. Миллс, подтверждая, помимо своей воли, выводы «Капитала» К. Маркса на современном материале. Подавляющее большинство нынешних мультимиллионеров подвизаются в предприятиях, полученных ими по наследству, или просто живут как рантье на проценты с унаследованного капитала. Как писал Ф. Ландберг, «американские состояния достигли периода стабильности, и их обладатели рождаются в пурпурных мантиях, подобно лордам, герцогам и графам»⁴⁶.

Даже буржуазные социологи все чаще стыдятся повторять ими же выдуманную басню о том, как мелкий лавочник или служащий благодаря своему трудолюбию и бережливости становится миллионером, выбивается в элиту, предоставляя бульварным журналам, комиксам и голливудским фильмам расписывать ее на все лады. Миллс в своем исследовании о мелких служащих писал, что «шансы на продвижение вверх по шкале социальной иерархии совершенно незначительны»⁴⁷. Социологи Видич и Бенсман отмечают, что рабочие и служащие понимают невозможность накопления капитала, отсутствие перспектив «социальной мобильности», «экономического продвижения вверх»⁴⁸. Надо быть слепым, чтобы не видеть этого.

* *
*

Значительное распространение получила в современной буржуазной социологической литературе «технологическая» теория элиты, уделяющая главное внимание способностям людей к организации управления современным машинным производством. Она нашла свое выражение в работах Дж. Бэрнхэма, А. Фриша, Д. Элеско, К. Боулдинга и др., утверждающих, что образование «правлящей элиты» зависит от тех функций, которые в тот или иной промежуток времени начинают играть в обществе главен-

⁴⁵ Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 151.

⁴⁶ Ф. Ландберг, 60 семейств Америки, ИЛ, 1948, стр. 20.

⁴⁷ C. W. Mills, White Collar, N. Y., 1956, p. 219.

⁴⁸ A. Vidich and J. Bensman, Small Town in Mass Society, N. Y., 1960, pp. 74—76.

ствующую роль. Если на первый план в XIX веке выдвигалась «предпринимательская инициатива», то в XX веке решающими стали «организаторские способности». Согласно этой концепции, истинными руководителями и организаторами современного общества — его элитой — являются, по выражению М. Лернера, те, «кто планирует промышленные и заводские операции. Именно эта монополия на способность к управлению и чувство руководящей роли придает им характер элиты»⁴⁹.

Сторонники этой концепции фетишизируют технику, считая, что она с фатальной неизбежностью предопределяет ход истории. Они утверждают, что историческая эволюция ведет к созданию общества, которое будет состоять из элиты — касты промышленных магнатов и администраторов и трудящихся масс — рабочих-автоматов. Отсюда делается вывод о необходимости установления диктатуры «касты лидеров» — «профессиональных организаторов производства». Установление такой диктатуры выдается ими за панацею от всех бед капитализма. Угнетенное, неполноправное положение трудящихся объявляется существенным условием пропагандируемого ими «нового общества». Французский социолог М. Колинз пишет, что по мере развития техники «сознательная деятельность человечества в области производства, а затем и в социальной области концентрируется в руках небольшой элиты — коллективного гигантского мозга, выделяющегося из всего человечества — человечества, сведенного к подсобной роли в производстве своих средств существования и живущего преимущественно как пассивный потребитель того, что производит техника»⁵⁰.

За три последних десятилетия технологические концепции элиты претерпели серьезную эволюцию — от старых технократических теорий буржуазно-реформистского толка с половинчатой критикой отдельных сторон капитализма к современному менеджризму — прямому апологету империализма, занимающему крайне правые позиции. Зарождение технократических теорий можно отнести к началу нынешнего века, но вполне оформились они в 20-е годы. Основателем американской технократиче-

⁴⁹ "Perspectives", 1956, No 14, p. 126.

⁵⁰ "Pervenec", 1955, No 53, p. 45.

ской школы считается Т. Веблен, писавший, что главную роль в производстве играет руководящий инженерно-технический персонал. Рабочие третируются как пассивный материал для элиты. Последователи Веблена — Скотт, Акерман, Джонс, Бенда — развивают мысль о том, что управление обществом должна взять на себя технократия из наиболее квалифицированной технической интеллигенции, способной осуществлять это руководство во имя «общего блага». Нужно сказать, что взгляды сторонников технократии первого поколения имели буржуазно-либеральный оттенок, носили печать мелкобуржуазного утопизма. Веблен носился с идеей заставить капиталистов под угрозой «забастовки инженеров» передать им бразды правления. В своей книге «Инженеры и система цен», отмечая возрастающую роль технических специалистов, он предлагал установить их социальное господство — «технократию». В период кризиса 1929—1933 годов перепуганная буржуазия причисляла Скотта к «красным».

С тех пор сторонники технологического обоснования элитизма эволюционизировали вправо. Ныне это — откровенные идеологи монополий. Виднейший социолог этого направления Джеймс Бэрнхэм в своем программном произведении «Менеджерская революция» пытался доказать, что на смену капитализму придет не социализм, а господство элиты «менеджеров», квалифицированно управляющих производством и всей общественной жизнью. Он понимает, что теории о вечности капитализма изжили себя, и пытается противопоставить социалистической революции революцию менеджеров; причем Бэрнхэм утверждает, что переход к менеджерскому обществу уже совершен, и образцом его он считает США, ставя их в пример остальному миру.

Многочисленные последователи Бэрнхэма — Элеско, Фриш, Боулдинг — наперебой доказывают, что «революция организаторов» уже осуществлена, что капитализм в развитых странах Запада претерпел коренные изменения и трансформировался в «новый» общественный строй. Одни называют его менеджеризмом, другие — «государством всеобщего благосостояния», третьи — «народным капитализмом». При этом буржуазные идеологи и правые социалисты (с легкой руки Леона Блюма взявшие на вооружение теории Бэрнхэма) стремятся

затушевывать коренные различия между капитализмом и социализмом и представить дело таким образом, будто повсеместно государственная власть теперь сосредоточена в руках «новой элиты» — верхушки технической интеллигенции, управляющих, чиновничьей бюрократии⁵¹. Французский социолог Веральди пишет, что ныне функции государственного и социального управления выполняются специалистами и в этом смысле все государства являются в той или иной степени «технократическими»⁵². Маскируя государственно-монополистический капитализм ширмой «общества управляющих», буржуазные идеологи пытаются отвлечь внимание рабочего класса от его главных задач — завоевания государственной власти и экспроприации капиталистической собственности.

Вместе с эволюцией технологического детерминизма изменился и взгляд его проповедников на тех, кого они относят к элите. В свое время Веблен призывал инженеров оттеснить бизнесменов и взять в свои руки управление промышленностью и социальной жизнью в целом. Ибо технократы, как он писал, действуют с позиций производственной целесообразности, что совпадает с общественной пользой, тогда как для бизнесменов главное — прибыль, и они сковывают деятельность технократии. Точка зрения современного менеджеризма совершенно иная. Недаром его сторонники критикуют представителей технократической школы 20—30-х годов как «примитивных романтиков». Если для первых характерна фетишизация роли технических специалистов, то для вторых характерно третирование их как простых исполнителей воли действительной элиты — менеджеров. Бэрнхэм считает неправильным относить к элите рядовых инженеров и техников, которых объявляет «просто квалифицированными рабочими». К менеджерам он относит промышленных и финансовых воротил, директоров крупнейших корпораций, верхушку чиновничества. Ячейку и прообраз «класса» менеджеров он видит в иерархии директоров «Дженерал моторз» и «Юнайтед Стейтс стил». Бэрнхэм критикует ранних технократов за то, что те смешивали функции инженера и управляющего. Мене-

⁵¹ См. G. Mollet, *Bilan et perspectives socialistes*, P., 1958.

⁵² G. Veraldi, *L'humanisme Technique*, P., 1958.

джерями он называет тех, кто «действительно управляет производством», и пишет, что необходимость установления господства элиты менеджеров вытекает из иерархической структуры управления современной промышленностью.

Разъясняя это положение, Бэрнхэм пишет, что капиталисты постепенно утрачивают прерогативы управления промышленностью, что в капиталистическом мире произошло «отчуждение» функции управления от функции собственности, что функция управления приобрела в наше время решающее значение. Относя к менеджерам управляющих и самых высокооплачиваемых служащих корпораций, он выдает их за «новый класс», будто бы действующий «во имя интересов общества». Менеджеры якобы рекрутируются из всех слоев общества и вбирают в себя наиболее способных людей, имеющих навыки к управлению, образуя элиту.

Организационная концепция элиты прочно утвердилась в буржуазной социологии и политической экономии. Страус-Хюпе, Мейерс, Норс, Аллен твердят, что в западных странах капиталисты якобы отодвинуты на задний план, что Соединенными Штатами управляет иерархия «независимых» чиновников. Ф. Аллен предлагает называть социальный строй США не капитализмом, а менеджериизмом. К. Боулдинг утверждает, что в капиталистическом мире произошла организаторская, или экологическая, революция: на смену капиталистам пришла иерархия управляющих. Друкер и Берль заявляют, что будто у управляющей элиты развилось «корпоративное сознание» и она руководствуется в своей деятельности уже не погоней за прибылью, а интересами общества. Новая управленческая элита «хорошо служит нации», твердят ученые приказчики монополий, которым вторят правые социалисты типа Кроссленда и А. Филиппа.

Теоретики «организаторской элиты» фетишизируют роль управления современной промышленностью и обществом, пытаются доказать, что главным для характеристики того или иного строя общества являются не отношения собственности, а отношения управления и подчинения. Поскольку невозможно отрицать необходимость функции управления производством, а бизнесмены-менеджеры — наиболее квалифицированные и талантливые специалисты своего дела, то, по их мнению, борьба

против существующих социальных порядков бессмысленна, она только приведет к дезорганизации производства и нанесет ущерб обществу. Напротив, нужно верить руководство обществом менеджерам, которые будут осуществлять его наиболее квалифицированно и обеспечат «просперити». Всемогущие бизнесмены-менеджеры — вот надежда и движущая сила социального прогресса. Главная цель идеологов буржуазии — оправдать капитализм, замаскировать господство кучки магнатов финансового капитала. Известный американский экономист А. Берль, заявляя, что в XX веке произошла «революция», в результате которой власть перешла от банков и капиталистов к управляющим, пишет, что разговоры о господстве кучки магнатов Уолл-стрита являются «жупелом, изобретенным демагогами».

Пропагандируя организаторскую теорию элиты, буржуазные социологи стремятся доказать, во-первых, что отношения собственности отступают ныне на второй план, а на первый план выдвинулись чисто функциональные отношения, во-вторых, что ныне не капиталисты, а служащие, управляющие контролируют корпорации и, в-третьих, что они представляют собой новый общественный класс. Так ли это в действительности? Теоретики менеджеризма учитывают одно из противоречий капиталистического общества, связанное с тем, что владелец капитала не имеет зачастую никакой связи с производством, получая лишь прибыль на капитал, причем они извращают причины и социальные последствия этого обстоятельства, утверждая, что оно ведет... к исчезновению капиталистической собственности. Указанное явление — следствие основного противоречия капиталистического общества — между возросшими производительными силами и узкими рамками капиталистических производственных отношений, между общественным производством и частным характером присвоения. Отделение приложения капитала от собственности на капитал не возникло только в последние годы, оно вообще свойственно развитию капитализму. Еще К. Маркс писал, что «сделалось не обязательным, чтобы этот труд по надзору исполнял-ся капиталистом»⁵³. В настоящее время, когда произ-

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 425.

водство стало широко разветвленным, специализированным, функцию управления им выполняет целая иерархия наемных служащих. Собственники капитала теряют, как правило, связь с производством, с непосредственным управлением предприятием. Увеличение слоя рантье свидетельствует совсем не о том, что капитализм исчез, как доказывают буржуазные социологи, — напротив, в этом проявляется паразитизм класса капиталистов, ставшего тормозом общественного развития.

Но объявлять право получения дивидендов единственным правом, которым обладают капиталисты⁵⁴, значит грешить против истины. Если текущие дела предприятия входят в компетенцию управляющих, то основные вопросы его деятельности решают владельцы-капиталисты. Именно капиталисты, хотя они обычно не принимают непосредственного участия в управлении предприятием, определяют и направляют всю его деятельность, так что инженерно-технический персонал является простым исполнителем воли капиталистов, обладателей контрольных пакетов акций. Реальный контроль над корпорацией осуществляется финансовыми магнатами, а не наемными служащими.

Сторонники «организаторской элиты» стремятся замаскировать тот факт, что класс капиталистов — носитель частной собственности на средства производства — стал препятствием общественного прогресса. И это препятствие будет уничтожено не менеджерами — наемными чиновниками капитала, оно будет сметено социалистической революцией, осуществляемой трудящимися во главе с рабочим классом. Не отношения управления определяют все социальные отношения, как считают элитисты. Напротив, характер и содержание управления определяются отношением людей к средствам производства, формой соединения производителей со средствами производства, формами собственности на средства производства, которые характеризуют тот или иной тип производственных отношений.

Теории о том, что на смену классу капиталистов приходит новый класс менеджеров, являются несостоятельными. «Независимые» буржуазные администраторы и

⁵⁴ См. J. Burnham, The Managerial Revolution, N. Y., 1941, p. 84.

чиновники, не говоря уж об управляющих корпорациями, независимы лишь от народа и весьма зависимы от монополий. Это отнюдь не борцы против капиталистической собственности, а ее приказчики, ее наемные слуги. Так, согласно буржуазной политической экономии и статистике, директоров и президентов крупнейших корпораций следует отнести к «наемным служащим» только потому, что они получают «заработную плату». Но этот тезис не выдерживает критики. В свое время К. Маркс писал о распадении класса капиталистов на две части — собственников капитала и функционеров. Президенты и директора монополистических объединений являются по своему существу функционирующими капиталистами, представителями финансовой олигархии. Они получают солидную долю прибылей корпораций в виде дивидендов на свои акции, огромные оклады, вознаграждения за представительство, премии в виде бесплатных акций или акций по цене ниже рыночной и т. д.

Узкая группа управляющих крупнейшими монополиями представляет собой часть класса капиталистов, зачастую верхушку этого класса. Это владельцы миллионных состояний, толстых пакетов акций. Как показал Р. Миллс, ведущие управляющие монополистических объединений США получали в первой половине 50-х годов (сейчас эти цифры еще более возросли) годовой оклад в сто и более тысяч долларов. Такие управляющие, как бывший президент «Дженерал моторз» Ч. Вильсон, Гринуолт («Дюпон де Немур»), Кертис («Дженерал моторз»), Грейс («Бетлхэм стил»), получали оклады свыше полумиллиона долларов каждый. Можно ли отнести подобные суммы в графу «заработная плата», как это делают буржуазные экономисты? Конечно, нет. Не вызывает сомнений, что подобные управляющие получают часть максимальных капиталистических прибылей. Помимо указанных доходов они получают огромные дивиденды на свои акции. Эти менеджеры являются составной частью монополистической буржуазии, а не неким «новым классом», как это пытаются изобразить теоретики элиты.

Недаром Р. Миллс писал: «Ведущие администраторы и крупнейшие богачи не представляют собой двух отличных друг от друга и четко обособленных групп. Они весьма основательно переплетаются между собой в мире

корпоративной собственности и привилегий»⁵⁵. Миллс констатирует, что под властью собственников возникла огромная и сложная управленческая бюрократическая машина. Но право принадлежать к верхушке этой бюрократии приобретаетс­я благодаря частной собственности. Представитель бюрократической верхушки, чьи полномочия вытекают из права частной собственности, неразрывно связан с классом капиталистов. Поэтому он действует в полном соответствии с интересами системы частной собственности. К аналогичным выводам пришла и группа левых лейбористов, исследовавших социальные отношения в промышленности Великобритании. В своем сборнике, вышедшем в 1959 году, Артис, Седжвик, Дженкинс, Холл, Сэмюэл и Тейлор приводят убедительные доказательства того, что управляющие и монополисты составляют «единую клику». Члены этой «новой элиты» корпоративного общества, как администраторы, так и владельцы, являются слугами частной собственности⁵⁶.

Ученые прислужники монополий тщатся доказать, что современный социальный строй западных стран — лучший, наиболее соответствующий современному уровню развития индустрии. И этому высокому уровню должно соответствовать адекватное управление со стороны высококвалифицированной элиты. Такая лучшая в мире организаторская элита, которой народные массы должны быть бесконечно признательны за ее любезное согласие осуществлять руководство обществом, имеется в западных странах. «Этим администраторам, говорят нам, — иронизирует Миллс, — американцы обязаны холодильниками, стоящими у них на кухнях, и автомобилями, находящимися в их гаражах, а также самолетами и бомбами, которые охраняют их... Ведущим администраторам корпораций, часто говорят нам, — этим одаренным, прямодушным, честным людям следовало бы доверить управление государством, ибо только в том случае, если бы власть находилась в руках подобных людей, в США не было бы коррупции, растрат, проникновения корыстных и преступных элементов в государственный аппарат. Словом, политика превратилась бы из грязного ремесла

⁵⁵ Р. Миллс, *Властвующая элита*, стр. 162—163.

⁵⁶ См. "The Insiders. A Study of the Men who Rule British Industry", L., 1959, p. 26.

в пристойное занятие»⁵⁷. Остается поставить вопрос: что делало бы общество без этих благодетелей? Если верить элитистам, оно погибло бы.

Идеологи эксплуататорского класса, составляющего меньшинство общества и сосредоточившего в своих руках власть, подчеркивают сложность административного управления, возводят его в мистическое искусство, доступное лишь избранным, разумеется, из этого самого класса. Теоретики элитизма пишут о «врожденных» талантах к управлению у капиталистов, которых будто бы нет у трудящихся. И в этом малопочтенном занятии им с готовностью ассистируют правые социалисты. Правый лейборист Кроссленд пишет: «Мы, конечно, не хотим иметь такой мир, в котором каждый бы суетился, вмешивался везде со своим чувством ответственности и никто мирно не обрабатывал бы свой сад»⁵⁸. Как видим, философия весьма примитивна, несмотря на ссылку на Вольтера: рабочие должны спокойно давать себя эксплуатировать, не лезть в дела управления социальной жизнью, в которых они некомпетенты, а уповать на то, что «квалифицированная управленческая элита» лучше знает, что надо делать «в интересах общества». Вопрос о том, что эта элита управляет не в интересах народа, а в интересах класса, к которому она принадлежит, скрывается этим «социалистом».

Сознательный пролетариат понимает антинародный, антисоциалистический смысл подобных рассуждений. Достаточно задать вопрос: а впрямь ли искусство управления столь таинственно, что доступно лишь немногим, избранным из тех, кто владеет частной собственностью? Ведь народные массы социалистических стран, лишившие элиту собственников ее привилегий, уже доказали, что им не только по плечу руководство современной индустрией, но что они развивают ее темпами, невиданными при капитализме. Функцию управления промышленностью нельзя рассматривать как нечто самодовлеющее, она определяется существующими производственными отношениями. Только апологеты капитала твердят о «врожденных» талантах у буржуазии к управлению. При социализме народные массы раскрывают в своей среде

⁵⁷ Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 161—162.

⁵⁸ С. Crosland, The Future of Socialism, L., 1957, p. 341.

яркие организаторские таланты, выдвигают великолепных руководителей самой современной индустрии.

Концепции «организаторской элиты», утверждающие, будто в элиту попадают «самые талантливые организаторы» из всех слоев населения, извращают классовую структуру современного капиталистического общества. Управляющие, члены правления монополистических объединений представляют собой часть класса капиталистов и вербуются отнюдь не из числа наиболее талантливых людей всех классов общества. Исследования буржуазных статистиков показали, что подавляющее большинство высших служащих корпораций являются выходцами из семей капиталистов и высокооплачиваемых служащих, которые смогли дать своим детям дорогостоящее образование. Р. Миллс убедительно показывает, что высшие администраторы корпораций — это «тип людей, отличающихся исключительными преимуществами по линии социального происхождения и образования»⁵⁹. Как жалко выглядят в свете приводимых ими данных попытки объявить управленческую элиту некоей «независимой» силой. Подавляющее большинство управляющих монополий — сыновья бизнесменов и отчасти лиц свободных профессий, то есть слоев, составляющих лишь незначительную часть населения. Эти данные наочно опровергают утверждения о том, что администраторы составляют «новый класс». Не только по своему отношению к средствам производства, но и по социальному происхождению, и по размерам дохода, и по образу мыслей это — часть класса монополистической буржуазии, выразители ее интересов.

Утверждения сторонников «организаторской элиты» об особых способностях и одаренности капиталистических администраторов и бизнесменов — лишь демагогия, призванная представить в извращенном свете тот факт, что в капиталистическом мире получить дорогостоящее образование в состоянии только выходцы из более обеспеченных слоев общества, так что дети рабочих обречены оставаться пролетариями. Этот факт извращается элитистами, усматривающими в нем... доказательство низких умственных способностей трудящихся масс и вы-

⁵⁹ Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 172—173.

сокой одаренности, предпринимательских талантов у привилегированных классов.

Технологическая концепция элиты является грубой клеветой на народные массы. Совершенно ненаучно положение элитистов о том, что будто бы само развитие техники раскалывает общество на организаторов и огромную толпу человеко-машин. Развитие производства определяется не элитой технократов; оно происходит по присущим ему объективным закономерностям, оно зависит от характера производственных отношений, от той роли, которую они играют в тот или иной период общественного развития. В условиях социализма технический прогресс — комплексная механизация, автоматизация, электрификация, химизация производственных процессов не ведут к дифференциации общества на элиту и исполнителей — бессловесных роботов, а имеют совершенно противоположные социальные последствия. Они ведут к подъему культурно-технического уровня рабочего класса, к преодолению существенных различий между умственным и физическим трудом, к сокращению рабочего дня, к увеличению охвата рабочих различными формами обучения вплоть до высшего образования, к прочному содружеству науки и производства, к гигантскому развороту творческой, рационализаторской деятельности рабочего класса. В условиях капитализма технический прогресс, принося выгоду монополиям, превращает рабочего в придаток машин, ведет к массовой безработице. Только при социализме технический прогресс приводит к непрерывному повышению материального и культурного уровня масс и поэтому является кровным делом народа. В результате социалистические производственные отношения порождают самостоятельность и творческую активность миллионов трудящихся.

* *
*

Наконец, элитисты пытаются обосновать свои теории при помощи исторических аналогий. Ссылаются на то, что история цивилизации якобы показывает, что народные массы всегда были отстранены от участия в управлении обществом, которое всегда монополизировалось верхушкой господствующих классов. Приниженное поло-

жение народных масс в антагонистических формациях буржуазные идеологи пытаются выдать за общесоциологический закон. Французский социолог Лакруа утверждает: «В течение всей своей истории общество жило благодаря элите и для элиты, ибо в течение тысячелетий человечество смогло развить сознание только у бесконечно малого меньшинства своих детей. Понятие элиты варьировалось соответственно времени и месту, но всегда сохранялось в той или иной форме»⁶⁰. Элита свойственна всякому обществу, уверяют буржуазные социологи. Американский социолог А. Грин пишет: «Хотя Киплинг не был социологом, он признавал социологический принцип, согласно которому простой народ — сыны Марти, как он их называл, во все времена служили высшим классам — сынам Мэри. Система различных привилегий установлена везде, независимо от социальной структуры и политической идеологии»⁶¹.

Как мы видим, элитисты стремятся представить процесс выделения элиты как нечто имманентно присущее развитию социальной, культурной и психологической жизни общества, как вечный, неотъемлемый атрибут цивилизации. Подрыв и ослабление власти элиты выдается за опасную болезнь общества, за угрозу цивилизации, за возвращение человечества в первобытное состояние. Это — одна из форм социальной демагогии господствующих классов, средство для затушевывания глубоких социальных конфликтов, раздирающих капиталистическое общество, средство идеологического обоснования и оправдания существования паразитических эксплуататорских классов, давно уже превратившихся в тормоз общественного развития.

Ссылаясь на то, что история рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций — это история эксплуатации и угнетения большинства меньшинством, элитисты делают вывод, что так будет и в будущем. Эта аргументация напоминает точку зрения царского министра Маклакова, который после кровавых репрессий против рабочих говорил: «Так было, так будет». Известно, каким горе-пророком оказался незадачливый министр. Нет никакой гарантии, что судьба современных пророков-

⁶⁰ "Esprit", 1953, No 198, p. 120.

⁶¹ A. Green, Sociology, N. Y., 1952, p. 269.

элитистов будет лучше. Классовые антагонистические формации возникли лишь на определенном этапе развития общества; этот этап весьма ограничен во времени. Если человечество существует сотни тысячелетий, антагонистические формации — всего несколько тысяч лет. Больше того, история всех до сих пор существовавших формаций — это лишь предыстория человечества; его подлинная история начинается с преодоления классовых различий, с уничтожения классов и государства. Элита, будучи порождением эксплуататорского общества, является не чем иным, как продуктом экономических и политических отношений, существующих в мире человеконенавистничества, стяжательства и наживы. Утверждение элитистов о том, что социальное неравенство вечно, что оно обусловлено врожденными различиями людей, не выдерживает никакой критики. Разговоры о неизбежности существования элиты являются сознательно культивируемой ложью, цель которой — оправдать капитализм, этот прогнивший строй эксплуатации и угнетения. Р. Баркли справедливо писал, что современные теории элиты «основываются на прошлом, чтобы доказать невозможность социальных изменений в будущем. При этом они отличаются от старых теорий лишь тем, что если Платон, Карлейль и Фитцуг делили человечество на „мудрых“ и „глупцов“, то современные теории делят людей на „психопатов“ и „слабоумных“»⁶².

⁶² "Science and Society", 1955, No 2, p. 86.

Фальсификация классовой структуры общества. „Балансирующая“ элита

Всем элитистам, несмотря на различия в способах аргументации, присущи общие черты. Они исходят из того, что политические отношения и политическая власть являются основой и предпосылкой всех общественных отношений. Общество не может существовать без функции управления; эта функция не может выполняться всем обществом, она неизбежно осуществляется каким-то меньшинством. Это меньшинство и есть элита. Причем, осуществляя свои руководящие функции, элита заботится в первую очередь о том, чтобы упрочить свое лидирующее положение, утвердить себя как господствующее меньшинство. Дело в том, что принадлежность к «избранному меньшинству» дает возможность обладать рядом привилегий, прежде всего имущественных, социальным престижем и т. д. Вполне естественно, что для того, чтобы обеспечить себе обладание этими привилегиями, элита консолидируется в более или менее компактную группу. Как пишет западногерманский элитист Людвиг Фройнд, «общая боязнь потери власти, престижа приковывает членов привилегированной группы друг к другу»¹. Элита вырабатывает определенный статус, определенные нормы поведения для своих членов и противостоит попыткам проникнуть в нее со стороны «непривилегированных».

Главным орудием, при помощи которого элита достигает своих целей, является государство. Все ключевые посты в государственных органах занимают представители элиты. Поэтому Моска называет элиту еще и «государственным классом». Дифференциация общества на элиту и массы объявляется первым и основным услови-

¹ L. Freund, Politik und Ethik, B., 1955, S. 52.

ем цивилизованного общества, ее отсутствие означает болезнь общества, анархию.

Исходный пункт элитизма — абсолютизация политических отношений. Как отмечает Р. Баркли, теории элиты базируются на том, что политическая власть — основной ингредиент всех социальных отношений, поэтому классы определяются с точки зрения их относительной власти. Канадский элитист Дж. Портер пишет: «Политическая власть является предварительным условием любой социальной организации. Социальная система требует индивидуумов, которые берут на себя ответственность за координацию и управление активностью группы. Даже в очень малых и временных группах не все члены участвуют в принятии решений и управлении. В каждом обществе особые индивидуумы отбираются как лидеры»².

Дифференциация общества углубляется по мере его развития. Чем более развито общество, тем острее его внутренняя дифференциация. Все социальные отношения — культурные, этические, даже отношения собственности — вытекают будто бы из политических. Та или иная социальная группа обладает политической властью отнюдь не потому, что в ее руках собственность на средства производства, а потому, что она обладает экономическим господством. Напротив, тот факт, что определенная группа является собственником всех экономических ценностей, есть якобы следствие того, что она обладает политической властью.

Таким образом, элитисты извращают соотношение между экономикой и политикой. Они разделяют взгляд, характерный для домарксовских социологов, которые за политической борьбой партий, отдельных личностей не могли разглядеть борьбу классов и лежащие в ее основе экономические причины. Без политической власти не может быть общества, полагают элитисты. А так как власть связана с насилием, элита не может существовать, не опираясь на насилие по отношению к массам. Э. Ледерер называет общество без политической власти «марксистским мифом». [Идеализация политических отношений — отправная точка всех теоретических построений

² "The Canadian Journal of Economics and Political Science", Nov. 1955, p. 500.

элитистов. Они опираются на определенный момент объективной действительности, но затем раздувают, абсолютизируют, извращают его. История всех антагонистических формаций — рабовладельческой, феодальной, капиталистической — свидетельствует о том, что им присущи отношения господства и подчинения, эксплуатации и угнетения меньшинством большинства. Эту правильную посылку идеологи буржуазии извращают, делая вывод о том, что якобы господство меньшинства над большинством вечно и естественно, что оно-де свойственно «самой природе человека».

В действительности политика и политическая власть — это историческая категория, содержанием которой являются отношения между классами. Она существует тогда и постольку, поскольку существуют классы, то есть лишь на определенном этапе развития человеческого общества. Конечно, в обществе существует потребность в функциях руководства, координации усилий членов общества, планирования. Но эти функции не всегда принимают политический характер. Только классовая ограниченность авторов теорий элиты заставляет их считать, будто отношения руководства всегда и неизбежно принимают форму отношений господства и подчинения, форму насилия.

Теоретики элиты фальсифицируют историческую действительность, механически отождествляя вождей первобытных племен с эксплуататорскими классами последующих формаций. Формой общественной организации, предшествовавшей государству, были родовые общины. При первобытнообщинном строе существовало полное равенство всех членов племени по отношению к средствам производства, плоды общественного труда делились поровну; отсутствие частной собственности обуславливало и отсутствие эксплуатации человека человеком. Чтобы охотиться, собирать плоды, строить жилища, противостоять враждебным силам природы, люди должны были трудиться сообща. Общественный характер труда обусловил и общественную собственность на орудия и средства производства; общественная собственность на средства производства определила и социальную структуру этого общества. Общественная власть принадлежала населению, всему племени. Все дела племени решались при равном участии всех его членов. Во главе

родов стояли вожди, которые осуществляли не политические, а производственные функции. Вожди выбирались непосредственно всеми членами рода из числа наиболее авторитетных и опытных его членов и осуществляли свои функции, руководствуясь общими интересами и с согласия всех членов рода; они могли быть сменяемы в любое время. Их власть была властью самого общества, поэтому они пользовались его уважением и поддержкой. Противопоставляя первобытную демократию публичной власти эксплуататорского общества, Ф. Энгельс писал в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»: «Самый жалкий полицейский служащий цивилизованного государства имеет больше „авторитета“, чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены пытаться представлять собой нечто вне его и над ним»³.

Государство возникает как политическая организация экономически господствующего класса для подавления сопротивления трудящихся масс. Как писал В. И. Ленин, «государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены»⁴. Первобытнообщинный строй — это строй, где отсутствовали политическая власть и насилие одной части общества над другой, где не было отношений господства и подчинения. Таким образом, ссылки буржуазных социологов на историческое прошлое человечества для доказательства вечности социального неравенства и необходимости для общества политической элиты оказываются несостоятельными. Тем более лживы теории о неизбежности существования социального неравенства и политической элиты в будущем. *В коммунистическом обществе — обществе полного социального равенства людей — не может быть и речи о какой-либо элите.*

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 171.

⁴ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 7.

Современный элитизм, в каких бы обликах он ни выступал, направлен прежде всего против марксистского учения о классах и классовой борьбе. Игнорируя социально-экономическую основу классового деления общества, элитисты утверждают, что *человечество якобы всегда разделялось на два класса, две страты — правящую элиту и массы*, призванные подчиняться ей и безропотно терпеть эксплуатацию. Тем самым стираются различия между общественно-экономическими формациями, между различными эксплуататорскими классами, маскируются действительные причины и источники эксплуатации человека человеком, отвлекается внимание от отношений собственности. Сложную и противоречивую структуру классового общества элитисты подменяют простым *дихотомическим (двойственным) делением: элита — массы* — нетворческое большинство и творческое меньшинство. Старые теории «героя и толпы» перестали удовлетворять империалистическую буржуазию. Ее идеологи возводят в степень «героя», способного руководить обществом и определять ход истории, всю верхушку класса капиталистов — монополистов. Тем самым они не только грубо льстят финансовой олигархии, но, что более важно, одновременно пытаются убедить трудящихся, будто ее господство законно и необходимо.

Элитисты ставят реальные общественные отношения с ног на голову. По их теориям «избранные» приобретают социальное лидерство в силу своих природных качеств, «врожденных способностей занимать привилегированное положение» (Г. Лассвелл), «стремления к власти» (М. Гинсберг) или в силу «божественного озарения» (Э. Ледерер), а не потому, что они владеют средствами производства. Увести массы в сторону от понимания причин эксплуататорских отношений — вот цель элитизма. Не потребность в политической власти ведет к делению общества на классы, как утверждают элитисты, а, наоборот, классовое деление, обусловленное экономическим строем общества, вызывает к жизни политические отношения. *Назначение теорий элиты — освятить классовое деление общества, оправдать отношения господства и подчинения, присущие капитализму.*

Термин «элита», употребляемый вместо понятия «правящий класс», нельзя считать научным. Дихотомическое деление элита — массы настолько неглубоко, по-

верхностно отражает сложные социальные закономерности современного общества, что в этом вынуждены откровенно признаться сами сторонники этих теорий. На IV международном социологическом конгрессе развернулась оживленная дискуссия по проблеме политической элиты, которая довольно точно отражает кризисное состояние современных элитистских концепций. Поэтому небезынтересно осветить ход этого обсуждения⁵.

Уже само обсуждение термина «элита» показало его бессодержательность. В своем докладе Жорж Лаво сделал характерное признание: «Приходится удивляться тому, что социологическое исследование отталкивается от такого неточного, такого малообъективного и такого двусмысленного термина, каким является термин „элита“. Добавление прилагательного „политическая“ не облегчает задачу. Вызывая в представлении гипотетичную общность людей, отличных от масс, термин „элита“ имплицитно (скрытно. — Г. А.) отсылает нас к многочисленным „социальным философиям“, стремящимся оправдать или распространить умышленно неточную и „морализирующую“ автократическую концепцию социальных различий». Тем не менее докладчик высказал мнение, что понятие «правлящая элита» будто бы полезно в качестве «исследовательской гипотезы».

Большинство участников дискуссии также указывали на неопределенность термина «элита». «Какова судьба мнимо научного понятия Моски? Следует ли отнести теории элиты к ненаучным?», — спрашивал Дж. Мейсел. Дж. Кэтлин высказался за то, что «термин этот носит оценочный, а не научный характер».

Не следует думать, будто буржуазные социологи собираются отказаться от этого понятия. Французский социолог Л. Бодэн пишет, что «слово „элита“ сохранило весь свой престиж»⁶. В таком же «морализирующем плане» определяет элиту французский социолог Билен-Миллерон, различающий «хорошую» и «плохую» элиту. «Слово „элита“ отклонилось от своего смысла и приобрело элементы двусмысленности. Элита, которую мы

⁵ Выступления участников IV социологического конгресса цитируются по "Transactions of the Fourth World Congress of Sociology", L., 1959, vol. 1, 2.

⁶ "Nouvelle revue de l'Economie Contemporaine", 3 series, 1953, No 4, pp. 5, 6.

имеем в виду, — не та элита, которая увековечивается «без прав на это, это — элита, преданная общественному делу и труду»⁷. Беда только в том, что правящая элита капиталистических стран, как небо от земли, отличается от этого идеализированного портрета. Американские социологи П. Сорокин и У. Лундон, сами не свободные от подобного «морализирующего подхода», вынуждены признать «аморальность правящих групп» западного общества. Они пытаются выяснить причины «низкого морального уровня представителей правящей элиты». Даже эти социологи признают, что для элиты характерно насилие — подготовка войн и организация репрессий внутри страны. Ее мораль допускает политические махинации, шпионаж и провокации, сосредоточение в руках правительства огромной власти над народом. Члены правящей элиты западных стран подвержены коррупции, становятся на путь произвола и беззакония.

Морализирующий подход к определению элиты столь же не научен, как и многочисленные иррационалистические попытки, особенно широко распространенные в западногерманской социологии. М. Фрейнд пишет: «Элита — это группа, отличающаяся особыми свойствами, которая привлекает людей, обладающих этими свойствами, своей магнетической силой. Это в особенности те люди, которые призваны активно управлять делами общества»⁸. А. Г. Шредер, известный более как политический деятель ФРГ, чем как социолог, заявляет: «Мы видим в ней (в элите. — Г. А.) группу избранных индивидуумов, связанных между собой общим идеалом, которому они посвятили себя, следуя „зову“»⁹.

На IV социологическом конгрессе буржуазные социологи также стремились как-то определить это понятие, несмотря на стыдливые оговорки о его неточности и гипотетичности. Социолог Дж. Сартори говорил: «В широком смысле „элита“ обозначает „высшее начальство“, то есть всех, кто занимает высокое положение и призван к руководству. Элита — это синоним политической элиты... Ни одно другое понятие не определяет луч-

⁷ "Revue politique et parlementaire", 1954, No 639, p. 259.

⁸ "Politische Bildung", München, 1954, H. 46, S. 237.

⁹ "Schrittenreihe der Bundeszentrale für Heimatdienst", 1955, H. 12, S. 6.

ше, чем это, правящий класс». Социолог Стеммер определяет элиту как «квалифицированное меньшинство, правящий класс в иерархически организованном обществе». Другой социолог, Монзел, определяет элиту как «маленькую группу, которая в большой социальной группе признается способной к управлению или руководству, которая обладает средствами внешней власти и утверждается в результате определенного выбора или общественной оценки». (Оба последних определения привел в своем докладе на конгрессе Ю. Пеннати.) Упомянувшийся уже Ж. Лаво заявил: «Строго говоря, слово „элита“ может пониматься не абсолютно, а лишь относительно, это слово означает совокупность избранных или выдающихся индивидуумов определенной общественной группы (элита дворянства). Хотя критерий этого отбора продолжает оставаться сравнительно неопределенным, нам все же кажется, что им являются высокие качества человека». Из этого конгломерата определений следует, что некоторые социологи стремятся отождествить элиту с господствующими эксплуататорскими классами. Но позволительно спросить: какое новое содержание несет этот термин по сравнению с понятием «класс»? Другие социологи обращаются к весьма неопределенным и субъективным указаниям на группу людей, добившихся положения руководителей и обладающих теми или иными качествами. Третьи обращаются к морализирующим или ценностным критериям, а также к ссылкам на сверхъестественное. В любом случае буржуазные социологи обнаруживают свою ненаучность. Все они трактуют социальную дифференциацию, беря за основу не экономические отношения, не отношения собственности, а производные от них отношения политики, управления, то есть извращают социальные отношения.

Поскольку элитисты объявляют политику монополией элиты, сама их «политическая философия» рассматривается ими как обобщение практики элиты, как выработка основных положений, которые помогли бы правящей клике утвердить свое господство. Так, американский социолог Г. Меджид считает, что политическая философия призвана помочь элите осознать ее «исторические задачи»¹⁰. По Бэрнхэму смысл политической науки за-

¹⁰ См. "The Journal of Philosophy", 1955, No 2.

ключается в изучении элиты, ее состава, ее отношения к «толпе». Она рассматривается им как наука об условиях захвата элитой власти, консолидации ее в правящий класс, защиты ее привилегированного положения от посягательств «толпы»¹¹. Как видим, сами элитисты не могут скрыть антинародный характер своих теорий. Что же касается их научной ценности, то о ней неслестно отзываются даже ее сторонники. Один из них, американский социолог Р. Росс, признает, что эти теории не могут предвидеть будущего, вынуждены блуждать в потемках и вообще «не имеют статуса научной гипотезы»¹².

Значительный интерес представляет вопрос, каково место теорий элиты в общей системе социальной философии современной империалистической буржуазии. Прежде всего, как соотносятся теории элиты с чрезвычайно распространенными в буржуазной социологии теориями социальной стратификации и социальной мобильности? Казалось бы, концепция многих страт в общественной структуре противоположна дихотомическому делению элита — массы. Эта точка зрения получила некоторое распространение в литературе. Но она справедлива по отношению к ранним работам элитистов — к периоду, когда теории элиты развивали одни социологи, теории социальной стратификации — другие, полемизировавшие между собой. Теперь положение изменилось. Произошла ассоциация тех и других теорий, которые теперь, так сказать, дополняют друг друга.

Как же совместились эти, на первый взгляд столь различные, концепции? И та, и другая теории оказались настолько эклектичными, что для их авторов не составило большого труда приспособить одну теорию к другой. Стратификация ныне стала «многоизмеримой». Высшая страта в системе социальной стратификации — это и есть элита. Как сказал на том же конгрессе Гаттсман, «несмотря на всеобъемлющий характер политической элиты, ее положение и функции в обществе могут быть поняты только в том случае, если ее будут рассматривать в рамках общей системы социальной стратифика-

¹¹ См. J. Burnham, *The Machiavellians, Defenders of Freedom*, N. Y., 1943.

¹² "The Public Opinion Quarterly", Spring, 1952, p. 28.

ции. Обе являются двумя сторонами одной медали, элита означает высшую ступень в иерархии». Что же касается социальной мобильности, то тут наибольший интерес для ее исследователей всегда представлял переход из более низких страт в высшую страту, или, пользуясь терминологией современных элитистов, «проблема рекрутирования элиты». По словам того же Гаттсмэна, «открытая политическая элита выполняет важную функцию в развитии социальной мобильности и прямо, и посредством примера. Социальный конфликт и стремления поднимающихся социальных групп проявляются в желании быть представленными в политической элите. Вступление представителей нового класса в политическую элиту влияет на положение этого класса в системе социальной стратификации»¹³.

Английский социолог Б. Крик, рассматривающий основные концепции американской политической философии, прежде всего концепцию политической элиты Л. Лассвелла, пишет, что последний исходит из того, что в обществе имеются «господствующая элита» и «широкие слои», поэтому элита должна постоянно изучать состояние «широких слоев» и прибегать в борьбе с ними к различным методам в зависимости от конкретной обстановки. Лассвелл называет в качестве основного метода такого рода «*манипуляцию символами*». Этот термин стыдливо скрывает лживую пропаганду, идеологические диверсии и насилие. Лассвелл призывает элиту систематически изучать поведение самых широких слоев населения, состояние общественного мнения, с тем чтобы правильно выбирать и применять в борьбе за сохранение власти наиболее целесообразные методы¹⁴.

* * *

Буржуазные социологи твердят, что элита необходима для «нормального функционирования общества», что она имеет право на привилегированное положение. Больше того, она должна бдительно охранять свои привилегии от посягательств со стороны народных масс. Но что

¹³ Подробнее об этом см. "British Journal of Sociology", June 1951.

¹⁴ См. В. Crick, The American Science of Politics, L., 1959.

же остается в таком случае от демократии? Теоретики элиты, разумеется, не могут уйти от этого скользкого для них вопроса. Большинство из них всячески изворачиваются, стремясь замаскировать антинародный, реакционный смысл своих теорий.

Нужно отметить, что в элитистских теориях имеются две тенденции. Первая — это открыто антидемократическая, воспринявшая аргументы фашизма против буржуазной демократии. Но в последнее время все большее распространение приобретает тенденция соединения элитизма с буржуазной демократией. Обе эти тенденции тесно переплетаются. Требования полного отстранения масс от влияния на политику соседствуют с лицемерными призывами защитить «западную демократию» от угрозы «массового общества».

Как правило, элитисты заявляют, что демократия в смысле народоправия неосуществима, что народ представляет собой толпу, мышление которой упрощено, символично, что он нуждается в опеке со стороны высокоодаренных личностей из господствующих классов. Так, английский социолог Морис Гинсберг утверждает, что демократия изжила себя, оказалась неэффективной, что внутри каждой организации заложена тенденция к олигархии. «Некомпетентность масс, их апатия, безразличие, их стремление иметь лидеров и поклоняться им, жажда власти и господства со стороны лидеров — эти факторы создают олигархию во всех демократических обществах». Кроме того, психологически массы подвержены «магии слов», они становятся жертвой «высокоразвитой машины для постоянного внушения», для обработки общественного мнения. «Наконец, технически невозможно решать сложные вопросы современной политики коллективным путем. Система представительного управления практически несостоятельна. Она призвана представлять всех и во всем, а в результате не представляет никого и ни в чем. Демократическое управление через парламент стало неэффективным. В результате реальная власть концентрируется в руках крайне небольшой группы людей в наиболее демократических странах»¹⁵.

Указывая на то, что общественная жизнь сейчас

¹⁵ См. «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии», Соцэкгиз, 1960, стр. 368.

крайне сложна, буржуазные социологи утверждают, что массы в силу своей «неразвитости» не должны брать на себя функции руководства обществом. «Демократия, — пишет французский социолог Р. Жилуэн, — покоится на ложной идее, согласно которой политика — легкая вещь, доступная всем и не требующая специальных знаний»¹⁶. Американский социолог Н. Ротенштрайх выступает против «идеи правления большинства», противопоставляя ей правление «согласно принципам», иными словами — правление избранных. «Демократия большинства» игнорирует качественные различия между людьми (которые установил еще Платон) и подменяет ее концепцией «качественного равенства индивидуумов», которую Ротенштрайх победоносно «разбивает»: «Если разум одинаков у всех людей, это должно привести их к одинаковым действиям, основанным на одинаковости их умственных интересов»¹⁷. Что это — наивность или невежество в элементарных вопросах социальных отношений? Или просто демагогия, рассчитанная на нетребовательного читателя? С какой легкостью рассуждает Ротенштрайх об «одинаковых действиях» людей в классовом обществе! Почему монополист получает чудовищные прибыли, а пролетарий вынужден довольствоваться нищенской заработной платой? Вероятно, Ротенштрайх полагает, что это проистекает из качественного различия в их способностях. Ему и в голову не приходит, что не различие умственных способностей, а классовая принадлежность данного индивидуума определяет его положение в обществе, обуславливает его действия. Ротенштрайх заявляет, что нельзя допустить, чтобы государством управляли народные массы, большинство которых ввиду невежества сами толком не знают, чего хотят. Поэтому власть «должна быть вручена людям, которые действительно понимают, что необходимо», то есть образованным, «понимающим» представителям эксплуататорских классов.

Поход идеологов монополистической буржуазии, прежде всего элитистов, против демократии — своего рода знамение времени. Яростные нападки на демократию лежали в основе идеологии германского и итальян-

¹⁶ R. Gillouin, L'Homme moderne — bureau de lui-même, P., 1951, p. 80.

¹⁷ "Social Research", Winter 1954, No 4, p. 413.

ского фашизма. Элитисты объективно продолжают эти антидемократические взгляды. Известно, что буржуазная демократия в наши дни переживает кризис. Основные человеческие свободы в капиталистических странах непрерывно урезаются; достаточно вспомнить о преследованиях прогрессивных сил в США, ФРГ, Испании, Греции, Бразилии, Венесуэле, Перу и ряде других стран. Буржуазная демократия — демократия для богатых, для эксплуататоров, это — диктатура, насилие, угнетение для трудящихся. «Капитал, раз он существует, — писал В. И. Ленин, — господствует над всем обществом, и никакая демократическая республика, никакое избирательное право сущности дела не меняют»¹⁸. В свое время всеобщее избирательное право и другие буржуазные свободы родились в борьбе с феодализмом и представляли громадный прогресс в развитии человечества. В условиях буржуазной демократии, несмотря на ее историческую ограниченность, возникают массовые организации трудящихся, ширится их влияние на политическую жизнь общества. В период империализма даже ограниченные буржуазные свободы представляют угрозу для империалистической буржуазии. Она все более стремится освободиться от формы политической демократии, уничтожить систему народного представительства, перейти к «твердой» диктатуре против народа.

Элитисты наперебой твердят об «устарелости», «дряклости» демократии, о том, что демократия не обеспечивает эффективного руководства общественной жизнью, ибо ущемляет права элиты, уравнивая ее с массами, что при этой форме правления приходится жертвовать разумом (носителем которого всегда является элита) в пользу «животных инстинктов» толпы. Больше того, они доказывают, что демократии и не было никогда в истории, просто это была более искусная маскировка власти элиты.

Премьер-министр Канады Л. Пирсон писал о «неэффективности» демократии: «Около двух тысяч лет тому назад Аристотель указал, что, установив демократическую форму конституции в каком-либо обществе, вы неизбежно даете бедным возможность рано или поздно использовать принадлежащее им право голоса как сред-

¹⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 82.

ство для улучшения своей материальной участи. Именно так, разумеется, и случилось в нашем веке». Вот что страшит Пирсона и его класс — буржуазно-демократические свободы дают определенную возможность пролетариату и трудящимся массам бороться за изменение своего положения.

Элитисты с чудовищным цинизмом разглагольствуют об иррационализме масс, о мифах, которые они восприняли, об их неподготовленности к управлению обществом, притворно сетуют на их низкий культурный уровень, на их неинформированность. Но позволительно спросить: а кто же виновен в таком положении? Элитисты ссылаются на врожденные бессознательные инстинкты масс, на «неуравновешенность массовой психологии». Это — вымысел. Ведь именно капиталистический строй обрекает народные массы на темноту и бескультурье, на забитость и приниженность. Ведь это буржуазная пропагандистская машина стремится оболванить массы, навязать им иллюзии и мифы, вроде мифов о «народном капитализме», «государстве всеобщего благоденствия», именно она дезинформирует народные массы о важнейших событиях внутренней и международной жизни. И подобное положение элитисты объявляют вечным и естественным, они только хотят переложить ответственность за него с капитализма на сами массы, ссылаясь при этом на их «врожденные недостатки».

С характерной программой увековечивания духовного гнета масс выступает американский элитист Г. Меджид. Он заявляет, что говорить о том, что демократическое общество способно функционировать без элиты, можно только в целях политической демагогии. На самом деле, с его точки зрения, демократии различаются лишь составом, мобильностью элиты и принципами ее пополнения¹⁹. Меджид предлагает даже целую программу элитистского воспитания, которое увековечивало бы деление общества на элиту и массы, сохраняло бы дистанцию между ними, удерживало бы массы в определенных рамках и ограждало бы элиту от посягательств масс на «ее» права. Общество он делит на три части — массу, элиту и философскую сверхэлиту. Для каждой из этих

¹⁹ "The Journal of Philosophy", vol. LII, 1955, No 2, p. 39.

частей уровень образования должен быть различным, как и объем информации, которую они получают.

Отношение между уровнями образования этих категорий должно быть примерно таким, каково отношение между уровнем водителя машины, механика и инженера. Первый уровень (для масс) — уровень водителя, которому объяснили, какую кнопку или педаль нажимать в том или другом случае. Второй уровень (для элиты) — уровень механика, который понимает сущность машины, принципы работы мотора, взаимодействие частей и т. д. И третий уровень (для философской сверхэлиты) — уровень инженера, который может конструировать машины, изменять и усовершенствовать их. Первый уровень — для масс — должен включать «обучение на основе тщательно написанной истории, рассказов о героях, путем примера и принудительного ритуала»²⁰. Главное тут — воспитание в массах лояльности, причем эту лояльность к существующему строю и господствующей элите нужно воспитывать с детства, прежде чем молодежь достигнет интеллектуальной зрелости и умения критиковать. Второй уровень — это воспитание элиты, или лидерства (для Меджида это — «демократическая формулировка одного и того же понятия»). Тут надо выйти за пределы мифов и стереотипов и изучать реальные факты политической жизни. Представители элиты должны знать политическую «кухню», закулисную сторону государственного механизма. Воспитание элиты должно быть «реалистичным», то есть ее следует избавить от «политической болтовни», годной лишь для оболванивания масс, и научить искусству командовать массами. Третий уровень — воспитание философской сверхэлиты, которая вырабатывает истинное и полное понимание социальной жизни. На этом уровне достигается «истина о политических проблемах, истина об основах политической жизни, как нормативных, так и действительных».

Не правда ли, все это весьма напоминает «идеальное» государство Платона? Таково «новейшее» слово современной буржуазной социологии. На примере теоретиков элиты видно отвратительное ханжество и лицемерие буржуазных социологов. Редко кто из них не называет себя «либералом» и «демократом». А на поверку выхо-

²⁰ "The Journal of Philosophy", vol. LII, 1955, No 2, p. 35.

дит, что их программа — ограничение политических прав трудящихся, жестокое подавление народных масс, ограничение народного образования.

Сейчас на Западе стало модным писать о «примирении» элитизма с демократией, причем для обоснования этого «примирения» буржуазные социологи, не стесняясь, фальсифицируют капиталистическую действительность и самые понятия «демократии» и «свободы». Как мыслят себе демократию идеологи элиты, можно видеть на примере канадского социолога Дж. Портера, который допускает для «„демократической системы“ олигархию в организации, широкую апатию среди масс и принудительное повиновение»²¹.

Н. Боббио в докладе на IV Международном социологическом конгрессе на тему «Теория политического класса в понимании демократических авторов Италии» утверждал, что последователи Моски в Италии П. Гобетти и Г. Дорсо сумели совместить элитизм с демократией. «Внутри правящего класса, в его широком значении, Дорсо проводит различие между собственно правящим классом (с его политической и интеллектуальной элитой) и политическим классом, который определяется как „руководящий комитет“ и „технический инструмент“ первого. Затем проводится дальнейшее различие внутри политического класса между управляющим классом, находящимся у власти, и оппозицией. Каждый политический класс имеет тенденцию расколоться на управляющих и оппозицию. Когда этот естественный процесс приобретает контрастный характер, мы имеем дело с диктатурой, когда же, наоборот, классы могут править в порядке устойчивой и регулярной очередности, — мы имеем дело с демократией. Теория политического класса и теория демократии оказываются, таким образом, примиренными, поскольку демократия уже не отождествляется с самоуправлением и верховной властью народа, но скорее оказывается состоящей из большей или меньшей подвижности элит. Теория элиты, вместо того чтобы быть антидемократической теорией, становится основой для нового, более реалистического понимания демократии». Мы не будем разбираться в невероятной путанице, царя-

²¹ "The Canadian Journal of Economics and Political Science", 1955, No 4, p. 504.

щей в понимании, а точнее, в непонимании Боббио и пропагандируемым им Дорсо сущности класса и классовых отношений, в смешении понятий «партия» и «класс». Эта пространная цитата интересна тем, что дает наглядное представление о том, как элитисты стремятся фальсифицировать сущность демократии и «примирить» ее со своей антидемократической концепцией.

Прогрессивный американский социолог Р. Баркли метко охарактеризовал подобные взгляды: «В Соединенных Штатах наблюдаются в настоящее время попытки совместить основные положения теории элиты с традиционно поддерживаемыми концепциями демократии. Обычно в этих случаях демократические концепции истолковываются таким образом, чтобы выхолостить из них всякий смысл относительно политического равенства среди людей»²². Эти попытки «примирить» элитизм и демократию являются лишь жалкими потугами совместить всевластие монополий с остатками буржуазно-демократических свобод. Попытки «модернизировать» демократию, приспособить ее к современному монополистическому капитализму сочетаются с ожесточенными нападениями на буржуазную демократию, причем это — критика буржуазной демократии справа, с позиций империалистической буржуазии, которая хотела бы расправиться с «непокорными массами» диктаторскими, террористическими методами и которой даже куцые и урезанные буржуазные свободы кажутся помехой.

К числу «либеральных» теоретиков элиты, которые стремятся замаскировать антидемократическую сущность элитизма, совместить демократию с существованием элиты, относятся Маннгейм, Ласовелл, Уорнер, Абеглен и др. «Не является ли противоречием говорить об элитах в демократическом обществе, — писал К. Маннгейм, — не снимает ли демократизация вообще отношение элиты — массы? Мы не можем отрицать, что тенденция к уравниванию, к уничтожению страты элиты существует; но одно дело сказать, что существует тенденция, другое дело — признать, что она должна идти до конца. Во всех демократиях, которые мы знаем, возможно различить лидеров от ведомых. Значит ли это, что демократии являются не подлинными?.. Не должны ли мы сказать, что

²² "Science and Society", 1955, No 2, p. 100.

существует демократический оптимум в отношении элита—массы? Оптимум не обязательно должен быть максимумом: если демократия влечет за собой антиэлитистскую тенденцию, это не значит идти до конца к утопическому уравниванию различий между лидерами и элитой. Мы понимаем, что демократия характеризуется не отсутствием страты элиты, но скорее новым способом рекрутирования элиты и новым самосознанием элиты»²³.

Близкую точку зрения защищают и другие влиятельные элитисты. «Термин элита, — пишет Г. Ласовелл, — употребляется в описательной политической науке для того, чтобы определить социальный слой, из которого рекрутируются вожди... Демократия отличается от олигархии не наличием или отсутствием элиты, которая оказывает наибольшее влияние на общественную жизнь (ведь народ, по мнению всех элитистов, неспособен к управлению обществом. — Г. А.), а закрытым или открытым, представительным или непредставительным, ответственным или безответственным характером элиты»²⁴. Он утверждает, что элита современного капиталистического общества в корне отличается от элиты прошлого тем, что ее члены обладают знаниями и умением управлять и поэтому более подходящи для того, чтобы быть руководителями, чем в свое время римская и средневековая аристократия.

Итак, отличие демократии от олигархии сводится к «открытому характеру элиты». При этом искажается самое понятие демократии, отбрасываются «демагогические» разговоры о равенстве, молчаливо признается, что демократическое участие всех людей в политической жизни общества невозможно. Понятие демократии сводится к политической системе, в которой только избранная группа обладает всеми правами и активно участвует в политической жизни, причем элита капиталистического общества объявляется лучшей из всех возможных элит, ибо она будто бы открыта для всех людей, имеющих таланты и способности. Лживость последнего тезиса отмечают и наиболее честные представители самой буржуазной социологии, вынужденные признать, что элита открыта

²³ K. Mannheim, *Essays on the Sociology of Culture*, L., 1956, p. 200.

²⁴ "Hoover Institute Studies", Series B, "Elites", 1952, No 1, Preface.

для людей, имеющих капитал. Нетрудно обнаружить, что свобода и демократия у теоретиков элиты — это свобода лишь для элиты, лишь для владельцев капитала, свобода, сущность которой — угнетение и эксплуатация трудящихся масс.

Можно сослаться на значительно более раннюю апологию капиталистической элиты в трудах одного из патриархов американской социологии — Э. Росса, который писал: «В нашем обществе не короли, принцы и дворяне, а банкиры, короли торговли, железнодорожные магнаты, капиталисты, политические деятели, издатели, писатели и артисты занимают высшие посты, переняв эстафету у первых.., общество теперь не представляет собой многоэтажную пагоду, состоящую из замкнутых каст, оно является пирамидой, суживающейся к вершине, и предполагает иерархию постов, к которым карабкаются отдельные личности и на которые они допускаются, продемонстрировав свои качества и превосходство»²⁵.

Упомянувшийся выше социолог Боббио пропагандировал на IV социологическом конгрессе книгу последователя Парето Ф. Бурцио «Сущность и актуальные проблемы либерализма». Автор ее исходит из того, что политическая деятельность, как и любая творческая деятельность, целиком обязана меньшинству; что это меньшинство должно преобразовываться и обновляться за счет элементов, возникающих из масс. Всеобщее избирательное право и равные возможности позволяют лучшим элементам из низших классов переливаться в высшие классы, что обеспечивает подвижность элит и благодаря этой подвижности — большее соответствие элит стоящей перед ними задаче. Разделяя эту точку зрения, Боббио в заключение своего доклада с торжеством заявил: «Теория политического класса в процессе своего развития перешла из рук врагов демократии в руки ее друзей».

Для того чтобы обелить современный капитализм, эту диктатуру финансовой олигархии, дать ей идеологическое оружие в борьбе против коммунизма, буржуазные социологи создали концепцию «открытого» и «закрытого» общества. «Закрытым» они называют такое общество, в котором существует иерархическая социальная

²⁵ E. Ross, Social Psychology, N. Y., 1919, p. 193.

структура, причем переход из одной страты в другую либо вообще невозможен, либо крайне затруднен. Классическим примером «закрытого» общества является египетский или индийский кастовый строй; сюда же относят и феодальное общество с его сословными перегородками. Элита этого общества, как правило наследственная, формируется вне связи со способностями человека. Пробриться из низших страт в высшие практически невозможно, ибо элита здесь — замкнутая группировка, которая отгораживает себя от низших слоев общества и упорно сопротивляется принятию в свою среду «аутсайдеров». Иначе говоря, в таком обществе отсутствует вертикальная социальная мобильность.

«Открытое» общество также имеет иерархическую структуру — ведь элитисты основываются на неизбежности деления общества на элиту и массы, теории социальной стратификации и пытаются установить эту иерархическую структуру. Но в «открытом» обществе одна страта, один слой не отгорожен от другого китайской стеной, иначе говоря, это — общество с высокой социальной мобильностью. Элита есть и в этом обществе, как во всяком другом, но она не представляет собой замкнутую касту, куда воспрещен вход посторонним, напротив, элита открытого общества пополняется лучшими, наиболее способными людьми из более низких страт. Вот как характеризует «открытое» и «закрытое» общества известный американский социолог Г. Беккер: «В закрытом обществе существует максимум неофициального и интернализованного социального контроля, осуществляемого благодаря традиционным образцам поведения... Открытое светское общество в противоположность этому является таким, в котором социальные отношения обезличились благодаря таким социальным факторам, как миграция, средства сообщения, и другим способам культурного контакта»²⁶.

К категориям «открытого» и «закрытого» обществ, выработанным буржуазными социологами, близки употребляемые ими же категории «светского» и «священного» обществ (аналог «открытого» общества — «светское», «закрытого» — «священное»). «Любое общество

²⁶ Г. Беккер и А. Босков, Современная социологическая теория, стр. 66.

или часть его, сообщающая или требующая от своих членов оценок, которые могут быть изменены только при наличии определенного эмоционального сопротивления, — пишет Беккер, — является священным обществом — сокращенный термин для обозначения общества, обладающего культурной системой, стремящейся к этому вышеупомянутому сопротивлению. Напротив, любое общество или часть его, которая сообщает или требует от своих членов оценок, ведущих к ярко выраженной готовности к изменению, является светским обществом»²⁷. Американский социолог У. Колб утверждает: «В священном обществе развивается подробная система догм, порождающая санкционированную рациональность действия... Санкционированная рациональность будет главным образом относиться к группам элиты, а массы в обществе все еще будут находиться под гнетом традиционных правил». Считая религию стержнем социальной жизни, он пишет, что рационализированная религия «в основном будет достоянием элиты.., а массы снова останутся на уровне «примитивной религии» и партикуляризма — предписывания»²⁸.

«Открытое» общество объявляется лучшей формой социальной жизни, но при этом у апологетов «открытого» общества обнаруживаются две неувязки: во-первых, эти теории насквозь антиисторичны, в них проповедуется вечность разделения общества на элиту и массы — точка зрения, как мы видели, несостоятельная в научном отношении. Но самое курьезное в этих теориях другое. Авторы их потому так славословят по адресу «открытого» общества, что считают, будто современные капиталистические страны и являют собой пример «открытого» общества. Но ведь если даже исходить из приведенных выше критериев, данных самими буржуазными теоретиками, то современные западные страны, где господствует монополистический капитал, отнюдь не подходят под определение «открытого» общества. Исследования самих буржуазных авторов показывают, что элита современного капиталистического общества — это замкнутая каста, в основном наследственная, и что приток в нее из других страт незначителен. Недаром американ-

²⁷ Г. Беккер и А. Босков, Современная социологическая теория, стр. 167.

²⁸ Там же, стр. 152, 153.

ский социолог Ф. Ландберг вынужден был признать: «Владельцы крупных состояний в Америке организованы в защитные фаланги, напоминающие иерархию династий в феодальную эпоху»²⁹.

Наиболее фундаментально этот вопрос исследован Р. Миллсом. На огромном фактическом материале, который буржуазные идеологи не в силах подвергнуть сомнению, он блестяще разоблачил усиленно распространяемый буржуазной пропагандой миф о широкой доступности американской элиты.

Миллс проанализировал данные о 275 богатейших людей США со времени гражданской войны и до наших дней (состояние каждого превышает 30 млн. долл.): 90 из них — мультимиллионеры поколения 1900 года, 95 — поколения 1925 года и 90 — поколения 1950 года. Этот анализ показал, что у подавляющего большинства миллионеров родители также были крупнейшими капиталистами, в большинстве миллионерами. Социальная мобильность в эту элиту финансовой олигархии всегда была незначительна, причем от поколения 1900 года к нынешнему она не только не увеличилась, но, напротив, еще более сократилась. Среди нынешних мультимиллионеров люди, вышедшие из семейств, располагавших средствами для минимального комфорта, составляют только 9%. В наше время семь из каждых десяти крупнейших богачей США являются сыновьями также крупнейших богачей, два — выходцы из буржуазных семей меньшего масштаба и только один — выходец из других, «более низких» слоев. Но и этого мало. Р. Миллс документально доказал, что подавляющая часть американских мультимиллионеров вышла из четырехсот «избранных», проще говоря, богатейших семейств США, а также из среды провинциальной знати, что это — коренные американцы, преимущественно из городов восточных штатов³⁰.

Девяносто один процент нынешнего поколения мультимиллионеров, по подсчетам Миллса, — выходцы из среды крупных капиталистов, составляющих менее одного процента населения страны. Р. Миллс показывает, что крупнейшие богачи, «знать» США, образуют замкнутые группы, отгороженные от остального мира стенами сво-

²⁹ Ф. Ландберг, 60 семейств Америки, стр. 38.

³⁰ См. Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 143—145.

их имений, замков, фешенебельных клубов, закрытых для выходцев из низов, причем эта элита сопротивляется попыткам «выскачок из низов» войти в их круг. Дети этих крупнейших богачей получают образование и воспитание, конечно, не такое, как «обыкновенные» дети. Они поступают в дорогостоящие закрытые школы-пансионы («Сейнт-Марк», «Сейнт-Пауль», «Гротон»), затем — в один из университетов так называемой «лиги Айви» (Гарвардский, Йельский или Принстонский). Они являются членами закрытых аристократических клубов, куда допускается только избранная знать. Не так уж важно, что ты учился в Гарварде, вся суть в том, в каком именно Гарварде ты учился, пишет Миллс. Под «настоящим» Гарвардом подразумевают «Порселайн», «Флай» или «А. Д.», под «настоящим» Йелем — «Цета Пои» или «Фэнс» и другие клубы для знати при одном из аристократических колледжей.

Добавим, и в Англии существует неписанный закон о том, что обучение в аристократических учебных заведениях Итоне и Харроу, а впоследствии — в университетах Оксфорда и Кембриджа открывает дорогу к лучшим должностям в государственном аппарате. Английский социолог Хью Томас пишет, что в Англии все члены Верховного суда (кроме одного), все епископы (кроме одного), почти все консервативные и треть лейбористских членов парламента являются выпускниками привилегированных частных школ, в которых учатся дети состоятельных родителей³¹.

Данные даже буржуазных статистиков позволяют сделать вывод о том, что круг монополистической буржуазии становится все более замкнутым и недоступным и имеет тенденцию превратиться в кастовую группу. Таким образом, миф об «открытом» и «закрытом» обществах грозит обернуться против самих его авторов, ибо на поверку выходит, что современная империалистическая буржуазия представляет собой, пользуясь терминами элитистов, пример «закрытой элиты» с крайне низким уровнем социальной мобильности.

Теории «открытого» и «закрытого» обществ имеют ясно выраженную антисоветскую окраску, ибо их авторы пытаются зачислить социалистические страны в чис-

³¹ Н. Томас, *The Establishment*, L., 1959, p. 25.

ло «закрытых» обществ. Но факты и тут бьют по самим буржуазным социологам, ибо социалистическое общество, в котором государственные и партийные руководители вышли из рабочего класса, трудового крестьянства, интеллигенции — этих, с точки зрения элитистов, «более низких слоев», никак не может служить примером «закрытого» общества. Если при капитализме общественные дела вершат представители имущих классов, то при социализме государством управляют посланцы трудового народа. В верховном органе государственной власти США — конгрессе — нет ни одного рабочего, ни одного трудящегося фермера. Из 529 его членов (данные за 1962 г.) 146 — бизнесмены, владельцы заводов, фабрик, 314 — юристы, обслуживающие монополии, 22 — крупные землевладельцы, остальные — журналисты, крупные чиновники, профессиональные политики. Трудящимся, таким образом, не дано быть представленными в органах власти этого империалистического государства.

Какой контраст с этой антинародной буржуазной парламентской машиной представляет собой состав высшего органа государственной власти нашей страны — Верховного Совета СССР. Более половины депутатов являются ныне или начинали свою деятельность рабочими и крестьянами. Например, из 652 депутатов Совета Национальностей Верховного Совета седьмого созыва 345, или 52,9%, являются сейчас или начинали свою трудовую деятельность рабочими и крестьянами; 287 человек, то есть 44% общего состава депутатов Совета Национальностей, — рабочие и колхозники; из 791 депутата Совета Союза 436, или 55,1% всего состава, являются или начали свою деятельность рабочими и крестьянами; 359 депутатов, или 45,4% общего состава, — рабочие и колхозники.

* * *

Для того чтобы совместить элитизм с фразами о «свободном мире» и «демократии», буржуазные социологи прибегают еще к одному мифу — так называемой теории *баланса элит*. Теории эти — продукт самого последнего времени; их появление весьма симптоматично. Последние годы можно назвать временем метаморфоз элитизма. Они характерны тем, что появились многочис-

ленные работы, критикующие концепцию властвующей элиты. Так, на том же IV социологическом конгрессе с сообщением «Концептуальный и операционный недостаток модели политической элиты» выступил социолог Ла Паломбар. «Моя критика этой модели, — сказал он, — вызвана в основном тем, что модель эта, как большинство теорий групп, выделенных по признаку общих интересов, почти всегда непригодна в качестве руководства для эмпирических исследований. Специалисты в области политических наук приняли модель политической элиты некритически. Данные Р. Михельса и Р. Линда, Р. Миллса и Ф. Хантера — данные, которые должны были бы обосновать центральное положение теории политической элиты, далеко не убедительны... В настоящее время в Италии или другом плюралистическом обществе, которое мне только известно, не существует ясно выраженных групп, которые можно было бы охарактеризовать как правящую элиту. По-видимому, мы имеем в большинстве плюралистических систем *текущую элиту*, членство которой по временам изменяется и в каждый данный момент зависит от очередных вопросов, сферы групповых интересов и т. д.». Выступавший там же итальянский социолог Ю. Пеннати прямо заявил, что «в авторитарных режимах политические элиты особенно очевидны. В плюралистических демократиях проблема элиты не может быть не чем другим, как источником затруднений».

Чем же вызвана подобная критика ряда работ правых элитистов? Оговоримся сразу же, что эта критика — справа, со стороны апологетов современного монополистического капитализма. Дело в том, что в последние годы в связи с появлением работ Р. Миллса и Ф. Хантера обнаружилось, что, независимо от субъективных желаний их авторов, концепция правящей элиты довольно убедительно разоблачает лживый и лицемерный характер буржуазной демократии. «Демократия» эта предстает как господство узкой клики финансовых магнатов. Сами того не желая, названные социологи сорвали с воспеваемого буржуазными идеологами «свободного мира» демократический фиговый листок. Похоже на то, что современным буржуазным социологам стыдно без этого листка. Не случайно на этом же конгрессе Дж. Мейсел назвал Миллса «отцеубийцей старой теории элиты».

В связи с этим многие буржуазные социологи в последние годы нашли, что «удобнее» говорить не об единой властвующей элите (эти теории хороши, так сказать, для внутреннего потребления монополистической буржуазии), а о «распылении власти» (чтобы таким образом замаскировать господство финансовой олигархии). Большинство элитистов 50—60-х годов требуют отказаться от понятия единой элиты, годного, по их словам, лишь для сравнительно низкоорганизованных обществ, и признать *множественность* элит. В выступлении на IV социологическом конгрессе В. Гаттсмен заявил, что «понятие единой элиты к современным обществам отнесено быть уже не может. Нельзя отождествить политическую элиту с другими элитами — экономической, культурной и т. д.». Дж. Мейсел сказал: «В своем первоначальном виде ясно очерченная дихотомия была достаточна для первого деления; ее необходимо было очистить для того, чтобы достичь точности описания». По его мнению, уже зрелый Моска подходил к мысли о плюрализме элит. «Теория элиты зашла в тупик *plus ultra*. По мере того как все более и более распространяется цивилизация, распространяются и элиты и распадаются до понятия, которое становится саморазрушающимся». Поэтому более поздние элитисты — Маннгейм и Голбрейс — приходят к выводу о *плюрализме* элит. К середине 50-х годов эта точка зрения прочно укоренилась в литературе. Утверждая, что «существует много элит, а не одна», социолог Кэтлин, принявший участие в дискуссии на IV социологическом конгрессе, сказал даже, что «говорить об определенной элите является высокомерием и дурным тоном».

Теория «баланса элит» исходит из того, что в современных странах Запада имеется несколько «независимых элит», которые «сдерживают и уравнивают» друг друга, предотвращая «тоталитаризм», диктатуру той или иной клики. Демократические свободы, по их теориям, обеспечиваются не борьбой и бдительностью народных масс, а взаимным балансом, взаимным равновесием элит. Оказывается, в странах «свободного мира» нет необходимости опасаться господства финансовой олигархии, так как существуют другие элиты, которые якобы сдерживают и ограничивают первую, ибо каждая из них требует себе кусок сладкого пирога.

Эту функцию «ограничения» и «сдерживания» по отношению друг к другу выполняют политическая, экономическая, административная, военная, религиозная, идеологическая или культурная элиты.

Каждая из них представляет собой замкнутую группу избранных, которые строго охраняют от «аутсайдеров» свои привилегии и прерогативы. Этот баланс элит и есть единственно возможный ныне тип демократии. Элиты разделяют по функциональному признаку, при этом тщательно скрывают сущность каждой из этих групп, их классовую принадлежность, их связь с капиталистическим базисом. Элитисты представляют класс эксплуататоров раздробленным на изолированные и конкурирующие группы. При этом конкуренция, как они пишут, вытекает не столько из столкновения экономических интересов, сколько из мнимой противоположности функций, которые осуществляют монополисты, государственные деятели, церковники, военная верхушка и т. д. Как будто все они не выполняют в своих областях одну и ту же главную функцию — обеспечение условий для беспрепятственной эксплуатации широких народных масс кучкой монополистов!

Спора нет, класс буржуазии состоит из различных слоев и прослоек, но при всем различии их интересов эти прослойки едины по своей эксплуататорской природе. Мы уже видели выше, что в период империализма кучка финансовых магнатов бесконтрольно господствует в экономике, а также в политической жизни капиталистических стран. Элитисты же изо всех сил стремятся умалить, замаскировать роль монополистической буржуазии и представить дело таким образом, будто бы наряду с ней существуют прослойки и «группы интересов» (Рисмен), якобы независимые от монополистического капитала и даже конкурирующие с ним. Что же представляют собой «уравновешивающие» силы, сдерживающие финансовую олигархию? Это политические деятели (в действительности являющиеся ставленниками и исполнителями воли монополий), это верхушка военщины (цепные псы монополистического капитала), это «новый» класс менеджеров, управляющих корпорациями, обеспечивающих получение максимальной прибыли владельцам контрольных пакетов акций, то есть тем же монополистам, наконец, это — церковные иерархи (по мыс-

ли элитистов, представители этой группы должны уговаривать капиталистов не так сильно эксплуатировать рабочий класс, но, по странной случайности, они до сих пор тратили все свои силы на то, чтобы примирить трудящихся с их угнетенным положением, отвлечь их от революционной борьбы против капитала). Антинаучный и апологетический характер теории «баланса элит», фальсифицирующей структуру верхушки современного капиталистического общества, не вызывает сомнений.

На IV социологическом конгрессе Гаттсмен утверждал: «В передовых странах Запада политическая власть в настоящее время явно стоит рядом с другими концентрациями власти — вооруженными силами, промышленными империями, профсоюзами, организациями, ответственными за культуру и средства массового общения. В каждой из этих областей действительная власть сосредоточивается все более и более в руках сравнительно небольших групп, состоящих из лиц, занимающих ведущие позиции. Такая концентрация власти вместе с мобильностью и взаимосвязью деятельности между различными сферами ведет к обновлению концепции объединенной элиты».

Концепция плюрализма элит оживила тот поток мелких социологических исследований, о котором мы говорили выше, что он не выходит за рамки накопления всякого рода второстепенных и банальных статистических фактов. Много пишется о том, что не только общество в целом, но и любая социальная группа имеет свою собственную элиту. Дело доходит до курьеза, когда некоторые социологи пишут даже об элите воров, убийц и проституток. «Нет одной элиты, но есть элиты, которые образуются во всех профессиях, — пишет Билэн-Миллерон. — Крестьяне, рабочие, ремесленники, профсоюзы имеют или должны иметь свои элиты»³². Л. Боден пишет о «специализированных» элитах. «Существует элита предпринимателей, о которой нельзя судить по полученным прибылям (как будто существует иной, более благородный критерий. — Г. А.), элита рабочих, которую нельзя оценивать по принадлежности к какой-либо партии. Имеется элита ученых, критерием которой не яв-

³² "Revue politique et parlementaire", 1954, No 639, p. 259.

ляется количество дипломов. С другой стороны, имеется иерархия»³³.

Судьба частных эмпирических исследований проблемы элиты особенно взволновала на IV социологическом конгрессе Дж. Мейсела, который говорил: «Что делать с цветущими социальными исследованиями, собирающими горы данных о специальных структурах власти? Без слияния с большой теорией эти часто весьма ценные открытия могли бы легко выродиться в бессвязные тривиальности (добавим от себя, что именно так чаще всего и обстоит дело. — Г. А.)». Мейсел сказал, что были сделаны попытки спасательных работ. Книгу Р. Миллса «Властвующая элита» он называет продолжением линии Моски—Парето—Рисмена и одновременно отрицанием ее.

Наиболее влиятельными сторонниками теории «*балансирующих элит*» являются американские социологи Дж. Голбрейс, Д. Рисмен, французский социолог Р. Арон. Рисмен заявляет, что за последние 50 лет произошел сдвиг от «концентрации власти в руках правящего класса до раздробления власти» между «вето-группами». Никто теперь ничем не управляет — все предоставлено самотеку³⁴, пародирует Миллс позицию Рисмена.

Канадский элитист Дж. Портер утверждает, что «элитные группы представляют собой функционально изолированные системы», причем они «в состоянии уравновешивать одна другую».³⁵ А если читатель не принимает на веру эти утверждения, Портер приводит «доказательства». Он ссылается на то, что Ч. Вильсон, став министром обороны США, перестал быть президентом «Дженерал моторз» и продал принадлежавшие ему акции этой военной корпорации. Но он забывает прибавить при этом, что Вильсон продал акции... своей супруге, что, будучи министром обороны, передал «Дженерал моторз» выгоднейшие военные заказы, взяв их от других компаний, руководствуясь своей геростратовски знаменитой фразой: «Что хорошо для «Дженерал моторз» — хорошо и для страны». Портер считает, что бюрократия не должна вторгаться в экономические дела, а капиталист дол-

³³ "Nouvelle revue de l'Economie Contemporaine", 1953, No 4, p. 6

³⁴ См. Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 334.

³⁵ "The Canadian Journal of Economics and Political Science", Nov. 1955, No 4, p. 505.

жен покинуть экономическую элиту, становясь политическим деятелем. Но эти мещанские иллюзии не имеют и отдаленного отношения к действительности. Ибо только тот, кто упорно не желает взглянуть в лицо фактам, не знает «секрета Полишинеля» — не знает о сращивании финансовой, бюрократической, военной верхушки, не знает, что правительство стало «исполнительным комитетом» монополий, что крупнейшие монополисты сами сели в правительственные кресла, что они заправляют и военными делами, что они же председательствуют в церковных и университетских советах.

Монополистическая буржуазия давно уже прибрала к своим рукам государственный аппарат. Он нужен ей прежде всего для подавления сопротивления эксплуатируемых масс. Это, так сказать, выражение совокупного интереса капиталистов. Вместе с тем она использует его и для борьбы со своими конкурентами; ведь в связи с ростом государственно-монополистических тенденций, с милитаризацией экономики капиталистических стран государство превращается в крупнейшего заказчика, от которого зависят наиболее прибыльные контракты. Самые могущественные финансовые группы ставят и наибольшее число «своих» людей на важнейшие государственные должности. Личная уния между банковским и промышленным капиталом дополняется личной унией с правительством.

Начав с прямого подкупа государственных чиновников, монополистический капитал все увеличивал свое влияние на буржуазные правительства и, наконец, полностью подчинил их своему контролю, расставив на важнейшие должности своих людей. В США почти все президенты периода империализма были прямыми ставленниками монополий, которые финансировали выборы и обеспечивали избрание угодных им людей. Так, президенты Кливленд, Т. Рузвельт, Вильсон, Кулидж, Гувер были креатурами Моргана, Мак-Кинли; Тафт, Гардинг — ставленниками Рокфеллера.

С тех пор подчинение государственного аппарата монополиям еще более усилилось. Финансовый капитал уже не удовлетворяется тем, что буржуазное государство выражает и защищает его интересы. Монополисты ставят на важнейшие государственные посты своих доверенных лиц, а в последнее время перешли к непосред-

венному и личному руководству всей государственной деятельностью. Как писал У. Фостер, «монополисты Уолл-стрита не довольствуются тем, что управляют правительством, так сказать, на расстоянии. Они вторглись в самое его нутро, устроив своих доверенных людей на многие высокие посты в правительстве и во всех министерствах. Своих людей прямо с Уолл-стрита они посадили и в кабинет при президенте и на другие важнейшие посты»³⁶.

Для проведения угодных кандидатов финансовый капитал пользуется весьма удобной для этого двухпартийной машиной с ее системой политических боссов. Один из таких боссов, небезызвестный Пендергаст (из штата Миссури), похвалялся тем, что, имея доллары, берется провести на любую должность рыжего пса против апостола Петра. Пендергаста трудно опровергнуть — ведь именно он способствовал избранию в сенат, а затем и в президенты Г. Трумэна.

Сторонники «баланса элит» восхваляют двухпартийную систему США. Вот прекрасный пример уравновешивающих сил — одна партия критикует другую, противодействует ей и делает невозможным установление диктатуры одной партии. Но эти утверждения — для неискушенных в политике, ибо эта двухпартийная система на деле является удобной формой диктатуры финансовой олигархии. И республиканская, и демократическая партии — это партии финансового капитала, с равным усердием обслуживающие его. Прочтите списки пожертвовавших крупные суммы в фонды республиканской и демократической партий — там вы найдете крупнейших богачей страны, причем эти богачи финансируют зачастую обе «враждующие» партии сразу и выигрывают, независимо от исхода их дуэли. Капитал не любит рисковать. В обоих случаях он остается в выигрыше. А в проигрыше остается народ. Монополии железной хваткой держат политические партии и имеют возможность выставлять кандидата на пост президента, финансируя избирательную кампанию, которая обходится ныне более чем в 150 млн. долл.

Центральное место в теориях «баланса элит» отводится, безусловно, буржуазному государству, которому ав-

³⁶ У. Фостер, Закат мирового капитализма, ИЛ, 1951, стр. 66.

торы этих теорий курят фирмам как органу «порядка», беспристрастной, надклассовой силе, регулирующей противоположные интересы различных групп населения в целях общего благосостояния. Сколько комплиментов сказано за последние годы апологетами империализма в адрес буржуазного государства! Это теперь — «государство всеобщего благоденствия», равно пекущееся об интересах всех граждан. Как отмечает Р. Миллс, эти теоретики «не хотят отказаться от представления, что государство — это своего рода автомат, действие которого регулируется принципом взаимоуравновешивания противоборствующих интересов»³⁷.

Тысячи буржуазных идеологов — от прямых ставленников монополий до правых социалистов типа Джона Стрэчи — заявляют, будто государство представляет собой самостоятельный институт, находящийся над конкурирующими классами, институт, который обслуживается особым классом «общественных слуг», чья задача состоит в том, чтобы сбалансировать все частные интересы. Оправдывая государственно-монополистический капитализм, при котором правительство превращается в комитет крупнейших монополий, способствующий их дальнейшему обогащению, теоретики «баланса элит» изображают его как процесс вмешательства «надклассового государства» для защиты общества от крупных корпораций.

Сторонники «баланса элит» охотно ссылаются на известную буржуазную теорию разделения властей, доказывая, что баланс элит существовал и эффективно функционировал на всем протяжении развития буржуазно-демократических государств. Но на деле ссылки на «разделение властей» несостоятельны даже по отношению к периоду зарождения буржуазной демократии; по отношению же к империализму они представляют собой грубую насмешку над действительностью.

Все классические буржуазные политические теории исходили из того, что государство существует для того, чтобы охранять частную собственность и «порядок», то есть поддерживать определенный *status quo*. Поэтому те, кто владеет собственностью, должны и управлять государством. Первый верховный судья США Дж. Джей откровенно сказал: «Те, кто являются собственниками в

³⁷ Р. Миллс, *Властвующая элита*, стр. 333.

этой стране, будут и управлять ею»³⁸. Даже в период, когда буржуазия была революционным классом, она весьма подозрительно относилась к деятельности трудящихся масс, боясь, что массы выйдут из-под ее контроля и, поскольку их большинство, завладеют властью и используют ее против лиц, обладающих частной собственностью на средства производства, против, как говорили буржуазные идеологи, «добропорядочных» людей. Таким образом, главное положение буржуазной политической теории сводится к тому, что государство существует для охраны частной собственности, что собственники должны управлять, а неимущие — быть управляемыми. Но неимущие в силу своей завистливости и греховности могут нарушить общественный порядок. Попытки неимущих завладеть властью — это анархия, разрушение цивилизации, они должны жестоко пресекаться. Итак, политическое подавление масс — вот сущность буржуазной демократии, в условиях которой массы лишены реальной политической власти.

Но у пришедшей к власти буржуазии были опасения и другого рода — опасения возможности концентрации политической власти в руках узкой группы или даже одного лица, которые использовали бы свою власть в нарушение интересов остальных собственников, то есть всего класса буржуазии. Отсюда и теория разделения властей — отделение исполнительной, законодательной и судебной властей друг от друга как средство против тирании и олигархии. Таким образом, *теория разделения властей вызвана не заботой о всеобщем благе, но о благе вполне определенного класса — буржуазии*. Разделение властей никогда не было эффективным; что же касается периода империализма, когда монополии безраздельно господствуют в экономике, в политике, во всех областях жизни капиталистических государств, то эти теории являются просто фикцией.

Мы уже видели, что в период империализма происходит процесс полного подчинения государства монополиям, образуется личная уния между правительством и монополиями. Профессиональные государственные чиновники и политические деятели определенно уступили контроль над исполнительной властью представителям

³⁸ Г. Аптекер, О сущности свободы, стр. 16.

деловых кругов. Из 272 человек, занимавших решающие должности в правительстве Эйзенхауэра — министров и их помощников, руководителей главных ведомств, послов в крупнейшие страны, — 150 человек, то есть явное большинство, — крупные предприниматели, капиталисты. Остальные 122 человека — те, кто в течение всей своей жизни поддерживал связь с капиталистами и служил им. Среди них ни один не был рабочим³⁹. Те же тенденции мы наблюдаем и в правительствах Кеннеди — Джонсона.

В период империализма исполнительная власть, находящаяся под полным контролем монополий, стала доминирующей, а законодательная и судебная власть — ее придатком. Впрочем, это отнюдь не означает, что империалистическая буржуазия выпустила из своего поля зрения законодательную и судебную власть. Напротив, юридические органы находятся на содержании монополий и обслуживают их интересы. Тем более это относится к такой «независимой», «уравновешивающей» силе, как законодательные органы капиталистических стран.

По мысли авторов теории «баланса элит», законодательные органы представляют население и «уравнивают» алчных капиталистов. Но достаточно рассмотреть хотя бы состав конгресса США, чтобы понять всю смехотворность этого тезиса. Члены конгресса представляют отнюдь не народ, а те же самые монополии. Как отмечает Р. Миллс, 435 членов палаты представителей и 96 (теперь 100. — Г. А.) сенаторов не представляют рядовых граждан; это выходцы из класса капиталистов, в основном выходцы из провинциальных высших классов⁴⁰. Выше мы видели, что в конгрессе представлены только банкиры, предприниматели, землевладельцы и ставленники капитала — адвокаты, журналисты, профессиональные политики.

Есть ряд обстоятельств, в силу которых член конгресса является либо сам крупным капиталистом, либо зависит от последнего. Ведь депутатские расходы весьма велики — депутатам приходится жить на два дома и курсировать между ними. Но особенно дорого обходится избирательная кампания (около 50 тыс. долл.). Чтобы внести

³⁹ В. Перло, Империя финансовых магнатов, стр. 418—419.

⁴⁰ Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 319.

такую сумму, необходимы два условия: или самому быть очень богатым человеком, или получить эти деньги от той или иной корпорации, разумеется не безвозмездно, а за обязательство действовать в интересах этой корпорации. Таким образом, одни конгрессмены действуют в пользу монополий потому, что находятся у них на службе и получают от них дотации, другие — и их становится все больше — потому, что сами являются крупными капиталистами. Недаром об американских сенаторах говорят: одни из них попали в сенат потому, что богаты, а другие богаты потому, что попали в сенат. Бывшего капеллана сената Э. Хейла как-то спросили: «Доктор Хейл, вы молитесь за сенат?». «Нет, — ответил он, неплохо зная свою паству, — я смотрю на сенат и... молюсь за страну».

В свое время А. Линкольн говорил о необходимости «правительства народа, из народа и для народа». В каком вопиющем противоречии находится капиталистическая действительность с этими заветами великого американского демократа! Недаром американский юристический журнал «Пак» писал когда-то, пародируя знаменитое изречение Линкольна: «Сенат монополистов, из монополистов и для монополистов». А Билл Роджерс мрачно шутил: «У нас самый лучший конгресс, который можно купить за деньги».

Следующей «уравновешивающей» силой, якобы противостоящей монополиям, объявляются «независимые» судебные органы. Но о зависимости провинциальных судебных органов от власти имущих, их тесной связи с последними давно уже пишет американская пресса. Что же касается Верховного суда США, то он состоит из девяти пожизненно назначаемых президентом по согласованию с сенатом членов из числа многоопытных, проверенных высших чиновников, верой и правдой служивших капиталу на различных политических и юридических должностях. Считать этих людей силой, «противодействующей монополиям», могут лишь их прямые апологеты.

Таким образом, нетрудно видеть, что теория «баланса элит» построена на песке. «Независимые» государственные и судебные органы не зависят только от народа и весьма зависят от монополистического капитала. И не случайно Р. Миллс, сам отдавший некоторую дань теории «балансирующих элит», признает, что формулу сдер-

живания и уравновешивания можно считать «средством затемнения народных интересов и стремлений»⁴¹. Он выражает свое согласие с Э. Карром, писавшим, что «доктрина гармонии интересов служит, таким образом, искусным философским построением, к помощи которого с полной искренностью прибегали привилегированные группы для оправдания и сохранения своего господствующего положения».

Р. Миллс, с одной стороны, высмеивает эклектизм теории баланса, да и всей буржуазной социологии. Он пишет: «Одна из неизменных слабостей американского «обществоведения»... заключается в его исходном убеждении, что простое перечисление множества причин и фактов представляет собой мудрый, научный подход к изучению современного общества. Однако с таким подходом нельзя согласиться. Он представляет собой, конечно, не что иное, как всеядный эклектизм, уклоняющийся от подлинной задачи социальной теории. Задача заключается в том, чтобы выйти за пределы простого перечисления относящихся как будто к делу факторов и взвесить каждый из них таким образом, чтобы уловить их взаимную связь и обнаружить типические особенности изучаемых явлений»⁴². С другой стороны, ему представляется «слишком упрощенной» марксистское положение о том, что действительными обладателями политической власти являются люди, занимающие господствующее положение в экономике. Он находит упрощенной и либеральную концепцию.

Анализируя современный американский «политический директорат», Миллс показывает упадок законодательных органов, «бюрократизацию» политики, уменьшение в составе политической верхушки веса профессиональных политиков и повышение роли «аутсайдеров». Кого разумеет Миллс под «аутсайдерами»? Крупнейших монополистов, которые за последние десятилетия предпочитают не передоверять политические проблемы (ввиду их возрастающей важности) политикам, служащим им верой и правдой, а самим занимать важнейшие ключевые посты в государственном аппарате. Из 53 членов исполнительного государственного директората в прези-

⁴¹ Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 338.

⁴² Там же, стр. 334—335.

дентстве Эйзенхауэра всего лишь 14 являлись профессиональными политиками; остальные три четверти — политические «аутсайдеры» из мира монополистических объединений. «Политические аутсайдеры, занимающие командные посты в исполнительных органах власти и образующие собой политический директорат,— пишет Миллс,— являются в массе своей богачами из мира корпораций... Они принадлежат к определенным кликам, главарям которым они доказали, что заслуживают полного доверия в делах экономических, военных или политических»⁴³.

Р. Миллс справедливо замечает, что в «обществе, где выше всего ценятся деньги, нельзя создать подлинно независимое чиновничество, ...если государственная служба не обеспечивает вознаграждение, сравнимое с тем, что дает служба на частных предприятиях»⁴⁴. Если максимальный оклад государственных служащих составляет около 15 тыс. долл., то директора корпораций получают сотни тысяч долларов. Не случайно многие чиновники меняют свои посты на более доходные места в той или другой корпорации. Но правительственному чиновнику совсем не обязательно переходить формально на службу корпорации. Находясь на правительственном посту, он может оказать огромные услуги той или иной корпорации (обеспечив ей выгодный правительственный заказ и т. д.) и получить взятку от этой корпорации, а то и регулярную дополнительную «заработную плату». Монополии и сами сажают своих представителей в государственный аппарат, и последние помимо государственного жалованья продолжают получать вознаграждение от своей корпорации (хотя формально это и преследуется законом). В таких формах осуществляется сращивание государственного аппарата и монополистической верхушки, полное подчинение первого второй.

В настоящее время правительственные заказы, прежде всего, конечно, военные, оказывают огромное влияние на экономику капиталистических стран. Они могут привести к быстрому обогащению той или иной корпорации. В нынешних условиях само государство становится капиталистическим предпринимателем. И поэтому для

⁴³ Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 323.

⁴⁴ Там же, стр. 330.

любой группировки финансового капитала сейчас жизненно важно наличие в правительстве своих людей, которые бы обеспечили ей наиболее выгодные заказы. Основные группировки финансового капитала финансируют избирательные кампании по выборам президента. Кандидатура Эйзенхауэра была выдвинута бостонской группой финансового капитала, поддержана Рокфеллерами, Морганами, Меллонами, кливлендской группой, а затем, после определенного торга, и Дюпонами, которым были обещаны два министерских кресла. Все посты в кабинете и получили представители названных выше группировок финансового капитала. Про этот кабинет говорили: «Правительство 13 миллионеров и одного водопроводчика» (министр труда Даркин, бывший профсоюзный босс, вскоре был заменен еще одним миллионером — Митчеллом). В состав кабинета вошли: государственный секретарь Дж. Ф. Даллес — один из владельцев крупных фирм «Салливен энд Кромвелл» и «Интернэшнел никел К° оф Канада», связанный с группой Рокфеллеров, министр обороны Ч. Вильсон — человек Дюпонов, замененный затем банкиром Гейтсом, связанным с группой Моргана, министр финансов Дж. Хэмфри — один из лидеров кливлендской финансовой группировки; министр торговли Уикс — представитель бостонской финансовой группы.

В правительствах Кеннеди и Джонсона государственный секретарь Дин Раск — человек Рокфеллеров, бывший президент «фонда Рокфеллера». Министр обороны миллионер Макнамара — бывший президент «Форд мотор К°». Министр финансов миллионер Д. Диллон (личное состояние — 200 млн. долл.) — руководитель крупного банка Уолл-стрита «Диллон Рид энд К°». Министр торговли Ходжес выдвинут чикагской финансовой группировкой. Морской министр Дж. Коннэли — человек тexasского нефтяного короля Ричардсона. А. Гарриман, мультимиллионер, глава крупной фирмы «Браун бразерз, Гарриман энд К°», — посол президента по особым поручениям. Вряд ли есть нужда продолжать этот список.

Путь от руководства монополией к министерскому креслу и обратно характерен и для других капиталистических стран. В английском консервативном правительстве сэр Дж. Андерсон, один из руководителей военного концерна «Виккерс» и химического концерна «ИКИ»,

был назначен министром обороны, на новом посту верой и правдой служил этим монополиям, а затем опять вернулся к руководящей деятельности в этих концернах. Таким образом, для монополистического капитализма характерно подчинение государственного аппарата финансовой олигархии, которая использует его для получения максимальных прибылей, перераспределения национального бюджета в пользу крупнейших финансовых групп и в ущерб мелким фирмам. Финансовая олигархия использует государственный аппарат для обеспечения максимальных прибылей путем замораживания заработной платы на низком уровне при монопольно высоких ценах на товары; обогащение за счет казны происходит и путем получения от государства субсидий и кредитов на расширение военного производства и научно-исследовательских работ.

В качестве еще одной силы, участвующей во взаимном балансе элит, буржуазные теоретики указывают на верхушку военщины, причем апологетические, зачастую смехотворные доводы о том, что якобы генералы противостоят и чуть ли не противодействуют монополиям, перемежаются с правильными ссылками на рост влияния военщины в главных капиталистических странах, и прежде всего в США. «Военные руководители,— пишет Р. Миллс,— сейчас более могущественны, чем когда-либо за всю историю существования американской элиты; теперь у них больше возможностей влиять на многие области американской жизни, в которых распоряжались раньше одни лишь гражданские элементы. У них появилось больше связей, и действуют они сейчас в стране, элита и широкие слои населения которой восприняли то, что может быть названо не иначе, как военным подходом к действительности. В прошлом военные руководители были всего лишь докучливыми бедными родственниками американской элиты; теперь они стали ее двоюродными братьями, а вскоре, может быть, перейдут на положение старших братьев»⁴⁵.

Возвышение военщины связано с гонкой вооружений, с милитаризацией хозяйства капиталистических стран, с обстановкой военного психоза. Экономика США и других капиталистических стран приобрела однобокий, ми-

⁴⁵ Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 271.

литаристский характер. Свыше 50 млрд. долл. — более двух третей бюджета — идет на гонку вооружений. Принадлежащее государству военное ведомство является крупнейшим бизнесом. Это военное предприятие оценивается в 150 млрд. долл., в нем занято более 4 млн. человек. Теперь, когда, как отмечает Р. Миллс, всерьез принимаются только вопросы войны, а не мира, дипломат уступает место военному лидеру. «По мере концентрации экономики и ее организационного объединения в крупные иерархии военное ведомство разрасталось и начало играть решающую роль в определении всей структуры современной экономики; больше того, по мере превращения последней в нечто похожее на перманентную военную экономику между военными и экономическими интересами создавалась глубокая и капитальная связь, а военщина и ее политические установки все больше проникали в сферу экономики, организованную в форму капиталистических монополий»⁴⁶.

Влияние военщины далеко выходит за пределы чисто военных проблем. Военное ведомство, например, является сейчас крупнейшим источником финансирования научно-исследовательских работ в США. В финансовом отношении некоторые университеты фактически превратились в отделения Пентагона. Около половины студентов 372 университетов и колледжей охвачены системой подготовки офицеров. Военная знать вместе со своими пропагандистами пытается привить собственные взгляды широким слоям населения, на что расходуются миллионы долларов. Военщина ставит себе на службу не только экономику, пишет Миллс, церковь снабжает ее своими благословениями, просветительные институты и наука становятся средствами для достижения ее целей⁴⁷.

Миллс, конечно, совершает ошибку, ставя военную элиту на одну доску с монополистами. Факты, приводимые в его книге, как раз и свидетельствуют о личной унии между финансовой олигархией и военщиной, причем эта уния лишь укрепляет подлинное господство монополий. Как справедливо замечает В. Перло, «военные пользуются влиянием, но остаются подчиненными фи-

⁴⁶ Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 295.

⁴⁷ Там же, стр. 305.

нансистам и входят как составная часть в структуру их империи»⁴⁸. Сам Миллс делает шаг в сторону правильного понимания этого процесса: «Представление о существовании военной клики, если его раскрыть до конца, означает ведь не только усиление роли военных. Оно подразумевает также совпадение интересов и увязку целей всех тех, кто вершит дела не только в военной сфере, но и в сферах экономики и политики»⁴⁹.

Между монополиями идет жестокая конкурентная борьба за право получения военных заказов, а это увеличивает влияние военной верхушки, ведающей распределением этих заказов (и, добавим, создает широкую возможность подкупа последних). В. Перло пишет о тесной личной унии между монополиями и верхушкой военины: «Взаимоотношения между генералами и капиталистами, которые и прежде всегда были близкими, теперь стали еще более тесными. С одной стороны, кадровые генералы доверяют вопросы снабжения армии тысячам должностных лиц крупных корпораций, находящихся на военной службе; с другой — они охотно «уходят в отставку», с тем чтобы занять более выгодные посты, ожидающие их в частных корпорациях»⁵⁰.

Все чаще наблюдаются случаи, когда крупнейшие монополисты и их ближайшие сотрудники непосредственно занимают высшие военные посты. Министрами обороны в последних правительствах были Ч. Вильсон (бывший президент «Дженерал электрик»), другой Ч. Вильсон (бывший президент «Дженерал моторз»), Макелрой (директор «Дженерал электрик»), затем — Макнамара (бывший президент «Форд моторз»).

С другой стороны, сами генералы оказываются все теснее связанными с монополиями, которые от разовых взяток переходят к зачислению того или иного из них непосредственно на службу корпорации, в результате чего кроме жалованья от государства он получает значительно большее вознаграждение от монополии, а впоследствии, выходя в отставку, окончательно переходит к ней на службу. Для монополии совершенно очевидны преимущества иметь у себя на службе генерала, связи

⁴⁸ В. Перло, Империя финансовых магнатов, стр. 390.

⁴⁹ Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 307.

⁵⁰ В. Перло, Империя финансовых магнатов, стр. 387—388.

которого можно использовать для получения военных заказов. Ныне стало массовым явлением, когда генералы и офицеры, выходя в отставку и получая пенсию от государства, становятся должностными лицами в монополистических объединениях. Журнал «Юнайтед Стейтс энд Уорлд рипорт» писал, что «более двух тысяч кадровых офицеров оставили службу, с тем чтобы занять лучше оплачиваемые должности в промышленности. Их можно встретить в авиационных фирмах, в компаниях гражданского воздушного флота, в концернах электронной промышленности, в автомобильных компаниях, судостроительных фирмах, нефтяных концернах, в общественных организациях и т. д.»⁵¹. Таковы некоторые формы, в которых осуществляется сращивание финансовой олигархии и военной верхушки при подчинении второй первой.

Авторы балансирующих элит пишут также о «независимой» церковной и идеологической элите, выдумывая сказочку о «сеющих добро» и могущих «усоветить» слишком жадных богачей. Но этот тезис может иметь успех разве только у неискушенного читателя. Выше уже отмечалось, что в церковных советах решающее слово имеют представители монополий. Это относится и к научным и учебным заведениям. Ведь большинство из них финансируются крупнейшими корпорациями (обычно через так называемые «благотворительные фонды» типа «фонда Рокфеллера», «фонда Форда»). А кому неизвестно, что музыку заказывает тот, кто за нее платит? Религия и буржуазная идеология имеют целью оправдать и освятить отношения капиталистической эксплуатации, набросить покрывало на существующие социальные отношения, отвлечь народные массы от борьбы за изменение социальных отношений, за демократические права.

Голбрейс и другие теоретики «баланса элит» находят этот баланс не только между элитами, но и между буржуазией и рабочим классом. У капиталистов есть монополии, зато у рабочих есть профсоюзы. Обобщая практику желтых профсоюзов, буржуазные теоретики заявляют, что хотя профсоюзы и претендуют на то, что они демократические организации, но на деле массы рядовых членов профсоюзов не имеют никакого влияния, они

⁵¹ "US. News and World Report", Apr. 27, 1956.

полностью контролируются лидерами. Лидеры профсоюзов отдаляются от масс, образуя профсоюзную элиту. К уже перечисленным элитам, имеющим свою долю социальной власти и участвующим в балансе элит, предлагается добавить еще одну элиту — элиту профсоюзных боссов. А дальше идут циничные рассуждения: монополии угнетают рабочих? Да это не более верно, чем то, что рабочий класс угнетает монополии. Как же, ведь своими забастовками он заставляет последних терпеть убытки. Эти лицемерные утверждения не новы. Ведь недаром в США антитрестовский закон Вагнера неоднократно использовался именно против рабочих под предлогом, что, объединяясь в профсоюзы, они создают монополии и диктуют монопольные цены на рынке труда. Итак, в западном обществе гнет монополий уравновешен профсоюзами. Налицо полная социальная гармония, классовая борьба отсутствует, ее заменила социальная идиллия. А если факты противоречат этим утверждениям, — что ж, тем хуже для фактов.

Такова «научная ценность» теории баланса элит. Конечно, класс буржуазии не является чем-то однородным в период империализма, он состоит из различных слоев и прослоек, интересы которых в ряде случаев вступают в противоречия. Больше того, интересы различных групп финансового капитала также сталкиваются и жестокая конкурентная борьба является законом развития капитализма. Что же касается борьбы против рабочего класса, наступления на его жизненные права, то тут все монополии едины. То, что буржуазные социологи называют политической, военной, административной и другими элитами, есть лишь группировки внутри финансовой олигархии. Одно дело — признавать различие интересов разных групп капиталистов и совсем другое — заявлять, что эти различия и конкурентная борьба «уравновешивают» противодействующие интересы, создавая социальную идиллию и возможность подлинной демократии. В действительности подобное положение и означает диктатуру финансовой олигархии над народом, когда народу отводится роль зрителя в драме, а вернее сказать, в отвратительном фарсе, который разыгрывают соперничающие финансовые группировки.

Нет сомнения в том, что существуют различные функции управления, что они осуществляются, как правило,

различными группами людей в капиталистических странах — непосредственно монополистической буржуазией или ее ставленниками. Существует и относительная самостоятельность в развитии каждой из этих функций. Больше того, существует и определенное соперничество между разными группами этого управленческого аппарата — законодательными, исполнительными, судебными органами, идеологическим аппаратом, армией; в конечном счете они выражают интересы монополистической буржуазии, но в своих разногласиях они могут использовать соперничество различных монополистических групп. Известны факты соперничества между Пентагоном и госдепартаментом, между различными видами вооруженных сил — армией, авиацией, флотом. Можно идти дальше и обнаружить соперничество между разными отделами одного и того же учреждения. Эти факты могут иметь определенное значение, но если они заслоняют сущность, что все эти звенья обслуживают монополистическую буржуазию, — значит социолог, придерживающийся подобных взглядов, надевает шоры на свои глаза. Не вызывает сомнения и влияние лобби-групп, которых, как подчеркивает Рисмен, содержат крупнейшие корпорации, объединения предпринимателей (такие как Национальная организация промышленников, Американская ассоциация железнодорожных компаний), различные церковные, профессиональные объединения (например, Американская медицинская ассоциация) и другие организации, которые называются еще «группами давления». Их задача — воздействовать на законодательные и административные органы для того, чтобы добиться тех или иных актов, соответствующих интересам представляемых ими групп, и отклонения актов, противоречащих этим интересам; их деятельность включает организацию «массовых» писем и телеграмм членам конгресса или правительства, личные контакты с ними в кулуарах соответствующих учреждений, «угощение» в ресторанах и, разумеется, прямой подкуп. Указанные «группы давления» сторонники теории «балансирующих сил» тщетно пытаются изобразить чуть ли не противодействием воли монополий, тогда как в действительности они являются, как правило, одним из каналов, по которым осуществляется влияние крупного капитала на законодательство и государственный аппарат.

Вопиющей фальсификацией являются писания элитистов о том, что монополии, правительство, армия, церковники, культурные деятели якобы уравнивают друг друга, не дают возможности одной элите злоупотреблять властью и создают простор для свободы, для общественного благоденствия. В действительности и руководители корпораций, и министры, и крупные чиновники, и церковные лидеры, и газетные и издательские магнаты — все это составные части господствующего класса — монополистической буржуазии. Они и выполняют неразрывно связанные между собой функции подавления и обуздания народных масс, подкупа одной части рабочих и репрессий против их революционного авангарда — функции попа и функции палача. Эти функции служат укреплению господства финансовой олигархии. В своей совокупности они и выражают сущность современного капиталистического общества.

„Массовое общество“: миф или действительность?

Современные теории элиты невозможно понять, не обращаясь к тесно связанным с ними теориям «массового общества». Эти теории получили в современной буржуазной социологии очень широкое распространение и вызвали оживленную дискуссию, которая ведется уже более двух десятилетий, причем особенно интенсивно в последние годы.

Любопытно, что в ходе этой дискуссии редко кто объявляет себя сторонником «массового общества». Почти все пишущие о нем являются его критиками. Кто только не критикует «массовое общество»! Радикалы и консерваторы, правые социалисты и американские «ультра»... Критикуют с самых разных позиций и в самых разных целях. Английский социолог А. Стюарт не без основания замечает, что фразы о «массовом обществе» не относятся к рациональному мышлению, а скорее относятся к области эмоций и «близки к истерии». «Писатели всех политических направлений используют термин «массовое общество» для критики черт современного общества, которые они не одобряют. Это зачастую просто термин для выражения антипатий писателя, перечисление которых, подкрепленное тщательно подобранным «социологическим свидетельством», выдается за реалистическую концепцию современного общества»¹.

Что же такое «массовое общество»? Научная модель современного общества, хотя бы его отдельной ячейки, или же просто логическая или даже эмоциональная конструкция, не имеющая аналога в действительности и являющаяся орудием политической демагогии, шантажа, средством уязвления политических противников?

¹ "New Society", L., 6 Febr. 1964, p. 22.

В замечании Стюарта схвачена интересная деталь: вся концепция «массового общества» — продукт особого типа идеологического конструирования, это иллюзорная картина, созданная определенными идеологами в качестве собственной мишени. При этом «критики» борются с «массовым обществом» так, как если бы реально существовали его сторонники, которых нужно заклеить. Но таких сторонников нет², и за отсутствием таковых критики «массового общества» обрушиваются друг на друга за различный подход к критике собственной идеологической конструкции.

Все это отчасти напоминает борьбу Дон Кихота с ветряными мельницами. Но нет ничего ошибочней, чем объявлять теории «массового общества» пустой выдумкой. В этих теориях угаданы, получили своеобразное отражение, пусть превратное, определенные реальные процессы и тенденции нынешней капиталистической действительности.

Не следует думать, что критика «массового общества» — явление исключительное, необычное для буржуазной идеологии. В ней имеется традиция реакционно-критической идеологии, идущая от немецких романтиков, Ницше, Бурхардта. А ныне сформировалась целая идеология, у которой нет позитивных идеалов и которая определяет себя через то, что она против чего-то. Мы помним, в каком затруднительном положении оказался «мозговой трест» правительства Кеннеди, когда потребовалось сформулировать «национальные цели Соединенных Штатов». По признанию самих буржуазных социологов, этот «мозговой трест» потерпел фиаско в этом отношении, «преуспев» только в низкопробном антикоммунизме. Нужно сказать, что это не вызвало энтузиазма у буржуазных теоретиков, уныло замечавших по этому поводу: нельзя быть только против чего-то, нужно быть также и за что-то.

² Строго говоря, это не вполне точно — за последние годы термин «массовое общество» так часто употребляется в буржуазной социологической литературе, что некоторые социологи и публицисты стали оперировать им в позитивном плане, при этом обычно оговаривается, что есть «хорошее (демократическое) массовое общество» и «плохое массовое общество» в виде тоталитарных государств. Нашлись и критики критиков, заявляющие, что философствующие критики современного общества обнаруживают лишь свой интеллигентский снобизм.

Возникнув в сфере социальной психологии (Г. Лебон), теории «массового общества» были перенесены в область культуры (Ортега-и-Гассет), а затем и другие области человеческой деятельности. Закономерности психологии масс, выведенные Лебоном, — основа этих концепций, которые проецируются на культуру, экономику, социальные отношения, политику; в любом объекте рассматривается прежде всего один аспект: появление публики, массовой аудитории. В области экономической «массовое общество» связывается с индустриализацией, концентрацией и централизацией производства, массовой продукцией и рекламой, манипулирующей вкусами масс. В области социальных отношений его связывают с урбанизацией населения, отрывом его от общины, социальной атомизацией общества и перенесением центра тяжести его деятельности на государственный уровень, с ростом бюрократизации социальной жизни.

В области политической — это «массовая демократия», всеобщее избирательное право. «Толпа» все более захватывает власть, которая была дотоле прерогативой элиты. Это вторжение «неквалифицированных» в сферу управления ведет к упадку политического руководства и авторитета. Вместе с тем многие «критики» указывают на централизацию власти, монополизацию ее элитой, которая манипулирует безликой массой, опираясь на систему массовых коммуникаций; население при этом превращается в «политически инертную массу» (Миллс).

В области культуры его характеризуют униформизм, свержение «высокой культуры» избранных и замена ее «массовой культурой»; массовые средства общения унифицировали и нивелировали духовную жизнь людей, снизив стандарты культуры до уровня наиболее отсталых членов общества. В области психологической его характеризует появление «человека массы», социально отчужденной личности, утратившей самостоятельность, неуверенной и неустойчивой. В массе человек теряет свою индивидуальность, деперсонифицируется. Поведение массы характеризуется неустойчивостью, экспансивностью. Бездумные, легко возбуждающиеся массы подвержены внушению, гипнозу со стороны лидеров. «Магия слов» господствует на исторической арене. Разум, носителем которого является элита, отступает на задний план, на

передний выступают слепые страсти и инстинкты толпы; человеческие ценности и сама цивилизация оказываются под угрозой.

* *
*

Зарождение теорий «массового общества» относится к концу XIX века, они явились, как признают их современные адепты, аристократической критикой социальных изменений XVIII—XIX веков³. Нынешние критики «массового общества» ссылаются как на своих предшественников на французского социального психолога Г. Лебона, швейцарского историка Бурхардта, испанского философа культуры Ортегу-и-Гассета, реже — на Ф. Ницше. Последнее представляется нам несправедливым. Слова Ницше: «Теперь такое время, когда главную роль играет масса, — она преклоняется перед всем заурядным», — могут поставить эпиграфом к своим сочинениям большинство критиков «массового общества». «Книги для всеобщего употребления всегда зловонны: к ним пристаёт запах мелких людишек. Где народ ест и пьёт, даже где он совершает высшие отправления, там всегда бывает дурной запах», — пишет Ницше. По сравнению с нынешними критиками «массовой культуры» он более последователен и несомненно более выразителен в своей ненависти к массе.

Признанным теоретическим источником концепций «массового общества» является «психология масс» Лебона, утверждавшего, что общество вступило в анархический период «царства толпы». «Главной характерной чертой нашей эпохи является замена сознательной деятельности индивидуума бессознательной деятельностью толпы... Не более столетия назад традиционная политика государств и соперничество государей были главными факторами событий... В настоящее время массы диктуют правительству его поведение»⁴. Через несколько десятилетий эти мысли повторили С. Хаддлстон и Р. Жилуэн, Р. Страус-Хюпе и У. Липпман.

³ См. W. Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, L., 1960, p. 21.

⁴ Г. Лебон, *Психология народов и масс*, СПб., 1896, стр. 149, 154—155.

Поведение людей в толпе Лебон считал формой массового психоза. Толпа не рассуждает, говорил он, а повинуетя страстям; легкая антипатия в толпе превращается в ненависть, простое желание обращается в страсть. Трудно обмануть одного человека, но легко обмануть толпу. Чем многочисленнее толпа, тем ниже ее уровень. Толпу увлекают не избранники, а отбросы; все властители мира были бессознательными психологами, инстинктивно понимавшими душу толпы, благодаря чему они и становились ее повелителями. Становясь частицей организованной толпы, человек опускается на несколько этажей по лестнице цивилизации. «В изолированном положении он может быть культурным человеком; в толпе — это варвар, то есть существо инстинктивное»⁵.

К близким выводам приходит Х. Ортега-и-Гассет, рассматривая главным образом проблемы культуры. Современный период истории он трактует как упадок общества, в котором торжествуют массы, оставшиеся без руководства. Кризис XX века он видит в том, что «главным действующим лицом становится масса, а не элита», масса, забывшая о своем долге повиноваться и поставившая себя выше элиты. Массы, восставшие против элиты, — разрушительная сила, ведущая к социальным катаклизмам. «Человек массы», поработанный коллективом, — главное бедствие современной цивилизации⁶.

Если Лебон, Бурхардт, Ортега считаются предтечами теорий «массового общества», то немецкие социологи Э. Ледерер и К. Маннгейм, эмигрировавшие из гитлеровской Германии, сформулировали их в современном виде. Фашизм как конкретный носитель черт «массового общества» был находкой для «критиков». Они не смогли разобраться в классовой сущности фашизма, да она их и не интересовала; их внимание было привлечено к методам фашистского господства, оболванивания масс фашистской пропагандой, их «тотальной мобилизации»; это было гипертрофированное и отвратительное воплощение в жизнь изучаемых ими методов манипулирования массами и эксплуатации «духа толпы».

В изданной в США книге Ледерера «Государство

⁵ Г. Лебон, Психология народов и масс, стр. 170.

⁶ См. J. Ortega-y-Gasset, The Revolt of the Masses, N. Y., 1932.

масс. Угроза бесклассового общества» мы находим уже известные нам утверждения об иррациональности масс, о том, что их активность направлена лишь на разрушение. Ледерер клеветает на массы, объявляя их движущей силой фашистской диктатуры. Фашизм — продукт гниения империализма, террористическую и шовинистическую диктатуру империалистов он пытался выдать за результат активности масс, «массового поведения», «массового психоза»⁷. Ледерера и его нынешних последователей отличают жульнические попытки объявить фашизм и социализм различными моделями «массового общества», затушевать коренную противоположность между социализмом и капитализмом; они пишут о том, что «массовизация» — общая тенденция социальной жизни XX века, и пытаются обнаружить в этом отношении некие «общие черты», якобы присущие и социализму, и капитализму.

Видным теоретиком «массового общества» был К. Маннгейм с его идеалом «плюралистической демократии». Как и Ортега, Маннгейм утверждал, что культурные ценности вырабатываются элитой, что в «здоровом обществе» существует социальная дистанция между элитой и массой. Для гармонически развитой личности необходимо свободное время (это — идеал элиты); «человек массы» должен работать, для того чтобы существовать, его судьба — специализация. Но для него характерны попытки демократизировать откровенно аристократическую концепцию, найти «оптимальное отношение» между элитой и массой.

* * *

Всех, кто знакомится с произведениями критиков «массового общества», не может не поразить противоречивая трактовка этого общества. Одни пишут о нем как о всевластии элиты, другие — как о всевластии масс. Трудно поверить, что описывается одно и то же явление.

Когда во время дискуссии о «массовом обществе», развернувшейся в японском журнале «Тюокорон» в июле—августе 1957 года, один из ее участников назвал

⁷ См. E. Lederer, *The State of the Masses*, N. Y., 1940.

«глашатаями массового общества» Ясперса, Маннгейма, Фромма, Рисмена, Марсея, Липпмана, Дьюи, Бэрнхэма, Рассела, Миллса, его упрекнули в том, что он-де смешал в кучу разнородных авторов. Да, среди критиков «массового общества» можно найти представителей почти всех буржуазных политических течений, преимущественно правого толка. И все же пристальное изучение всех этих точек зрения покажет, что даже крайние из них вовсе не полярные противоположности; у них больше точек соприкосновения, чем разногласий. Все «критики» отрицают марксистскую теорию классов и классово-вой борьбы, описывают структуру общества в виде дихотомического деления на элиту и массы; массам отводится роль пассивного элемента, слепо следующего за правящей группой. Они сходятся и в том, что в «массовом обществе» нарушено «нормальное взаимоотношение» между элитой и массами, что имеет следствием неустойчивость социальной жизни, катаклизмы и другие потрясения.

Но в анализе причин указанных явлений «критики» не единодушны. Можно отчасти согласиться с американским социологом У. Корнхаузером, который предложил подразделять критиков на аристократических (куда он относит Лебона, Бурхардта, Ортегу, Вирека, Липпмана) и демократических (Ледерер, Арентт, Миллс). Вот критерий, используемый Корнхаузером для указанного деления: «Любая теория, находящая главную черту массового общества в том, что вторжение масс подвергает опасности элиты, квалифицируется как «аристократическая», тогда как теория, находящая главную черту массового общества в том, что атомизированные неэлиты подвергаются опасности господства со стороны элит, квалифицируется как „демократическая”»⁸. Первые делают упор на элиты и приходят к выводу об их слабости и упадке; вторые анализируют преимущественно массы и приходят к выводу об их инертности, о манипулировании ими со стороны элит (что, строго говоря, не вполне точно: Миллс пришел к подобным выводам, анализируя по преимуществу элиту).

Классификация эта страдает существенными изъянами: некоторые критики (Маннгейм), отнесенные Корн-

⁸ W. Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, p. 24.

хаузером к аристократическим, стремятся облечь свою концепцию в демократическую оболочку, многие «демократические» критики далеко не демократичны, наконец, некоторые эклектически соединяют оба указанных подхода; к последним относится и сам Корнхаузер, считающий, что в «массовом обществе» элиты и неэлиты прямо зависят друг от друга: массы «вливают на элиты и имеют непосредственный доступ к ним, а элиты манипулируют массами». Особенно много оговорок придется сделать в отношении второй группы, куда зачисляются разнородные авторы, «демократизм» многих из которых более чем сомнителен (Ледерер, Арндт). Собственно, сам Корнхаузер обнаруживает псевдодемократизм социологов этой группы, признавая, что они, как и аристократические критики, согласны в том, что сохранение «человеческих ценностей» требует социального обособления «основных сегментов» общества — элиты и масс. Обе группы говорят об «опасности массового общества»: одни видят эту опасность в том, что в современном обществе элита подвергается давлению масс, другие — в том, что неэлита, то есть массы, подвержена давлению, манипуляции со стороны элиты.

Можно утверждать, что типичной концепцией «массового общества» является аристократическая, в основе которой лежит защита «традиционных ценностей элиты» против возрастающего давления масс, — это тоска по утере ее былой «исключительности», недовольство ростом воздействия масс на политическую и культурную жизнь. Вторая тенденция в работах критиков «массового общества» обнаружилась относительно недавно — это защита буржуазно-демократических ценностей перед лицом монополистической элиты, которая манипулирует массами при помощи находящихся в ее распоряжении средств массового общения. «Демократические критики» видят главную угрозу в росте могущественной элиты, способной к «тотальной мобилизации масс», в бесправии масс. Это — своеобразное осознание и отражение того факта, что монополистический капитализм сопровождается наступлением реакции, фашизацией политической жизни, отказом от остатков буржуазно-демократических свобод.

Теории «массового общества», с одной стороны, — реакция на возрастание роли народных масс в истории, критика демократии справа, запугивание «опасностями»,

которые якобы несет для общества «массовая демократия»; с другой стороны, в этих теориях получил отражение тот факт, что переход от капитализма свободной конкуренции к империализму означает возрастающее ограничение буржуазно-демократических свобод, отказ от них, сосредоточение огромной власти в руках узкой группы финансовой олигархии. Большинство теоретиков «массового общества» критикуют современное общество с консервативных позиций. Меньшинство (Р. Миллс) критикуют противоречия современного капиталистического общества с либерально-демократических позиций.

Радикализм Миллса отпугивает буржуазных социологов. Многие из них почувствовали, что работы Миллса разоблачают современный капитализм, поэтому они пытаются спасти от критики нынешний status quo (Голбрейс и другие сторонники балансирующей элиты). Святая святых современного капитализма — концентрация власти в руках монополистической элиты — остается вне поля зрения большинства критиков «массового общества», даже таких пронципальных, как Д. Рисмен.

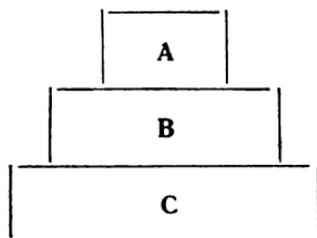
В объемистом сборнике «Культура и социальный характер», посвященном десятилетию нашумевшей книги Рисмена «Одинокая толпа», Корнхаузер опубликовал специальную статью, анализирующую расхождения между Рисменом и Миллсом по вопросу о сущности массового общества и структуре власти в современной Америке. «„Правящая элита“ или „группы вето“?» — так называется эта статья. Автор ее отмечает, что книги Миллса «Властвующая элита» и Рисмена «Одинокая толпа» пользуются наибольшей известностью в американской социологии, причем «Властвующая элита» наиболее благоприятно встречена радикальной интеллигенцией, а «Одинокая толпа» вызвала отзвук среди либералов⁹.

В интересующем нас вопросе они пришли к различным, даже противоположным выводам. Миллс считает, что реальную власть в современном американском обществе осуществляет узкий верхушечный слой — властвующая элита при бесправии народа. Рисмен не может согласиться с этим выводом, разоблачающим фальшь и лицемерие буржуазной демократии. По его мнению, во-

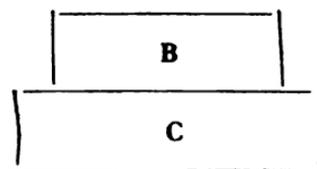
⁹ См. "Culture and Social Character", Ed. by S. Lipset and L. Lowenthal, Glencoe, 1961, p. 252.

прос, «кто имеет власть», в США носит дискуссионный характер. Этот социолог считает, что «ситуация гораздо более аморфна и неопределенна», что скорее власть распределена между различными автономными группами, обладающими правом вето, и что балансирование этих групп обеспечивает демократический режим.

Миллс рисует следующую пирамиду власти в США, включающую три уровня: где **А** — властвующая элита (включая руководителей корпораций, правительственную и военную верхушку), сосредоточившая власть; **В** — «средний уровень власти», отражающий групповые интересы и играющий второстепенную роль, наиболее заметный в залах конгресса. Третий уровень — **С** — «масса», или «политически инертное общество», — не имеет власти.

Пирамида власти, рисуемая Рисменом, содержит два уровня власти, которые, грубо говоря, соответствуют второму и третьему уровням Миллса. Уровень **А** отсутствует, а центр тяжести переносится на уровень **В**. Итак, Миллс и Рисмен рисуют два типа структур власти в США¹⁰.

Миллс приводит огромный материал, свидетельствующий о том, что реальная власть концентрируется в руках узкого круга властвующей элиты, что народные массы отстранены от управления страной. Считается, что власть принадлежит народу и его избранным представителям, пишет он, в действительности же она находится в руках тех, кто занимает ключевые позиции в бюрократии. Рисмен же противопоставляет этому свою концепцию «неопределенности власти», «дисперсии власти». Верхний уровень пирамиды Рисмена состоит из «вето-групп», каждая из которых занята прежде всего защитой своей юрисдикции путем блокирования усилий других групп, которые, как им кажется, угрожают этой юрисдикции. Нет правящей группы, структура власти аморфна, в центре ее происходит борьба между группа-

¹⁰ "Culture and Social Character", p. 261.

	Миллс	Рисмен
	А — властвующая элита	Отрицает доминирующую властвующую элиту
Уровни власти	В — множество групп с различными интересами	В — совпадает с Миллсом
	С — массы — неорганизованный народ, практически не имеющий власти	С — массы — неорганизованный народ, имеющий некоторую власть над группами с различными интересами
Тенденции к изменениям	Растущая концентрация власти	Растущая дисперсия власти
Процесс управления	Одна группа определяет все важнейшие политические вопросы	Кто определяет политику, зависит от конкретного вопроса
	Манипуляция массами со стороны элиты	Конкуренция между организованными группами

ми с различными интересами. Низший уровень пирамиды (С) — неорганизованная публика; группы с различными интересами пытаются не столько господствовать над нею, сколько привлечь ее в качестве союзника в своих маневрах против действительной или мнимой угрозы ущемления юрисдикции, которую каждая группа требует для себя. Вопрос о том, кто осуществляет власть, варьируется в зависимости от стоящей проблемы: большинство групп не оперативны в вопросах, которые их непосредственно не затрагивают, все группы оперативны прежде всего в тех вопросах, которые затрагивают их жизненно важные интересы; поэтому Рисмен утверж-

дает, что «существует много структур власти», что «власть в Америке является ситуационной и подвижной»¹¹.

Если Миллс приближается к пониманию реальной структуры власти в США, показывая, что «властвующая элита» основывается на взаимосвязанных и переплетающихся интересах корпораций, политических и военных учреждений, то Рисмен рассуждает об аморфной структуре власти, отражающей разнообразие интересов главных «организованных групп» (политических партий, групп бизнеса, рабочих организаций, фермерских блоков и т. д.). Он впадает в крайний субъективизм, заявляя, что главное — это не столько материальные возможности и границы власти, сколько психические состояния — насколько человек чувствует себя сильным или, наоборот, зависимым. «Если бизнесмены чувствуют себя слабыми и зависимыми, они действительно становятся слабее и зависимее безотносительно к ресурсам, которыми они располагают»¹².

Расхождения между критиками «массового общества» не случайны. С самого зарождения этих теорий обнаружилась их внутренняя противоречивость, с которой их авторы так и не смогли справиться. Еще Лебон, с одной стороны, заявлял, что массы диктуют волю правительству, а с другой — что массы оказываются обманутыми и манипулируемыми. Это противоречие и привело к двум различным трактовкам «массового общества» — рассмотрению его как всевластия элиты («демократическая критика») или как общества, в котором господствуют безответственные массы («аристократическая критика»), хотя, как мы отмечали, внутри обеих групп имеется веер политических оттенков. Нужно признать, что у обеих концепций имеются свои корни в капиталистической действительности. В капиталистическом обществе происходит двусторонний процесс. С одной стороны, власть все больше и больше концентрируется в руках кучки финансовых магнатов, с другой — наблюдается стремление как можно тщательнее замаскировать этот процесс, прикрыть его «демократической оболочкой», пропагандистской деятельностью гигантского масштаба.

¹¹ D. Riesman and oth., *The Lonely Crowd*, N. Y., 1953, p. 257.

¹² *Ibid.*, p. 253.

Если господствующие классы докапиталистической эпохи (так называемые «традиционные элиты», употребляя термин критиков «массового общества») узаконивали де-юре свое господство, сопровождая его внешними атрибутами власти, то особенностью господства финансовой олигархии («современной элиты») является стремление замаскировать его. Господство монополистической элиты по видимости безлично; эта элита не имеет своего лица, констатируют буржуазные социологи вроде Ю. Енингса, пишущего об «упадке лидерства» в западном обществе; наиболее откровенные из «критиков» называют эту элиту «проституированной». Безличность этой элиты бросается в глаза: она заурядна, ее образ жизни — образец дурного вкуса, демократизм на словах, подражание старой аристократической элите на деле.

Безличность монополистической элиты не только не скрывается, но широко рекламируется, ее стремятся использовать в пропагандистских целях, чтобы скрыть антинародный характер господства монополий. Буржуазные социальные психологи и специалисты по рекламе стремятся создать иллюзию близости этой элиты к массам. Представители элиты — это «свои парни», которым можно доверять: у них костюм обычного покроя, они запросто похлопывают по плечу рабочего или мелкого служащего перед телекамерой. У себя дома обыватель видит по телевизору того или иного рекламируемого представителя элиты в домашнем кругу — как тот ковыряется у себя в саду, шутит с домашними, ему «доверительно» сообщают о его маленьких слабостях, о его «хобби». Все это создает атмосферу иллюзорной интимности, цель которой — прикрыть тот факт, что элита финансовой олигархии превратилась в закрытую, недоступную касту.

Но вернемся к позициям двух самых известных критиков «массового общества» — Миллса и Рисмена. Обе они страдают существенными изъянами, но Миллс выявляет наиболее существенный процесс современного капиталистического общества, связанный с концентрацией власти в руках монополистической элиты. Если сущность политической структуры современного капитализма элитарная, то ее оболочка, механизм осуществления элитой власти с виду демократичны. Этот внешне демократический и

безличный механизм осуществления элитой власти представляет собой явление, скрывающее сущность процесса. Но это явление существует объективно и может быть предметом социологического рассмотрения. Эти превращенные формы господства элиты и изучает Рисмен. Важно прежде всего доказать, что современное капиталистическое общество — элитарное по своей сущности (что и удалось Миллсу), но нужно раскрыть и политический и социально-психологический механизм господства этой элиты (который стремится описать Рисмен). Неправильно думать, что Миллс не делает этого. Он исследует массовые средства общения, которые считает важнейшим средством манипуляции элиты массами. Можно допустить, что Миллс слишком прямолинеен, что иногда он недооценивает сложные окольные пути, которыми элита реализует свою власть. Процесс, который в абстракции описал Миллс, на поверхности выступает так, как его описывает Рисмен. Оба описывают один и тот же процесс, но один — изнутри, а другой — снаружи.

* *
*

Элитизм можно рассматривать как часть теории о «массовом обществе». Теоретики элиты претендуют на создание модели такого общества, в котором были бы учтены взаимоотношения обеих его частей — элиты и массы.

Критики «массового общества» определяют его структуру прежде всего с точки зрения отношений между элитой и массами; они исходят из необходимости сосредоточения руководства социальной жизнью в руках узкого круга людей, получивших образование и обладающих определенным социальным престижем, статусом и влиянием. «В любой большой и сложной системе защита стандартов безусловно должна быть первоочередной работой сравнительно небольшого количества людей, обладающих ценностями и умением; без элит нельзя обойтись»¹³. Для Корнхаузера это аксиома; вопрос для него заключается лишь в том, кто может получить допуск в элиту и кто может оказать на нее влияние. Критики

¹³ W. Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, p. 52.

«массового общества» полагают, что существует определенный оптимум в отношении элита — массы; в разных типах общества этот оптимум может нарушаться, что ведет к нежелательным последствиям, в том числе — к массовым движениям. Для Рисмена, Корнхаузера и большинства критиков такое оптимальное соотношение достигается в «плюралистическом обществе», которое объявляется опорой демократии; напротив, «массовое общество» является объектом критики.

В «массовом обществе», считают эти критики, нормальное соотношение элита—массы нарушено, ибо элита стала слишком доступной. Отсюда и трагедия утери элитой былой автономии, которую оплакивают аристократические критики от Ортеги до Липпмана. «В этом столетии развилось функциональное расстройство отношений между массой народа и правительством. Народ получил власть, которую он неспособен осуществлять, — жалуется Липпман. — Там, где мнение масс господствует над правительством, существует патологическое расстройство функции управления. Расстройство это вызывает слабость, паралич способности управлять. Это расстройство конституционного порядка является причиной стремительного и катастрофического упадка западного общества»¹⁴.

Аристократические критики утверждают, что прямой доступ в состав элиты создает такой тип элиты, которому не хватает внутренних ресурсов и достаточной защиты от внешнего давления, чтобы действовать решительно и независимо. В подобном обществе роль лидерства не уважается, у элиты отсутствует способность к сильному лидерству. Там, где массы определяют состав элиты, происходит избрание на руководящие посты людей некомпетентных, обладающих чертами большинства, ибо массы не изберут на руководящие посты людей, которые социально выше их. В результате наблюдается рост посредственности. Элита становится зеркалом неэлит, что в свою очередь приводит к упадку лидерства.

— В. Корнхаузер пишет об односторонности аристократических критиков. Эти критики ищут источник массового поведения только в структуре элит, тогда как «демо-

¹⁴ W. Lippman, *The Public Philosophy*, pp. 14, 15.

кратические критики» находят его в структуре неэлит. Аристократические критики исходят из идеи доступной (accessive) элиты, «демократические» — доступных (available) неэлит. Сам Корнхаузер выступает за комбинацию обоих этих факторов: «Массовое общество — это социальная система, в которой элиты весьма доступны влиянию со стороны неэлит, а неэлиты весьма доступны для мобилизации их элитой»¹⁵.

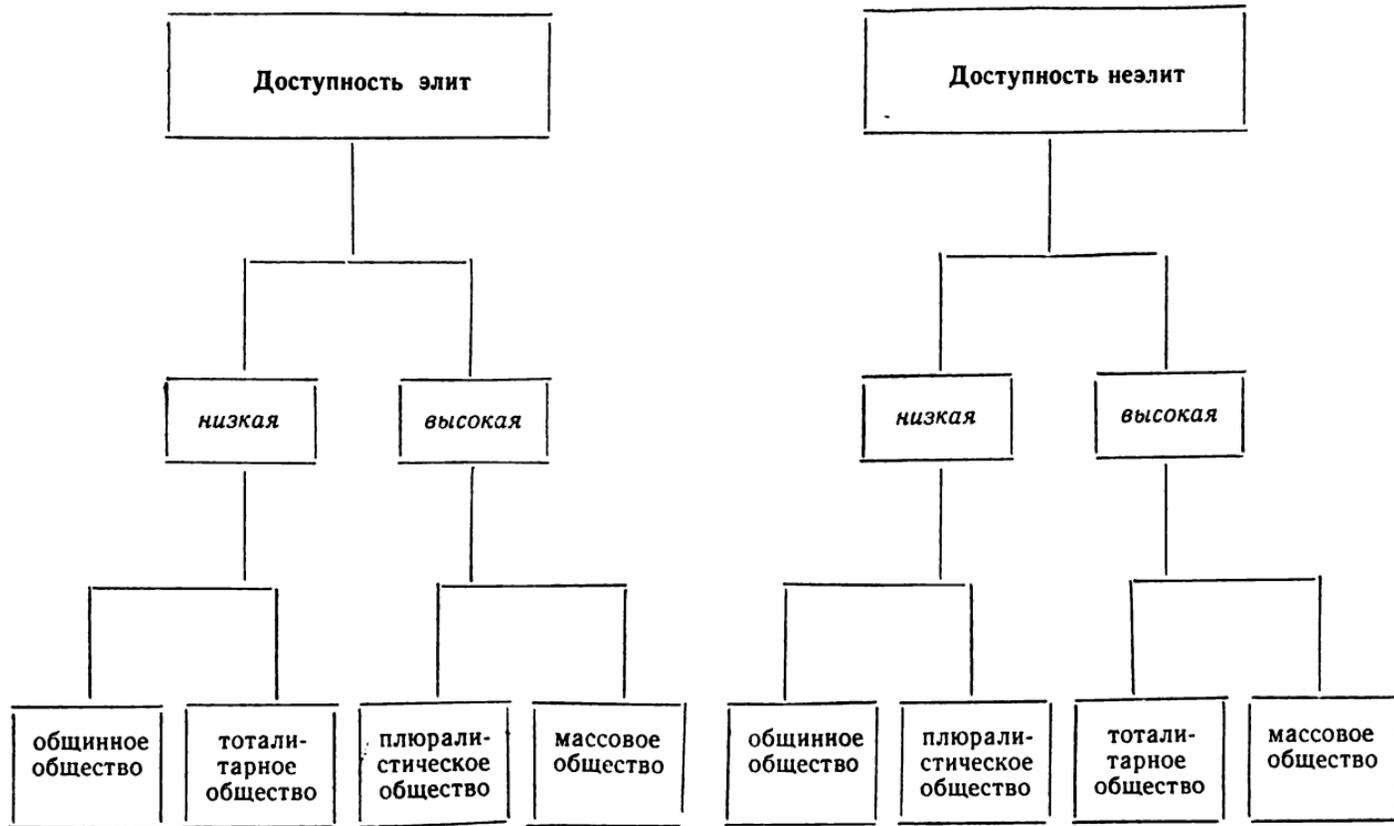
«Доступные массы», которыми манипулируют элиты, прежде всего при помощи средств пропаганды, — одна из характеристик «массового общества». Массы становятся «податливыми, доступными для мобилизации их элитой». Корнхаузер характеризует «массовое общество» как атомизированное, в котором люди разобщены, социально отчуждены, в котором отсутствуют автономные группы. Элиты же вступают в отношения с массами непосредственно, без буферов в виде промежуточных групп. Индустриализация и урбанизация оторвали массы от общины, от домашнего труда; апатия масс, порожденная отчуждением от общины, от прежних коллективов, переходит в активность, когда массы, стоявшие ранее вне политики, критикуют правительство, переходят к «демагогическим атакам на существующую социальную систему»¹⁶. Критики «массового общества» проводят «решающее различие» между поведением людей, которые принадлежат к «независимым группам» и склонны к поддержанию «традиционных норм», и «массовым поведением», представляющим опасность для существующего социального режима.

Принимая априори посылки о вечности деления общества на элиту и массы, Корнхаузер пытается создать модель общества с точки зрения соотношения элит и неэлит.

«Общинное общество» (communal society) — весьма расплывчатое понятие, близкое к понятию «традиционное общество», искусственно объединяющему докапиталистические формации, — требует недоступных элит и неподатливых неэлит. Для «тоталитарного общества» характерны недоступные элиты и податливые массы — это система тотального контроля сверху. «Массовое

¹⁵ W. Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, p. 39.)

¹⁶ *Ibid.*, p. 61.

общество» — общество доступной элиты и податливых неэлит, в нем отсутствуют независимые «промежуточные пруппы», в результате чего социальная активность его членов выливается во «вторжение в жизненно важные центры общества». Вот истинная подоплека критики «массового общества»: в нем массы вторгаются в политику, оказывая давление на элиты. Как видим, Корнхаузер сам не свободен от аристократического, элитарного, подхода к социальной жизни. Во имя «сохранения демократии» он требует сдерживать тенденции к «массовизации».

Эти тенденции Корнхаузер видит в утере автономии элитами и утере независимой групповой жизни неэлитами. «Высокая скорость массового поведения может ожидать, когда как элитам, так и неэлитам не хватает социальной изоляции, то есть когда элиты подвержены прямой интервенции со стороны неэлит и когда неэлиты подвержены прямой мобилизации со стороны элит»¹⁷. В «аристократическо-демократической» концепции Корнхаузера весьма мало демократического, его программа — усиление изоляции между элитой и массами; он предстает перед нами как сторонник усиления кастовости современного буржуазного общества; для него кажется целесообразным отгородить элиту и массы от непосредственных контактов, выстроить на их пути стену или буфер из «промежуточных прупп».

Альтернативой «массового общества» Корнхаузер считает «плюралистическое общество» — социальную систему, в рамках которой люди объединены в многочисленные группы (социальные слои, организации, союзы, добровольные общества и т. д.). Создается идеализированный образ буржуазной демократии, в котором ликвидируется социальная атомизированность, и массы защищены от произвола элиты независимыми, автономными группами. «Главной гарантией против узурпации элитой власти является существование множества групп, которые достаточно равны по силе, чтобы породить истинную конкуренцию за руководство»¹⁸, — пишет Корнхаузер, повторяя концепцию «вето-групп» Рисмена. В «плюралистическом обществе» ликвидируется база для

¹⁷ W. Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, p. 42.

¹⁸ *Ibid.*, p. 226.

социальных выступлений масс, исключается возможность непосредственного вмешательства масс в политику и тем более революционных выступлений масс; революционные движения заменяются конкуренцией лидеров, широкими дискуссиями и реформистской деятельностью властей. Корнхаузера больше всего беспокоят революционные выступления народных масс против капитализма, но подавление активности народных масс он призывает проводить не фашистскими, террористическими методами, а более тонкими, гибкими и сохранить при этом оболочку, форму буржуазной демократии.

Корнхаузер и другие критики утверждают, что во всех обществах, кроме примитивных, существует три уровня социальных отношений: первый — личные отношения, их основная ячейка — семья; третий уровень — отношения национальные, государственные; второй уровень включает все «промежуточные отношения» — местную общину, добровольные ассоциации, профессиональные объединения и т. д. «В массовом обществе промежуточные отношения не развиты, поэтому индивидуум и первичная группа прямо соотносятся с государством и организациями национального масштаба»¹⁹. Члены «массового общества» взаимосвязаны только через их отношение к национальному центру организации. В этом смысле «массовое общество» является атомизированным: индивидуум изолирован от общей жизни «большого общества».

Вот модель «массового общества», конструируемая Корнхаузером: 1) изоляция первичных, личных отношений; 2) слабость «промежуточных отношений» противопоставляет элиты и неэлиты и поэтому порождает «массовое поведение». «Где промежуточные группы не действуют или не выполняют важных социальных функций, элиты и неэлиты прямо зависят друг от друга: существуют непосредственный доступ в элиты и прямая манипуляция неэлитами... Такова ситуация массового общества»²⁰.

Корнхаузер прославляет «плюралистическое общество», где социальные группы, большие, чем семьи, и меньшие, чем государство, действуют, чтобы соединить

¹⁹ W. Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, pp. 74—75.

²⁰ *Ibid.*, p. 100.

элиты и неэлиты, и где государство якобы способно защитить индивидуум от господства одной группы. Основную мысль своей концепции он формулирует следующим образом: «Эффективное участие в социальной жизни большого общества требует структуры групп, промежуточных между семьей и нацией; слабость такой структуры создает подверженность массовым движениям... Индивидуум, у которого есть личные связи, но нет более широких связей в обществе, более подвержен массовым движениям»²¹. Корнхаузер приводит некоторые статистические данные по США для подтверждения своего тезиса о том, что в «спокойное время» среди атомизированных людей (не объединенных в добровольные группы) выше процент аполитичных людей. Зато в годы кризисов больший процент именно атомизированных людей, не входящих в промежуточные группы, вступает в массовые движения против существующего социального порядка. Этот критик «массового общества», желающий называться либералом, призывает охватить массы «добропорядочными», лояльными по отношению к капиталистическому строю, группами, не предоставлять массы самим себе, ибо это опасно для элиты.

Для того чтобы народные массы, отстраненные от участия в управлении государством, не добивались этого участия, необходимо их отвлечь, занять деятельностью в «промежуточных группах», то есть создать для них суррогат социальной жизни. «Позитивная программа» Корнхаузера крайне скудна и убога, это нечто вроде теории «малых дел», заштопывание отдельных прорех капиталистического общества во имя сохранения капитализма. Нужно отдать должное таким влиятельным критикам «массового общества», как Рисмен, Фромм, а также Уайт, Блау, которые не могут не видеть, что организации, созданные под эгидой монополий, не могут не быть бюрократическими организациями, прижимающими личность человека.

Централизованная система, выросшая за счет промежуточных групп, способствует созданию аморфных масс, отмечают критики «массового общества». «Народом легче манипулировать, его легче мобилизовать, когда он прямо и исключительно зависим от национальной орга-

²¹ W. Kornhauser, The Politics of Mass Society, p. 93.

низации»²². Критика централизации и бюрократизации социальной жизни современных капиталистических стран со стороны буржуазных социологов ограничена, односторонняя. В этой критике отсутствует понимание того, что указанные процессы есть лишь следствие господства монополистического капитализма, и ведется она с позиций защиты капиталистического строя.

Нужно отметить, что критика централизации и бюрократизации социальной жизни современных западных стран, особенно США, стала настолько популярной, что со страниц социологических журналов проникла в публицистику, литературу. Этой критикой подчас стремятся воспользоваться и крайние реакционеры как орудием политической демагогии. Так, критику централизации, бюрократизации взял на свое вооружение Б. Голдуотер, ратовавший за автономизм, федерализм, децентрализацию. В одной из своих предвыборных речей он говорил: «Ответственность перешла от семьи к бюрократам. Цели устанавливаются, роли предписываются центральным правительством. Руководство нынешней администрации, стремящейся к концентрации власти..., становится союзником тех в нашем обществе, кто монополизировал власть, централизует власть и богатеет благодаря власти... Что дают нам политики, которые хотят предписывать нам, как вести себя, как думать, как жить, что учить и даже где молиться?»²³ Чем не шарж: Барри Голдуотер при поддержке бэрчистов и куклуксклановцев борется за «индивидуальные свободы», против богачей, захвативших власть и финансировавших его собственную избирательную кампанию!

Большинство критиков «массового общества» утверждают, что, когда «централизованные национальные отношения сопровождаются слабыми промежуточными отношениями», изолированными личными отношениями, элиты беззащитны от давления масс, а массы беззащитны от манипуляций элиты. Структура «массового общества» поэтому создает возможность для «массовых движений». Массовые движения более вероятны, когда элиты сравнительно открыты, чем когда они закрыты, пишет Корнхаузер, ссылаясь на то, что в средние века

²² W. Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, p. 94.

²³ "US News and World Report", Sept. 14, 1964, p. 95.

«массовые Движения» возникли именно в периоды ослабления власти элиты. Но открыто признать себя сторонником закрытой элиты и солидаризироваться с «аристократическими критиками» он не хочет и даже высказывается за определенную доступность элит, впрочем, со множеством оговорок.

«Массовые движения» — главный объект нападок всех «критиков». Массовые движения объявляются угрозой демократии, ибо представляют собой прямое вмешательство масс в политику, попытки изменить *status quo* непосредственными действиями, а не дискуссиями и реформами. Политическая активность масс третируется как «массовая политика», утверждается, что она носит антидемократический характер, ибо идет вразрез с конституционными порядками. Источником массовых движений объявляется социальная атомизированность, чувство отчуждения, которое испытывают атомизированные члены общества и стремятся преодолеть его в массовом движении. В «массовом обществе» население имеет тенденцию прямо и немедленно вторгаться в политику, отмечает Корнхаузер, поддерживая «плюралистическое общество», где метод участия масс менее прямой, менее поддается «активистскому образу поведения»²⁴. Это ограничение активности масс как нельзя более импонирует «критикам». Американский социолог Ф. Селзник пишет, что «массовое движение связано с активистской интерпретацией демократии и с возрастающей опорой на силу при решении социальных конфликтов, с нарушениями правильного поведения и установленных каналов действия»²⁵. Вот в чем истинная причина негативной интерпретации массовых движений буржуазными социологами: они боятся народной активности и инициативы; признают только те действия, которые идут «по установленным демократическим каналам» (совсем по Я. Гашеку с его партией умеренного прогресса в рамках законности!), и объявляют «массовыми психозами» то движения, которые ломают установившиеся социальные порядки, являются выступлениями против существующего строя.

²⁴ W. Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, p. 59.

²⁵ Ph. Selznick, *The Organizational Weapon*, N. Y., 1952, pp. 293—294.

„Человек массы“

Вопрос о «массовизации» современного общества стал в последние годы одной из ведущих и широко разрабатываемых в буржуазной социологии и социальной психологии проблем. Описание социальной жизни в терминах «массового общества», «массовой психологии» считается весьма модным и современным. «Массовизация» — вот основная и характерная черта современного общества, заявляют буржуазные социальные психологи; толпа господствует на арене социальных и политических отношений, в ее действиях разум отступает на задний план, уступая место примитивным инстинктам; толпа неуравновешенна, эмоциональна, подвержена манипуляциям со стороны элиты, владеющей средствами массового общения.

«Буржуазное общество уже примерно с середины XIX века вследствие большого роста населения стало приходить к убеждению, что оно преобразуется в общество масс, — читаем мы в западногерманском философском словаре. — Эту форму общества многие социологи считают единственно возможной для европейской цивилизации»¹. Эта точка зрения стала настолько распространенной в современной буржуазной литературе, что перекочевала из социальной психологии в другие области знания. Западногерманские литературоведы Глазер, Леман и Лубос пишут: «Быстрый рост населения начиная со второй половины XIX столетия привел к тому, что мы вступили в век масс. Коллективный человек с присущей ему психикой повиновения и отупения склонился перед

¹ Философский словарь, ИЛ, 1961, стр. 351.

господством машины, сам стал машиной и цифрой. Фанатические вожаки масс постарались подчинить себе народы с помощью технических средств пропаганды... Восстание масс пошло полным ходом»².

В буржуазной социологической литературе еще несколько десятилетий назад безраздельно господствовал индивидуализм, вполне естественный для капитализма свободной конкуренции, сейчас он все более уступает место коллективизму, или «группизму», более отвечающему потребностям монополистического, и особенно государственно-монополистического, капитализма. Поведение личности в группе, в коллективе, влияние группы на личность все более занимают буржуазных социальных психологов. И это не просто академический интерес: буржуазные социальные психологи выполняют прямые заказы монополистических объединений, стремящихся создать «коллективы», «гомфотерные группы» на своих предприятиях, внушить рабочим мысль об их принадлежности к «группе» (предприятию), создать оптимальный психологический климат в «группе», чтобы, с одной стороны, повысить производительность труда, а с другой — привить пролетариату буржуазную идеологию, заменить классовую солидарность рабочих солидарностью с псевдоколлективом капиталистического предприятия.

Можно утверждать, не боясь преувеличений, что все современные психологи признают возросшую роль коллектива в жизни современного человека. Но каков характер влияния коллектива на личность? Ответы на этот вопрос обнаруживают наличие различных точек зрения. Отметим среди них антиколлективизм (Лебон, Ортега-и-Гассет) и псевдоколлективизм (Арендт, Корнхаузер, выражающие недовольство атомизированностью современного капиталистического общества и восхваляющие «локальные группы»). В советской литературе давалась обстоятельная критика такой формы буржуазного «группизма», как теория и практика «человеческих отношений», но пока еще отсутствуют исследования широко распространенных в буржуазной социальной психологии теорий «массового общества».

Не вызывает сомнения, что теории «массового обще-

² H. Glaser, J. Lehman, A. Lubos, Wege der deutschen Literatur, 1961, S. 250.

ства» в целом представляют собой отражение классовой позиции реакционного господствующего класса, теряющего свои привилегированные позиции, но бешено цепляющегося за них, видящего в «нашествии масс» смертельную угрозу своему господству и рассматривающего возрастающую роль народных масс как закат общества. Теории эти опираются на определенные моменты действительности (учитывают некоторые закономерности психической деятельности больших масс людей — взаимное усиление эмоций, «взаимное заражение» и т. д., возрастание роли народных масс в историческом процессе), но это не адекватное отражение ее, а извращенное, субъективистское.

Концепции «массовизации» современного общества включают в себя следующие основные тезисы: 1) рассмотрение современной эпохи как «царства толпы», «века масс», оставшихся без надлежащего руководства со стороны элиты; 2) утверждение об иррациональности масс; описание поведения массы в терминах психопатологии; 3) рассмотрение массы как «сниженного уровня человечества»; нивелировка, «усереднение» человека в массе; 4) стандартизация «массового человека», порабощение его средствами массового общения, стандартизация массовой продукции, вкусов, образа жизни; 5) появление психологического типа человека, порабощенного коллективом, социально отчужденного, атомизированного, «ориентирующегося на других»; 6) конформизм личности в массе, культурный униформизм и, как следствие этого, упадок культуры, ставшей «массовой»; 7) кризис личности в «массовом обществе», «аномии» личности, рост социальных болезней.

Рассматривая указанные проблемы, мы прежде всего остановимся на описании буржуазными психологами психологии масс, поведения массы в «массовом обществе», а затем — психологии личности в «массовом обществе»³.

³ Такая последовательность оправдана методологически. Психология как наука разделяется, на наш взгляд, на общую психологию, исследующую личность, абстрагируясь от ее социальных отношений, и социальную психологию, подразделяющуюся в свою очередь на две части: первая изучает личность в коллективе, в определенном социальном контексте (социальная психология); вторая изучает психологические закономерности взаимодействия больших масс людей (массовая психология).

Для идеологов эксплуататорских классов традиционным стало провозглашение народных масс «пассивной толпой», способной лишь слепо следовать за «элитой» из господствующих классов. Для «обоснования» существующего при капитализме неравенства и отстранения трудящихся от участия в общественной жизни апологеты капитализма не останавливаются перед гнусной клеветой на народные массы, твердя, что «большинство» не может вести «разумную» жизнь в силу своей косности и отсталости. Они наперебой доказывают, что человек — существо, подверженное влиянию низменных эмоций, призывают массы осознать свою «греховную природу» и отказаться от попыток переустройства общества, оставив руководство социальной жизнью элите. Итальянский социолог А. Куарто пишет: «Народы, хотя они и живут в эпоху референдума и народного голосования, составляют только аморфные массы, движимые избранниками, ведущими массы на поводу»⁴.

Но в настоящее время многие буржуазные теоретики уже не могут отмахнуться от общеизвестных фактов, свидетельствующих о возросшей роли народных масс в истории. Сила трудящихся масс, их влияние на общественную жизнь настолько велики и неоспоримы, что они вынуждены констатировать, что XX век является «веком масс»⁵. Буржуазные идеологи пишут ныне не столько о пассивности масс, сколько об их «необузданной» активности. Выражая страх империалистической буржуазии перед поднявшимися во весь рост народными массами, английский социальный психолог С. Хаддлстон пишет: «Неопровержимо, что наша эпоха отличается от предшествовавших тем влиянием, которое получают массы на жизнь общества. До 1900 года или приблизительно до этого времени великие вожди могли позволить себе игнорировать толпу. Теперь же никакой политик, который держится за свое место, не может рисковать непопулярностью... Он пытается обычно влиять на чувства толпы, и чем больше он опирается на то, что ей нравит-

⁴ A. Quarto, *Fra pace e guerra*, „Idea”, Roma, 1951, No 3, p. 153.

⁵ R. Strausz-Hupé, *The Zone of Indifference*, N. Y., 1952, p. 127.

ся, тем больше на него смотрят как на лицо, достигшее успеха... Главным фактором невидимой революции, следствия которой неисчислимы, является разрыв той узды, которая до сих пор удерживала толпу. Толпа вошла в обладание своим благом, ее голос слышен все громче и громче, ее деятельность ощущается все больше. Коллективный дух — вот наш новый властитель»⁶. Похоже на то, что покойный Лебон воскрес, чтобы ныне писать рукой Хаддлстона.

Значит ли это, что буржуазные социологи наконец «прозрели», поняли, что именно народные массы являются решающей силой общественного развития? Делать такой вывод было бы ошибкой. Буржуазные теоретики по-прежнему пытаются извратить роль народных масс в истории, объявить их возросшее влияние «бедствием» для цивилизации, представить народ отрицательной, разрушительной силой. Буржуазные социальные психологи лихорадочно сочиняют рецепты, которые, по их мнению, позволят обуздать растущую активность масс. Они стремятся отыскать новые действенные методы, которые позволили бы монополистическим законам контролировать деятельность масс, любыми средствами удерживать их в состоянии покоя. Как пишет Хаддлстон, «от каждого, кто стремится к деятельности государственного человека, требуется в наше время элементарное знание психологии толпы»⁷.

Многие буржуазные социальные психологи заняты выработкой практических рекомендаций для политиков, которые помогли бы им в психологическом воздействии на массы, — тут и рекомендации по использованию массовых средств общения и формированию общественного мнения, и «пособия» по политической демагогии, и т. д. Французский социолог Ж. Соффер, признавая возрастающее влияние масс, призывает власть «быть ловкой, уметь использовать те средства, которые пропаганда и полиция предоставляют в ее распоряжение», пишет, что «если уметь использовать в удобный момент недовольство или надежды масс, массы могут оказать правительству решающую поддержку»⁸.

⁶ "Syntheses", Bruxelles, 1953, No 86, pp. 305—306.

⁷ *Ibid.*, p. 312.

⁸ "Esprit", Jan. 1953, No 198, p. 67.

Признавая под воздействием неоспоримых фактов возросшую роль народных масс в общественной жизни, буржуазные социологи обвиняют их в том, что они своими иррациональными действиями порождают все беды и пороки, присущие капиталистическому обществу, в том числе и собственную нищету. Нормальным порядком объявляется такой, при котором массы, толпа полностью отстранены от участия в государственном управлении. Народ, заявляет У. Липпман, «должен платить, работать, воевать и, возможно, умирать за действия правительства»⁹. Собственно, капитализм ничего другого и не может предложить народным массам...

Возрастание роли народных масс в истории буржуазные идеологи спешат объявить болезнью общества. При этом дело изображается таким образом, будто народ стал теперь полновластным хозяином в капиталистическом обществе. Буржуазные теоретики используют этот трюк для того, чтобы приписать «неумелому руководству масс» все последствия реакционной политики империалистических кругов. «Человеку массы, — лицемерно заявляет американский социолог Р. Страус-Хюпе, — некого обвинять в своих бедствиях и страданиях, кроме самого себя, ибо он стал теперь властелином в обществе»¹⁰.

Эти социологи тщательно скрывают тот факт, что в капиталистических странах внутреннюю и внешнюю политику определяет не народ, а правящие империалистические круги. Но даже куцые буржуазно-демократические свободы пугают монополистическую буржуазию и ее идеологов, заявляющих, что активное участие народа в политической жизни ведет к политическим провалам и в конечном счете к гибели общества, ибо народ невежествен, непросвещен, плохо информирован, неспособен принимать квалифицированные политические решения; кроме того, он эгоистичен, думает только о своих непосредственных интересах, забывая о благе государства. Поэтому народовластие объявляется несовместимым со «здоровой социальной организацией».

Особую тревогу у буржуазных идеологов вызывает проникновение «неквалифицированной массы» в святая святых элиты — область внешней политики. Страус-Хю-

⁹ W. Lippman, *The Public Philosophy*, p. 112.

¹⁰ R. Strausz-Hupé, *The Zone of Indifference*, p. 86.

не пишет: «В дипломатии задача заключается уже не в том, чтобы предвидеть очередной ход противника, а в том, чтобы предвидеть, какое влияние окажет тот или иной шаг на психологию масс как своей собственной страны, так и страны противника». Он доказывает, что усиление влияния масс на политику угрожает обществу. «В политике стратегия определяется уже не самими политическими вопросами., а предвосхйщением того, как на это будут реагировать массы и какое решение может быть им навязано с помощью надлежащей пропаганды»¹¹.

Премьер-министр Канады Л. Пирсон пишет, что «разгоревшиеся страсти общественного мнения» вредно сказываются на дипломатии, что вмешательство народа во внешнюю политику вносит «хаос интеллектуального и эмоционального эффекта». Правители становятся рабами страстей толпы, в панике заявляет Хаддлстон. «Толпа способна закусить удила и сбросить нас всех в яму... Мы присутствуем при новом вторжении варваров, но эти варвары не захватывают нас извне, они возникают изнутри»¹². Это стон гибнущего класса. Писания Хаддлстона, Страус-Хюпе и их единомышленников отражают животный страх империалистической буржуазии перед движением народных масс.

* * *

Теоретики «массового общества» утверждают, что нынешняя эпоха — эпоха «массовой цивилизации», которая унифицировала и нивелировала духовную жизнь людей, превратив их в бездумные и легко возбуждающиеся массы, подверженные гипнотическому влиянию со стороны лидеров. В массе, уверяют апологеты капитала, человек неспособен к логическому мышлению и разумным действиям, его поведение определяется исключительно животными инстинктами, низменными страстями. Основными свойствами «человека массы» они объявляют «непокорность» и «страсть к разрушению». Дискредитировать активные действия народных масс, разобщить их, подчинить «легальным» формам социальной дея-

¹¹ R. Strusz-Hupé, *The Zone of Indifference*, p. 125.

¹² "Syntheses", 1953, No 86, p. 312.

тельности — вот их цель. В возросшей сознательности и сплоченности масс они видят угрозу своему господству, своему привилегированному положению.

Нетрудно установить связь между теориями «массового общества» и неопрейдистской социальной психологией; одна из излюбленных тем неопрейдизма — «патология массовой психологии». Недаром в рамках этой психологии развилась как специальная область «психотерапия», рассматривающая борьбу против господствующего социального строя как «патологию» и определяющая методы ее «лечения». Сторонники подобных взглядов считают, что человечество (прежде всего народные массы) находится в состоянии усиливающейся шизофрении¹³. Они пишут о «массовизации» современной жизни, имеющей якобы своим следствием массовое умопомешательство.

Иррационалистическая трактовка деятельности масс Лебоном и Зигхеле близка также современной буржуазной социальной психологии, принявшей лебоновскую теорию толпы как особого существа (духа толпы), имеющего свой собственный рассудок. Неопрейдисты пишут о «неизменно патологическом характере» массовых, коллективных действий. В своем коллективном поведении массы действуют под влиянием бессознательного внушения, их действия уподобляются поведению животных. Близка к этой позиции и точка зрения бихевиористов. Американский социолог Э. Богардус прямо заявляет, что толпа человеческих существ находится в тесном родстве со стадом животных. На поведении этого стада можно познать механизмы, управляющие поведением толпы.

Вот некоторые из весьма нелестных характеристик, которые дает толпе Хаддлстон: «Толпа импульсивна, раздражительна, ранима в своем самолюбии предполагаемым нападением, гораздо более склонна к ссорам, чем отдельные индивидуумы... Толпа бросается в крайности, переходит от страха к ненависти». Хаддлстон строит простейший силлогизм: все толпы иррациональны; наш век — век толпы; следовательно, наш век иррационален. «Люди в массе преобразуются, — продолжает он, — они поддаются гипнозу, колдовству. Несомненно,

¹³ См. H. Schrey, *Weltbild und Glaube in 20 Jahrhundert*, Göttingen, 1963.

что это действует таинственный атавизм, существующий в нас как прародительский, первобытный и дикий импульс». Толпу Хаддлстон сравнивает с чудовищем, «которое возбуждается более легко, которое совершает действия, которые индивидуум в нормальном состоянии осудил бы. Такова сила заразы»¹⁴.

В свое время Лебон писал о том, что слова «свобода», «демократия», «социализм» имеют магическую власть над толпой. С. Липсет утверждает, что лозунги «народоправия», «социального равенства» — результат массовых стихийных настроений, возникающих в период ломки «традиционного общества», что это не научные, а субъективные, иррациональные выражения чувств и желаний масс, стихийно порождаемые определенными ситуациями. Он объявляет их иллюзиями, элементами религиозной веры.

Буржуазные социологи объявляют протесты народных масс против эксплуататорского строя «социальной аномалией», отклонением от «нормального» поведения людей. Массовые социальные движения объявляются результатом психических недугов общества, «патологией массовой психологии». Подобно тому как в прошлом веке было модным наклеивать на социальные явления биологические ярлыки, так ныне на движения народных масс наклеиваются такие ярлыки, как «массовый невроз», «массовый психоз», «социальное аномии».

Примером подобных взглядов является книга Г. Лассвелла «Психопатология и политика», в которой он ставит своей задачей применить психоанализ Фрейда к области политики. Психоанализ «возник как отрасль психиатрии и был первоначально ориентирован на терапию душевнобольных». Теперь Лассвелл стремится применить его, с одной стороны, к «людям власти», с другой — к движению масс. Он уверяет, что американские медики «внесли свой вклад в открытие связи между явлениями неврозов и такими социальными кризисами, как революции»¹⁵.

Проблему взаимоотношения элиты и массы он также решает в плане психопатологии. «Элиты демократических стран последнего времени пришли к власти на пле-

¹⁴ "Syntheses", 1953, No 86, pp. 309, 303, 307.

¹⁵ H. Lasswell, *Psychopatology and Politics*, N. Y., 1960, pp. 270, 271.

чах массовых движений, которые они спровоцировали и которыми они более или менее успешно управляют». Цель Лассвелла — расширить применение психоанализа с индивидуума до массовых движений. Психоанализ дает ответ на вопрос о сущности массовых движений — вот главный его тезис. «Психопатология индивидуумов становится психопатологией общества»¹⁶.

Специалистами по исследованию «массового поведения» считаются американские социологи Г. Блюмер, Ф. Селзник, У. Корнхаузер. С их точки зрения, «массовое поведение» — это форма коллективного поведения, обнаруживающая следующие характеристики. Во-первых, фокус внимания переместился с личного опыта и повседневной жизни; оно преследует отдаленные цели — национальные или международные, выступает за некие абстрактные символы, которые могут быть поняты только через средства массового общения, причем это ведет к утрате независимости, чувства реальности и ответственности¹⁷. Таким образом, «массовыми» объявляются те движения, в которых народные массы идут дальше своих повседневных забот и вторгаются в «запретную зону» — область «высокой политики», сферу деятельности элиты.

Второй особенностью массовых движений Корнхаузер считает то, что «способ их реакции на отдаленные объекты является прямым», то есть, поясняет он, когда массы не просто высказывают свое мнение, а действуют непосредственно, минуя «обычные» группы и используя те средства, которые находятся под рукой. Он упрекает массовые движения в «недемократичности», в нарушении «демократических процедур». «Политическая активность масс имеет тенденцию быть недемократичной, потому что обходит институционные процедуры, имеющие целью гарантировать как выбор большинства, так и права меньшинства, и отрицает уважение к принципам свободной конкуренции и публичной дискуссии как основы для компромисса между конфликтующими интересами»¹⁸.

Третьей чертой «массового поведения» объявляется то, что оно «в высшей степени нестабильно, готово пере-

¹⁶ H. Lasswell, *Psychopatology and Politics*, N. Y., 1960, pp. 303, 319.

¹⁷ W. Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, p. 43.

¹⁸ *Ibid.*, p. 46.

Местить фокус своего внимания». Корнхаузер объявляет однопорядковыми категориями массовую активность и массовую апатию: оба явления порождены социальным отчуждением, являются выражением сопротивления социальному порядку и могут трансформироваться одно в другое. Когда «массовое поведение» становится организованным вокруг какой-нибудь программы и приобретает определенную общность целей, оно принимает характер массового движения, утверждает Блюмер. Подытоживая черты массовых движений, Корнхаузер пишет, что их цели — отдаленные и экстремистские, что они предпочитают активистские способы вторжения в социальный порядок, что они мобилизуют людей, не имеющих прочных социальных корней, то есть атомизированных людей.

Массовые движения имеют различную скорость в различных типах общества, отмечает Корнхаузер. В «общинном и плюралистическом обществах» скорость массовых движений низка и затрагивает только периферийные области (что очень устраивает буржуазных идеологов). «В массовом обществе массовое поведение протекает на высокой скорости и в центральных сферах общества; массовому поведению ничто не препятствует ни сверху, ни снизу»¹⁹. Поэтому Корнхаузер, Рисмен, Селзник и др. критикуют «массовое общество».

* *
*

Категория «масса» широко распространена в современной буржуазной социологии. Это типичный социально-психологический термин, который был выработан в ходе эмпирического наблюдения за поведением толпы на улице, в кинотеатре и т. д. В каждом подобном случае обращала на себя внимание некоторая психическая общность, заставляющая индивидуумов вести себя иначе, чем в том случае, если бы они действовали изолированно.

В дальнейшем эта эмпирическая констатация превращается в абстрактную модель, которая прилагается к самым различным сферам общественных отношений, к человеческим множествам, которые уже не являются непосредственно обозримыми. Психологическая схема «тол-

¹⁹ W. Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, p. 51.

пы» переносится, скажем, на массу избирателей, хотя пространственная близость между ними отсутствует, психологическая схема «публики» — на всех потребителей духовной продукции, хотя они и не находятся в одной аудитории.

Этот способ восприятия социальной действительности приводит к реакционным выводам, когда феномен «толпы» подставляется на место социально-политической категории «народные массы», когда революционное массовое движение подводится под типологическую конструкцию, выработанную при наблюдении действий случайного сборища косной, обывательской аудитории, и интерпретируется негативно.

И все же постановка вопроса об апатичной, политически инертной массе в условиях современного капитализма имеет определенный смысл. Монополистический капитализм порождает все больше людей, травмированных и озлобленных своими неудачами в борьбе за «место под солнцем», дезориентированных и становящихся легкой добычей буржуазной пропаганды. Современный капитализм с его средствами массового общения, рекламой, буржуазной пропагандой, развращением людей, подкупом части трудящихся создает массу обывателей, опустившихся людей, потерявших свое лицо, свою индивидуальность и называемых «критиками» «недочеловеками». Такая масса может явиться в определенных условиях движущей силой фашистской диктатуры. Монополистическая верхушка, играющая на низменных чувствах этой массы, использует ее как реакционную силу, возносящую на вершину пирамиды капиталистической иерархии элиту, которая глумится над массой и презирает ее. По своим запросам и жизненным целям это — буржуазная масса, хотя и не обязательно, чтобы в нее входили представители буржуазии (ведь толпы американских расистов, улюлюкающих по адресу негритянских детей, осмелившихся пойти в школу для «белых», состоят, надо полагать, не из миллионеров; не из представителей монополистической буржуазии состоят и банды линчевателей). Капиталистическим законам не нужно их даже нанимать: воспитанные на буржуазных индивидуалистических идеалах, озлобленные неудачами, неизбежными в мире, в котором все построено на бизнесе, введенные в заблуждение пропагандой, они не могут

распознать своих действительных врагов. Главный источник зла эти люди начинают усматривать в существовании нации-конкурента — в неграх, якобы претендующих на их работу, в евреях, «умеющих наживаться лучше других» (лозунг борьбы с «международным еврейством» через 20 лет после разгрома гитлеризма снова выдвинут рядом фашистских организаций в Америке), и т. п.

Масса обывателей может быть довольно разнородна в классовом отношении. Она представляет собой конгломерат выходцев из различных социальных групп и слоев, цементируемый общностью житейских неудач, подкупом, подачками и массивированным воздействием империалистической пропаганды. Тон в ней, как правило, задают представители мелкой буржуазии, зачастую разорившиеся, деклассированные элементы, представители так называемых «непроизводительных профессий», к ней могут принадлежать и наименее развитые, отсталые слои рабочего класса, а также представители рабочей аристократии.

Одна из главных особенностей стратегии и тактики современной империалистической буржуазии состоит в том, что она пытается объединить все промежуточные слои на почве их колебаний, политической незрелости, собственнических установок и противопоставить это психологически сцементированное целое революционным и демократическим силам. Единству трудящихся она противопоставляет массу людей, солидарных в своем отчаянии, усталости, политическом равнодушии. Девяносто процентов духовной продукции, которую вырабатывает современный капитализм, имеет целью «филистеризацию» народа (а затем сами буржуазные теоретики, «устыдившись» низкопробности ими же созданной продукции, называют ее «массовой культурой», чтобы взвалить ответственность за нее на массы, якобы неспособные к восприятию высокой, так называемой элитарной, культуры). Буржуазия не скупится ни на какие расходы, чтобы завербовать в массе «свое большинство», на которое можно опереться в сложных политических ситуациях. Там, где создаются подобные «массы», возникает питательная почва для таких явлений, как расизм, фашизм, антиинтеллектуализм. Нельзя не видеть, что эта «масса» скроена по рецептам элиты. В строгом соответствии с

образом мыслей нефтяных и колбасных королей масса американских обывателей не только подвергает остракизму и жестоким преследованиям прогрессивно мыслящих людей, но и вообще третирует интеллигентов и интеллигентность.

Ошибка критиков «массового общества» не в том, что они обратились к описанию реакционной массы, которую действительно вербует и выращивает монополистическая буржуазия. Основная их ошибка состоит в том, что они с самого начала отказались от классово-социального анализа этого процесса и объявили «массы» фатальным следствием индустриализации и урбанизации. В целом ряде случаев они перенесли абстрактные типологические характеристики «массы» на революционную борьбу народа, на народ в целом.

Характерно, что буржуазные социологи стремятся вложить отрицательный смысл в само понятие «народные массы». Чтобы дискредитировать выступления масс и прежде всего их революционную борьбу, они отождествляют массы с толпой, действия которой не поддаются контролю разума. Ф. Селзник, отмечая, что «понятие „масса“ тесно связано и глубоко солидарно с революцией», относит к массе всех тех, кто «страдает материальной и моральной неудовлетворенностью» и вносит беспорядок в общественную жизнь. С сожалением он отмечает, что в критические периоды истории «почти весь народ становится массой»²⁰. Американский микросоциолог Дж. Морено считает, что «толпа, масса, чернь» — «незаконные группы» наряду с уличными шайками и преступными организациями²¹. Западногерманский социолог В. Хагеман, указывая на «неясный и противоречивый смысл» этого слова, писал: «Там, где движение множеств не происходит в предписанном или ожидаемом направлении, где их поведение и уровень не соответствуют требованиям образованного гражданина Европы, пользовались и пользуются понятием „масса“»²².

Вслед за Тардом и Лебоном современные буржуазные психологи утверждают, что действия народных

²⁰ "The American Journal of Sociology", vol. LVI, 1951, No 4, p. 330.

²¹ См. Дж. Морено, Социометрия, ИЛ, 1958, стр. 178—180.

²² W. Hageman, Von Mythos der Masse, Heidelberg, 1951, S. 101.

масс — это «буйство толпы», «массовое опьянение», «массовое безумие». В массе люди растворяются, изменяют свой характер, то есть теряют свою индивидуальность, становятся людьми ущербными, завидующими власть имущим и готовыми в озлоблении своим к бессмысленным и разрушительным действиям. «Психически слабые личности» компенсируют свою слабость разрушительными действиями в массе. Экзистенциалист Г. Марсель объявляет массы «сниженным уровнем человечества»²³. Ортега-и-Гассет в известной уже нам книге «Восстание масс» понимает под массами «плохую, среднюю категорию людей», которые при определенных условиях захватывают в обществе решающие позиции. Западногерманский социолог К. Башвиц утверждает, что «когда человек действует вместе с другими людьми, его индивидуальный уровень падает»²⁴. В западногерманском «Философском словаре» масса определяется как «группа людей, внутри которой индивидуумы до известной степени теряют свою индивидуальность и благодаря взаимному влиянию приобретают схожие чувства, инстинкты, побуждения, волевые движения»²⁵. Коллектив определяется как «группа, характеризующаясь особыми признаками, так что в ней почти полностью исчезают отдельные личности... Индивидуум все теснее охватывается коллективами, так что он, чтобы приобрести себе некоторую свободу движения, вынужден вступать в коллектив... Возникновение коллективов как в демократиях, так и в монархиях отвечает склонности широких масс к безответственности»²⁶.

Реакционный румынский теоретик Сима Ория, эмигрировавший на Запад, пишет, что «термин „масса“ заимствован из физических наук, где он относится к единообразному поведению материи... Его употребление в области общественных наук указывает на то, что здесь имеет место аналогия ситуаций. Индивидуумы, составляющие народные массы, так похожи друг на друга установками, вкусами и удовольствиями, что они кажутся повторением одного и того же психологического клише. Каждый воспроизводит стиль анонимной жизни, духов-

²³ G. Marsel, Les hommes contre l'humaine, P., 1951, p. 13.

²⁴ K. Baschwitz, Du und die Masse, Leiden, 1951, S. 17.

²⁵ Философский словарь, стр. 351.

²⁶ Там же, стр. 294.

ного склада, который принадлежит не ему, но общественной группе, частью которой он является»²⁷. Французский социальный психолог Л. Бодуэн считает, что «масса ведет себя как упрощенная личность: она сохраняет общие черты и исключает индивидуальное превосходство»²⁸. Другой французский социолог, Ж. Лакруа, утверждает, что «масса состоит из индивидуумов, индивидуальность которых уничтожена и как бы поглощена... это потеря личности в пользу стадного и одновременно атомизированного индивидуума, потеря суждения в пользу лозунга, потеря внутренней и глубокой жизни в пользу стадной экзальтации»²⁹.

Как можно видеть, приведенная выше трактовка массы — не случайные мнения, но общая точка зрения современной буржуазной психологии. Она выражает классовые устремления империалистической буржуазии, больше всего боящейся сплочения масс, единства их действий. Главная цель буржуазных психологов — доказать, что в массе, в сплоченном коллективе — «гомфотерной группе», пользуясь термином социальной психологии, — личность якобы обезличивается, нивелируется, что коллектив и его влияние лишают личность свободы. В действительности личность проявляет себя только в коллективе, через определенные отношения к другим людям. Практика социалистических стран особенно убедительно опровергает измышления буржуазных социальных психологов. Творческая инициатива, проявленная индивидуумом, организаторский талант или другие способности его, имеющие общественную значимость, поддерживаются коллективом. Поэтому в сплоченном коллективе социалистического общества личность не обесценивается, а расцветает.

* *
*

Психология «массовизированного человека» — одна из излюбленных проблем буржуазной социальной психологии. «Человек массы», поработанный коллективом и утративший свою индивидуальность, живущий по прин-

²⁷ Sima Horia, *Destinée du nationalisme*, P., 1951, pp. 196—197.

²⁸ "Nouvelle revue de l'Economie Contemporaine", 3 serie, 1953, No 4, p. 5.

²⁹ "Esprit", jan. 1953, No 198, p. 29.

ципу «как другие», потребляющий то, что и другие, обманенный рекламой, пропагандой прессы, радио, телевидения, думающий, «как другие», манипулируемый властвующей элитой и вместе с тем подрывающий ее традиционно охраняемые привилегии, «современный варвар» — вот герой многочисленных опусов социальных психологов от «Восстания масс» Ортеги до нынешних американских бестселлеров — «Одинокой толпы» Д. Рисмена, «Здравомыслящего общества» Э. Фромма или «Человека организации» Д. Уайта.

Нужно отметить, что концепции «массовизации» современной социальной жизни, «нивелирования», «утраты» личности в массе, в коллективе не являются просто злопыхательством по адресу образа жизни «современного индустриального общества». Они имеют и более точный адрес: не подлежит сомнению их антикоммунистическая направленность. Их авторы не устают обвинять социализм в нивелировании личности, в рассмотрении ее как средства для укрепления государства. Это — один из наиболее распространенных тезисов антикоммунизма. Как пишет О. Хаксли, «цель коммунизма — лишить индивидуума всех прав, малейших признаков личной свободы, включая свободу мысли, права обладать душой и превратить его в составную часть великого коллективного Человека»³⁰. Социализм и коммунизм — вот враги личности, защитником которой мнит себя Хаксли.

Можно было бы оставить в стороне эти вздорные домыслы, давно уже набившие оскомину, если бы не один курьез. Психологический тип, описываемый Хаксли, — тип человека, придавленного социальными условиями, потерявшего уверенность в себе, социально отчужденного, оглядывающегося на других, живущего, как предписывает мещанская среда, — этот тип существует. Его нашли. Но не по тому адресу, который указывают антикоммунисты, — не в социалистических странах.

Тип человека, поработанного внешними силами, казенным, бюрократическим коллективом, теряющего свою индивидуальность и являющегося орудием в руках других людей, модель которого разработана буржуазными социальными психологами, найден в современных странах Запада, этих, по уверению антикоммунистов, бастио-

³⁰ Д. Ж. Льюис, Социализм и личность, ИЛ., 1963, стр. 16.

нах свободы личности. Виднейшие буржуазные социологи, такие как Фромм, Миллс, Рисмен, Уайт, приводят тысячи убедительных фактов, свидетельствующих о том, что процесс обезличивания человека, его принижения, порабощения его личности бюрократическими институтами, манипулирование людьми, использование человека как средства для получения прибыли имеет место в современных капиталистических странах. Этот психологический тип (Рисмен называет его «other-directed man» — «человек, направляемый другими», Уайт — «organisation man» — «человек организации», Арендт — «alienated man» — «отчужденный человек») — закономерный продукт современного капиталистического общества, современного монополистического, а точнее, государственно-монополистического капитализма.

Как показывает У. Уайт, воздействие гигантских организаций (имеются в виду монополистические объединения и послушные им правительственные учреждения) на индивидуума сводит его к типу личности, характеризующейся такими чертами, как стереотипное мышление, единообразие, приспособленчество, несамостоятельность мышления; у человека вырабатывается психология «приспособления к жизни». С него снимается «бремя» принятия ответственных решений, взамен чего он получает «безопасность, определенные материальные блага и авторитетное руководство». Подобная монополистическая «организация» выдается буржуазными социологами за коллектив. Но подобный «коллектив» правильнее назвать псевдоколлективом, это — предприятие, принадлежащее частному владельцу, который рассматривает работающих на него людей как средство для получения максимальных прибылей; это — карикатура на подлинную человеческую общность.

Еще К. Маркс показал антигуманный характер капиталистического строя, где человек считает себе подобного лишь средством для достижения своих целей, где человек низведен до роли орудия в руках владельца средств производства. Это общество изолирует людей, разрушает связь между людьми, подменяя ее денежными, рыночными отношениями. Это общество отчуждения человеческой сущности. Теории «массового общества» — это своеобразное признание правоты марксизма о бесчеловечности капитализма, о свойственном ему отчуждении

человеческой личности и вместе с тем извращение и отрицание марксизма, стремление рассматривать «отчужденного человека» не как категорию классового общества, а как некий вечный тип, возникающий благодаря индустриализации и урбанизации.

Монополистическая буржуазия боится организации народных масс, их коллективизма, сплоченности, создания ими революционной партии; именно поэтому ее идеологи проповедают, что масса, коллектив поработают личность, что личность должна освободиться от угнетающей ее зависимости. Вместе с тем традиционный буржуазный индивидуализм ныне дополняется пропагандой «группизма», псевдоколлективизма. Классовую, пролетарскую солидарность пытаются подменить сплочением группы, такой, как капиталистическое предприятие. Пусть рабочий вместе с владельцем предприятия и руководящим персоналом образует более сплоченную группу, пусть они больше общаются друг с другом, даже в свободное от работы время.

На помощь приходят «социальные инженеры», специалисты по установлению «человеческих отношений» — социологи и психологи, которые нанимаются монополией и за умеренную плату берутся создать социальную гармонию в миниатюре. Их задача — создание благоприятного (разумеется, для предпринимателя!) психологического климата в группе, пресечение попыток рабочих сплотиться против предпринимателей, поощрение «хороших» рабочих, организация шпионажа за сотрудниками, занятие их во вне рабочее время (устройство поездок за город, благотворительных вечеров с приглашением артистов и т. д.) — одним словом, подчинить коллектив влиянию администрации, находящейся на службе у монополии.

Теория и практика «человеческих отношений» тесно связаны с пропагандой псевдоколлективизма. Этим буржуазные социологи пытаются смягчить противоречия между предпринимателями и рабочими, замазать антагонизмы капиталистического общества, создать у рабочих иллюзию свободного и творческого труда. Как создать псевдоколлектив, который, удовлетворяя некоторые второстепенные нужды рабочих, предотвращал бы их борьбу против предпринимателей, вызывал бы у них иллюзию принадлежности к организации, — вот задача «со-

циальных инженеров». Они должны уменьшить апатие и усилить групповую солидарность.

Многие крупные корпорации стали готовить управляющих по программе «человеческих отношений». Так, «Дженерал электрик» тратит на эту систему подготовки более пяти миллионов долларов ежегодно. Ставится задача воспитать менеджеров, которые будут не только подгонять рабочих, но и стимулировать увеличение производительности их труда, «поднимать» их мораль. Цель «человеческих отношений», как признал Ю. Енингс, — «сделать авторитарную систему более приемлемой для ее демократически настроенных членов»³¹. «Социальные инженеры» внушают рабочему, что он не только выполняет приказы сверху, но и сам является членом коллектива, советуют администрации быть внимательной к рабочим. В этом случае апатие будет преодолено, человек примет существующие социальные отношения и свое место в них и повысит производительность своего труда... на радость предпринимателю. Таковы методы «социальной терапии», пропагандируемой буржуазными психологами.

Рабочему стремятся внушить, что он — частица фирмы, знакомят его с историей и структурой предприятия и его местом в нем, внушая мысль о важности его работы, администрации предлагается чаще беседовать с рабочими, не подчеркивать свое начальственное положение, создавать «неформальные группы», иметь в них своих агентов, одним словом, «создать у рабочего чувство, что он человек среди людей»³².

«Доктрина человеческих отношений» игнорирует тот факт, что взаимоотношения внутри предприятий и других «групп» определяются социальными порядками, господствующими в обществе, что за ними стоят отношения классов, труд и капитал. Подлинно человеческие отношения невозможны в условиях эксплуатации человека человеком. Современная капиталистическая практика направлена на то, чтобы породить у рабочего иллюзорное представление о его интересах, привить ему буржуазную идеологию, отвлечь от борьбы за изменение социальных порядков, расколоть рабочий класс. Недаром Э. Фромм заявил, что «так называемые „человеческие отношения“

³¹ E. Yennings, *An Anatomy of Leadership*, N. Y., 1960, p. 180.

³² "The American Journal of Economics and Sociology", 1959, No 13, p. 263.

являются наиболее бесчеловечными»³³. А другой американский социолог, М. Макнейр, признал, что «человеческие отношения стали на практике нарушением достоинства человека., мы суем свой нос в дела других людей, анализируем их мотивы и обсуждаем их жизнь», и заключил, что «должны существовать определенные области, свободные от наблюдения боссов»³⁴.

* * *

Образование финансовой олигархии, подчинение ей государственного аппарата — эти процессы современного капитализма неминуемо сопровождаются бюрократизацией социальной жизни, системой командования и подчинения, контроля властей над населением, над его действиями и даже мыслями. Особенно интенсифицируется процесс бюрократизации в условиях государственно-монополистического капитализма. Народные массы полностью отстраняются от участия в управлении общественной жизнью; решения принимаются только сверху, властвующей элитой. «Рядовой гражданин не в силах отстаивать свои взгляды перед лицами, делающими политику, — пишет профессор университета Северной Каролины Флойд Хантер. — Решения принимаются в верхах, заседания, на которых вырабатывается политика, происходят негласно; кандидаты на общественные посты подбираются по соображениям личного характера и удобства для корпорации»³⁵.

Государственно-монополистический капитализм развивает систему бюрократического манипулирования людьми, командования массами, систему бездушной казенщины. Как пишет Р. Миллс, в капиталистических странах властвующая элита принимает решения, несущие за собой большие последствия для большего числа людей, чем когда бы то ни было во всемирной истории. Монополистическая элита склонна считать себя высшей кастой, но она ничем не примечательна по культуре, образованию, этическим нормам, чувству ответственности перед обществом, она просто преуспевает в обществе, где деньги превыше всего.

³³ "The Saturday Review", March 16, 1957.

³⁴ "Harvard Business Review", March-Apr., 1957.

³⁵ F. Hunter, Top Leadership USA, Chapel Hill, 1959, p. 252.

Гигантские монополистические корпорации создают обезличенную систему бюрократического управления, аппарат бюрократического командования людьми. Отсюда и стремление монополистической буржуазии и ее идеологов воспитать у трудящихся лояльность, ограничить проявление их инициативы узкими «дозволенными рамками», призвать их к смирению. Проявление инициативы — дело элиты, субъекта капиталистических отношений. Г. Лассвелл пишет, что «сложное разделение труда в современном обществе превращает организации крупного масштаба в большие бюрократии. В бюрократической системе предпочтение отдается профессиональной компетенции, личной вежливости, чувствительности к мнению других, этическому поведению, но не одобряется спонтанность»³⁶. Он считает, что «стандартизация положения» (position) в современных индустриальных обществах эквивалентна «рангу в феодально-аграрных системах». Капиталистическое общество бюрократизируется, становится по существу кастовым — это вынуждены признать даже его апологеты.

Монополии создают сложную иерархическую систему управления гигантскими предприятиями; внешне она выглядит как безличная и маскирует отношения эксплуатации, вместе с тем обеспечивая монополиям манипулирование людьми, заставляя их делать то, что выгодно владельцу контрольного пакета акций корпорации. Этот бюрократический аппарат подавления душирует всякую личную инициативу со стороны рядовых членов общества, идущую вразрез с интересами капитала, грубо проводя в жизнь политику монополий. Это порабощение личности гигантскими трестами, корпорациями, монополистическими учреждениями настолько явно, что стало предметом специального рассмотрения и критики со стороны целого ряда социологов (Блау, Уайт, Миллс), выступающих против засилья бюрократии в современных капиталистических странах с буржуазно-либеральных позиций.

* * *

Говоря о материальных предпосылках «массового общества», буржуазные социологи отмечают быстрый рост

³⁶ H. L a s s w e l l, Psychopatology and Politics, N. Y., 1960, p. 304.

народонаселения в последнее столетие, производство массовой продукции, господство рыночных отношений в западных странах. «Массовая продукция — символ массового общества», — пишет профессор Миннесотского университета Дон Мартиндейл, видящий источник массовизации современного общества в «современной массовой продукции и массовой рекламе, постоянно организующей и приспособляющей вкусы современных людей к массовой продукции»³⁷. Он пишет, что массовое общество предполагает гомогенность, однородность людей, их униформизм. Этого невозможно достичь в обществах, где преобладает сельское население, распадающееся на небольшие группы. Очевидно, что гомогенную среду может сформировать индустриальное население с высоким уровнем урбанизации. «Массовое общество означает больше, чем просто агрегат людей. Только когда совокупность их подвержена одним и тем же процессам и формируется гомогенное соединение — оно отвечает этой характеристике»³⁸.

«Массовое общество» связывают не только со стандартизацией вещей, но и со стандартизацией вкусов, с рекламой и манипулированием вкусами людей. Стандартизация вкусов связана с массовым производством, без нее поломался бы весь производственный процесс. Реклама проникает в психологию «массового человека», основывается на изучении психологии человека «массового общества». «Манипуляция бессознательными импульсами все больше становится правилом», — продолжает Мартиндейл. Пуританское отношение к потреблению, характерное для буржуазии XIX века, потерпело крах, уступив место «потребительскому подходу»; вместо традиционного лозунга экономии и сбережения возникла новая социальная этика «бюджетизма»; широкое распространение получает потребительский кредит.

Социально-экономические условия «массового общества» (индустриализация и урбанизация, массовое производство и потребление, манипулирование вкусами людей, создание средств массового общения, бюрократизация и т. д.), отмечают его теоретики, не могли не повли-

³⁷ Don Martindale, *American Society*, Princeton, 1960, p. VIII.

³⁸ *Ibid*, pp. 48—49.

ять на личность. Еще несколько десятилетий назад исходными позициями для исследований буржуазных психологов (Джемс, Кули, Мид) были небольшой город и индивидуум как автономный носитель морали. «Массовизация» социальной жизни сделала эту концепцию безнадежно устаревшей. Современные социальные психологи исследуют личность в «массовом обществе», отданную на произвол гигантским монополистическим объединениям, вынужденную приспособляться к ним, найти свое место, принять предписываемые ими ценности, самый образ жизни и даже мыслей. В психологической концепции Э. Гоффмана прежняя интимность маленького города уступает место сложности массового общества, личность описывается в терминах ролей, ее действия — в терминах сцены. В центре исследования стоит человек скорее как оппортунист, чем как автономный носитель морали³⁹.

Когда личность предстает перед другими, считает Гоффман, ее действия мотивируются попытками контроля за впечатлением, которое она производит на других. Ключ к успеху — произвести благоприятное впечатление на людей, обзавестись друзьями и влиять на других. Недаром бестселлером американской психологической литературы является книга Карнеги «Как завоевать друзей и влиять на людей», тираж которой составил несколько миллионов экземпляров.

Представляет известный интерес ознакомление с советами, которые дает Карнеги. Первая рекомендация — никогда не критиковать, не обострять ни с кем отношений. Вторая — делать человеку приятное, чего он и хотел бы дожидаться от тебя, правда, стараться не пересолить при этом, не льстить слишком грубо. Затем следуют правила: чаще улыбаться, интересоваться другими людьми, запоминать их имена и чаще их произносить, стараться давать другому человеку чувствовать себя важным и значительным. Таковы правила для конформиста, принимающего стандарты буржуазного общества и желающего преуспеть в нем.

Большинство буржуазных психологов призывают отказать от идеала автономной личности, характерной для социальных психологов эпохи капитализма свобод-

³⁹ См. Goffman, *The Representation of Self*, Edinburgh, 1956.

ной конкуренции, и рассматривать личность как элемент социальной группы. Большим влиянием и популярностью в настоящее время пользуются либеральные критики «массового общества» типа Рисмена, Фромма, Видича, осуждающие те явления современного капитализма, которые приводят к возникновению конформизма, отчуждения. Но эта критика отдельных сторон капитализма непоследовательна, да и ведется она с позиций старого, индивидуалистического идеала. К тому же массовизация трактуется ими неисторически, как правило, в духе конфликта между рациональной организацией общества и иррациональной человеческой природой. Характерна в этом отношении точка зрения Енингса, который пишет: «За последние два столетия материальные и технические условия росли быстрее, чем социальные, и индивидуум потерял свою принадлежность к обществу. Он стал отчужденным»⁴⁰. Возникает тип социально отчужденной, неврастенической личности, характерной для «массового общества».

* * *

Одной из важнейших предпосылок «массового общества» буржуазные социологи единодушно считают современные средства массового общения. «Одна из самых могучих социальных сил XX века — быстрое развитие массовых средств общения, по важности равное промышленной революции XIX века, — пишет американский журнал «Скул энд Сэсайэти». — С экономической точки зрения средства массового общения революционизировали связи между американской индустрией и публикой (имеется в виду реклама. — Г. А.). С точки зрения культурной они внесли огромные изменения в деятельность нации в свободное время. Пресса вносит вклад в социальный климат нашего времени, формирует и артикулирует общественное мнение. Телевидение, радио, журналы отражают социальные течения, нужды и влияния в массовом обществе»⁴¹.

Средства массового общения попадают в собственность крупнейших монополий, которые с их помощью стремятся упрочить свое положение, воспитать в массах

⁴⁰ E. Yennings, *An Anatomy of Leadership*, p. 172.

⁴¹ "School and Society", March 7, 1964.

лояльность по отношению к капиталистическому строю, навязать им буржуазную идеологию. Р. Миллс пишет: «Массовые средства общения в том виде, в каком они теперь организованы и функционируют, выступают, однако, не только как важнейшая причина превращения американского общества в пассивную массу. Они принадлежат вместе с тем к числу важнейших, ныне усилившихся орудий господства, которыми располагает элита богачей и власть имущих». Миллс показывает, что крупнейшие владельцы массовых средств общения сами принадлежат к кругам элиты или являются ее высокооплачиваемыми слугами; они и контролируют «самый процесс формирования общественного мышления, с тем чтобы в своих планах действенной реализации власти, увеличения престижа и упрочения богатства властвующая элита могла оперировать общественным мнением как одним из наиболее покорных факторов»⁴².

Монополистическая буржуазия, имея в своем распоряжении печать, радио, телевидение, кино, использует их для того, чтобы отравить сознание народных масс, отвлечь их от революционной борьбы, замаскировать отношения эксплуатации человека человеком, чтобы приниженное положение масс при капитализме нашло свое теоретическое, моральное, религиозное оправдание. В этих условиях, по признанию критиков «массового общества», само общественное мнение стало результатом манипуляций владельцев средств массового общения, при этом большая часть общества превращается в политически инертную, пассивную массу. В «массовом обществе» происходит обработка пропагандистами-манипуляторами с их средствами массового воздействия народа — объекта их пропаганды. «Вполне естественно, что в подобных условиях,— пишет Миллс,— должно было возникнуть представление об общественном мнении как о пассивной реакции — нельзя даже сказать «отклике» — на содержание, преподносимое массовыми средствами общения. Общество выступает в этой концепции всего лишь как механическая совокупность индивидуумов, отданных на произвол массовых средств общения, неспособных противостоять потоку внушаемых ими идей и представлений и их идеологическим махинациям. Сущность си-

⁴² Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 423.

стемы корыстной обработки общественного мнения, осуществляемой централизованными командующими учреждениями, сводится, если можно так выразиться, к экспроприации прежней массы мелких производителей и потребителей общественного мнения, действовавших в условиях свободного и уравновешенного рынка»⁴³.

«Бизнес общественного мнения» — один из могущественных рычагов господства монополистической буржуазии. С его помощью массам навязывают образцы поведения, идеалы, дезинформируют их (а потом социологи типа Липпмана упрекают их в невежестве, в примитивном мышлении), навязывают стереотипы мышления, прививают верования, нужные буржуазии, воспитывают лояльность к существующему режиму. Разговоры о демократии становятся камуфляжем, ибо «элита начинает манипулировать массой посредством массовых коммуникаций, чтобы организовать те мнения, которые она желает представлять»⁴⁴.

Видный исследователь общественного мнения У. Липпман пишет, что оно основывается на неадекватной информации, ибо факты преподносятся публике газетными магнатами и другими «вождями общественного мнения» в уже преобразованном, тенденциозном виде. Эти положения не лишены основания: действительно, факты преподносятся массам владельцами газет, радиовещательных корпораций в препарированном виде. Антинаучной является только попытка Липпмана выдать это положение, характерное для капитализма, за общесоциологическое, да еще взвалить ответственность за него на массы, на их «врожденные психические качества». С большим знанием дела пишет Липпман о том, как в западных странах «творцы общественного мнения» дезинформируют народ. «Когда большим массам людей сообщают сложные вещи, правда значительно, а иногда и коренным образом извращается. Сложные вещи переделываются в простые, относительные — в абсолютные»⁴⁵. Действительно, правда коренным образом извращается, когда, например, создание агрессивных военных блоков или «многосторонних ядерных сил» объяв-

⁴³ Р. Миллс, *Властвующая элита*, стр. 417.

⁴⁴ "New Society", Febr. 6, 1964, p. 22.

⁴⁵ W. Lippman, *The Public Philosophy*, p. 25.

ляется коллегами Липпмана «оборонительными мероприятиями».

Под влиянием средств массового общения стандартизуется мышление миллионов людей капиталистических стран, где, как указывает Р. Миллс, формирование стандартной человеческой личности стало объектом деятельности крайне нагруженной отрасли промышленности. Стандартизированный человек теряет самостоятельность, теряет даже желание иметь свою индивидуальность, жить своим умом и придерживаться установленных норм поведения. Подобного человека Рисмен и называет «other-directed man» — «человеком, управляемым другими». Большинство представлений, сложившихся у такого человека, внушено ему массовыми средствами общения; дело нередко доходит даже до того, что он отказывается верить собственным глазам, пока не прочтет об увиденном в газете, то есть он не склонен доверять своему опыту, пока этот опыт не будет подтвержден массовыми средствами общения.

«Массовые средства общения проникли не только в область нашего познания внешней действительности,— пишет Миллс,— они проникли также в область нашего самопознания... 1) само представление рядового человека о себе внушается ему массовыми средствами общения, они дают ему образцы и мерки, с помощью которых он судит о себе; 2) они подсказывают ему, каким он хотел бы быть, то есть формируют его стремления; 3) они подсказывают ему, как этого достигнуть, то есть внушают ему пути и способы осуществления желаний, и 4) они... дают ему забвение в иллюзии. Это — формула ложного мира, созданного и поддерживаемого массовыми средствами общения»⁴⁶.

Средства массового общения не просвещают человека, а скорее обрекают его на зависимость, несамостоятельность, внушая ему, что он неспособен повлиять на ход событий «большого мира», фокусируют его интерес на собственном узком мирке. «Люди массы,— уверяет американский социолог Ч. Сили,— имеют очень слабое представление о политике, и их мало интересуют мировые события»⁴⁷. «Хороший американский парень», по

⁴⁶ Р. Миллс, Властвующая элита, стр. 421—422.

⁴⁷ Ch. Seely, Philosophy and Ideological Conflict, N. Y., 1953, p. 181.

мысли буржуазных пропагандистов, должен поменьше интересоваться политикой; политическое кредо, которое ему надлежит иметь,— ненавидеть «красных» и считать, что Америка — самая богатая и процветающая страна в мире. «Средний американец,— говорится в справочнике для туристов,— предпочитает бейсбольные состязания всем другим мировым событиям». Газеты, журналы, телевидение снабжают его сексуальным, уголовным, «светским» материалом, комиксами, подробностями из жизни кинозвезд, заполняя этим его свободное время. Жертвы «массовизации» (их правильнее назвать жертвами монополистического капитализма) не могут вырваться за пределы своего обособленного и узкого мирка, своих предвзятых и шаблонных представлений.

Критики «массового общества» подметили определенные черты современного буржуазного общества, но они совершают грубую ошибку, приписывая обнаруженные ими язвы этого общества не капиталистическим производственным отношениям, а вечным психическим свойствам человека; они обвиняют не столько капиталистическую систему, сколько человеческую природу, принимают тезис об «иррациональности мышления рядового человека». Обычно «критики» заявляют, что массы сами виноваты в том, что дают обманывать себя власть имущим, и одновременно оправдывают последних под тем предлогом, что с массой нельзя обращаться иначе, что, отказавшись от обмана масс, данная господствующая элита утратит свое влияние, а на смену ей придет другая элита, которая будет эксплуатировать невежество масс еще более беззастенчивым способом.

* * *

Психологический тип человека «массового общества» (в этом согласны все его теоретики) — самоотчужденная (self-estranged) личность. Как пишет Э. Фромм, «она не чувствует себя активным носителем собственной власти и богатства», она является лишь «бедной вещью, зависящей от внешних сил»⁴⁸. Д. Рисмен, Э. Хоффер, Т. Адорно пишут, что отделение индивидуума от главных социальных процессов (они монополизируются элитой) озна-

⁴⁸ E. Fromm, *The Sane Society*, N. Y., 1955, p. 124.

чает отделение индивидуума от самого себя. «Массовое общество» изолирует людей; личность не может получить поддержку чувству собственного достоинства и ценности, поэтому она замыкается в мирке семейных отношений и целиком зависит от приказов властвующей элиты.

Отсутствие самоинтеграции у отчужденного индивидуума делает его крайне неустойчивым, опустошенным. Такой отчужденный тип представляется критикам «массового общества» опасным для существующих социальных порядков, ибо он в своем отчаянии способен поддерживать антиправительственные выступления. «Индивидуум, у которого нет твердой концепции о себе,— пишет Корнхаузер,— не обладает основой для сильного самоконтроля и поэтому... с готовностью дает увлечь себя массовым движением»⁴⁹. Таких потенциально опасных личностей рекомендуется «занять», направить их активность в какое-либо нейтральное, безопасное для капитала русло.

Э. Фромм отмечает, что отчужденный индивидуум «массового общества» на каждом шагу обнаруживает, что его жизнь определяется чуждыми ему силами, лежащими за пределами его «я», его интересов и желаний. Отсюда и психологические характеристики этой личности — неуверенность в себе, постоянная озабоченность, страх, тревога. Внешняя сила навязывает ему определенные нормы поведения, требует от него покорности, а религия освящает эту покорность внешним силам. Эта покорность индивидуума в массовом обществе вызывает стремление найти покровительство магического харизматического вождя — «фюрера». (В своей книге «Бегство от свободы» Фромм пишет, что фашизм смог заставить отчужденных людей «массового общества» поверить в фашистское евангелие саморастворения в верховном вожде.)

Мы видим, что критики «массового общества» применяют категорию «отчуждение», которой широко пользовался К. Маркс, раскрывая положение личности в капиталистическом обществе. Маркс указывал, что в этом обществе все, что создает человек, противостоит ему как нечто отчужденное, как сила, не зависящая от производителя. В обществе, где человеческий труд является то-

⁴⁹ W. Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, 1960, p. 108.

варом, человек превращается в безликий, обезчеловеченный придаток машины. Капиталистическая собственность разъединяет людей, отдаляет их друг от друга; отсюда и трагедия личности в буржуазном обществе, ее моральная опустошенность, отчужденность. Путь к освобождению личности, к ее расцвету — это путь экспроприации капиталистической собственности. Ныне многие буржуазные социологи вынуждены (с опозданием на сто лет) признать правоту Маркса в вопросе об отчуждении личности в капиталистическом обществе, но эти полупризнания носят печать буржуазной ограниченности, ибо это отчуждение связывается не с конкретными явлениями современного капитализма, а объявляется атрибутом «индустриальной цивилизации»; их «позитивная» программа — утопические планы возврата к капитализму свободной конкуренции с его индивидуалистическим идеалом.

Одной из главных психологических характеристик личности в массе буржуазные социологи считают конформизм. «Великий закон массы — конформизм, — пишет французский социолог Л. Боден. — Свободная мысль — ересь, всякое размышление — провокация... Масса не имеет критического чутья, отсюда успех формул, лозунгов»⁵⁰. А. Тойнби, известнейший английский историк и социолог, объявляет важнейшим свойством массы мимикрию. «Для того чтобы включить инертное большинство в орбиту активного меньшинства, идеальный метод непосредственного индивидуального внушения всегда должен усиливаться практическим методом общественной муштровки — обычным упражнением примитивного человечества»⁵¹.

Конформизм личности ведет к интеллектуальному шаблону, к оглядке на других, на «начальство», на полицейские организации, создает атмосферу травли «инакомыслящих», то есть прогрессивно мыслящих людей, благоприятствует рецидивам маккартизма. «Почему мы позволили анонимности, безликости и бюрократии заменить качества индивидуальности и независимости?»⁵², — уныло размышляют буржуазные социологи, не понимающие,

⁵⁰ "Nouvelle revue de l'Economie Contemporaine", 3 serie, 1953, No 4, p. 6.

⁵¹ А. Тойнби, A Study of History, (abr.) L., 1946, p. 216.

⁵² E. Yennings, An Anatomy of Leadership, p. 145.

что этого требует монополистический капитал, которому нужны слепая исполнительность и бюрократическая система управления, при которой разветвленный аппарат надсмотрщиков руководит процессом обогащения его хозяев. Э. Фромм пишет, что управляющий-бюрократ не должен испытывать никаких чувств, поскольку дело касается его профессиональной деятельности, он должен манипулировать людьми так, будто они являются лишь цифрами и вещами.

Д. Рисмен указывает, что тенденции сегодняшнего дня учат людей действовать в соответствии с ожиданиями других. Современный американец живет так, будто управляется радаром, вставленным в его голову и сообщаящим ему, чего ждут от него другие. Поведение людей, управляемых другими, обычно характеризуется пассивностью и апатией. В конформизме человек «массового общества» стремится преодолеть озабоченность, неудовлетворенность, сопровождающие неуверенность в себе⁵³. «Человек массы отвечает на вопрос «кто я» формулой: «Я — как другие». Недаром у американцев в ходу фраза: «Как у Джонсов». «Не отстать от соседа», но и не быть «выскочкой» — образец поведения миллионов людей. «Соседи купили автомобиль новейшей марки, — и нам следует сделать то же, хотя наш автомобиль еще вполне хороший. Иначе упадет наш престиж в глазах соседей», — такова психология американского обывателя, описанная в книге В. Паккарда «Искатели статуса». Подобный психологический тип, пишет Б. Бетлхэм, «вместо того чтобы руководствоваться тем, что соответствует его индивидуальности, принимает то, что ему предложат манипуляторы средствами массового общения. Он вынужден делать это, ибо не чувствует себя в состоянии решать автономно, что для него лучше»⁵⁴.

Протест против нивелирования личности, дегуманизации, происходящий в капиталистических странах, проник в художественную и научно-фантастическую литературу. Пафосом многих произведений Р. Бредбери, выдающегося американского фантаста, является борьба против конформизма личности в «массовом обществе». Недаром он выбрал эпиграфом к своей книге «451⁰ по

⁵³ См. D. R i e s m a n, *The Lonely Crowd*, pp. 40—42.

⁵⁴ "Sociologia: Aufsätze", *Fr./M.*, 1955, S. 251.

Фаренгейту» слова Хименеса: «Если тебе дадут линованную бумагу, пиши поперек». Весьма пессимистически оценивая перспективы эволюции буржуазного общества, Бредбери говорит устами героя рассказа «В серебристой лунной мгле» Спендера: «Зачем вам возвращаться на Землю? Чтобы равняться на Джонсов? Чтобы купить себе точно такой же вертолет, как у Смитов? Чтобы слушать музыку не душой, а бумажником?»⁵⁵.

Вот как рисует Бредбери «массовое общество»: «Люди ни о чем не говорят... Сыплют названиями — марки автомобилей, плавательные бассейны — и ко всему прибавляют: «Как шикарно!». Произведения классиков сокращаются до пятнадцатиминутной радиопередачи... Как можно больше спорта, игр, увеселений — пусть человек всегда будет в толпе, тогда ему не надо думать... Слово «интеллектуальный» стало бранным словом»⁵⁶. «Это несколько утрированный портрет американского образа жизни», — скажет внимательный читатель. Недаром бэрчисты преследуют Бредбери, даже сожгли его дом.

Описание конформизма как одной из главных черт личности в «массовом обществе», как проявления стандартизации поведения и образа мыслей людей — своеобразное отражение буржуазными социологами процессов, действительно происходящих в капиталистических странах, где стандартизация жизни, подчинение человека требованиям и нормам, установленным монополистической верхушкой в угоду ее классовым интересам, достигли невиданных размеров. Конформизм включает в себя принятие индивидуумом правил, а также стандартов идеологии и стереотипов мышления, выработанных господствующей верхушкой, подчинение образцам поведения, выработанным последней.

«Массовым» буржуазные социологи называют общество, где большинство населения отстранено от решения общественных вопросов, где личность утрачивает независимость и самостоятельность, калечится, вынуждена действовать с оглядкой на нормы и правила, установленные элитой с помощью массовых коммуникаций. В результате этого, по признанию буржуазных психоло-

⁵⁵ Р. Бредбери, Фантастика, изд-во «Знание», 1964, стр. 113.

⁵⁶ Р. Бредбери, 451° по Фаренгейту, изд-во «Мир», 1964, стр. 62—66.

гов, «люди все более и более теряют свою индивидуальность»⁵⁷. Буржуазное общество обезличивает человека, поработает его, подчиняет его «организации» монополистического капитализма. Американский социолог М. Козн пишет, что «одним из последствий такой стандартизации является глубокое неуважение к личности, осмеливающейся самостоятельно мыслить по тому или иному вопросу. Нигде в других странах стандарт или шаблон среднего человека не довлеет в жизни сильнее, чем у нас»⁵⁸.

«Массовизация» общества привела к превращению большей его части (массы) в атомизированные, социально отчужденные, пассивные личности, подчиняющиеся противостоящей и подавляющей их системе принудительных норм и правил, введенных элитой; приспособленчество к мнениям, вкусам и запросам социального окружения (конформизм) стало основой поведения личности. Подавление автономной личности бюрократическими организациями, принудительными нормами, рекламой и т. д. вызывает распад личности, ее вырождение. Поэтому «массовое общество» — рассадник социального аноми — морального опустошения, цинизма, преступности, коррупции; отчуждение личности вызывает у личности иррациональное отношение к окружающей среде и к себе самой.

Термином «аномии» — нравственная, духовная дезорганизация — объединяют такие явления, как рост психических расстройств, неврозов, рост преступности и т. д. Аноми определяется как «сознание человека, оказавшегося оторванным от моральных корней, не имеющего никаких прочных основ для своего поведения..., человека, у которого нет моральных обязанностей, сознания единства с народом»⁵⁹. Это — интеллектуальная дезорганизация социально атомизированной личности.

Да, отношения частной собственности ведут к отчуждению человека, к социальной дезинтеграции. Происходит трагедия личности в буржуазном обществе. Воспитанный в традициях индивидуалистических ценностей,

⁵⁷ „Essays on Individuality”, N. Y., 1958, p. 232.

⁵⁸ М. Козн, Американская мысль, ИЛ, 1958, стр. 44—45.

⁵⁹ R. Merton, Social Theory and Social Structure, Glencoe, 1957, p. 162.

которые предписывают ему «выйти в люди», любыми способами разбогатеть, он сталкивается с невозможностью реализовать эти свои стремления в повседневной жизни, где все «теплые места» уже заняты выходцами из «более счастливых классов»; это ведет к тяжелой душевной драме, к чувству собственной неполноценности, к разочарованиям, психическим расстройствам, часто к алкоголизму, наркоманству, а также преступлениям (ибо иных средств для того, чтобы «всплыть на поверхность», пробиться в элиту, человек, зараженный буржуазной идеологией, зачастую не имеет).

Все это приводит к рессентиментному поведению личности (в психологии «рессентимент» — поведение, основанное на чувстве собственной неполноценности, которое ведет к обесценению желанной цели, если ее не удается достичь: совсем как в басне о лисе, которая называет недостижимый для нее виноград кислым). Для десятков миллионов людей в современных капиталистических странах характерна глубокая неудовлетворенность своей жизнью, своим местом в обществе, самим этим обществом. Многочисленные психические болезни в западных странах происходят, по признанию самих буржуазных психологов, от сознания неудачи людей в борьбе за «успех». Как пишет Э. Фромм, чувство собственного ничтожества и бессилия стало типичной чертой «рядовых людей». Те рамки, в которые ставит поведение человека из народа монополистическая элита, подавляют индивидуальность, лишают личность перспективы, обрекают ее на неуверенность в завтрашнем дне. В. Паккард в своей книге «Искатели статуса» признает: «Мы предназначаем десятки миллионов наших сограждан на определенные роли в жизни, где бесполезны любые устремления. И в их незавидном положении мы даже лишаем их таких удовольствий, как чувство уверенности, чувство собственного достоинства и ощущение творческих сил. И в общественном плане мы смотрим на них свысока»⁶⁰.

Многочисленные социальные психологи, особенно сторонники психоанализа, пишут о массовых неврозах в капиталистических странах, причина которых — гнет общества, основанного на конкуренции. Но «рецепты», ко-

⁶⁰ Дж. Льюис, Социализм и личность, стр. 27.

которые они предлагают, — отнюдь не переустройство общества; напротив, они предлагают лечить личность, страдающую аномии, чтобы привести ее в соответствие с требованиями буржуазного общества, предлагают индивидууму курс лечения, заключающийся в обучении его смирению. В этом проявляется буржуазно опрениченный и апологетический характер современной буржуазной социальной психологии. Как подавить активность масс, особенно их политическую активность, представляющую угрозу существующему социальному строю, — вот проблема, которая находится в центре внимания всех работ буржуазных социальных психологов, посвященных вопросам «массовизации» современного общества.

Заключение

Марксизм впервые научно доказал, что творцами истории являются не отдельные герои, не эксплуататорские классы, а трудящиеся, народные массы. Это положение является краеугольным камнем материалистического понимания истории. Прогресс в обществе, переход к новым, более высоким общественно-экономическим формациям осуществляется народными массами, которые не только движут вперед материальное производство, но своей революционной борьбой приводят производственные отношения в соответствие с развивающимися производительными силами. Все передовое, прогрессивное в истории в конечном счете было достигнуто усилиями народов. Марксистская философия научно обосновала пути и условия освобождения рабочего класса, а вместе с ним и всех трудящихся. Идея построения нового, социалистического общества стала знаменем борьбы народов за свою свободу и независимость.

Марксизм-ленинизм полностью разоблачил антинаучный характер теорий элиты. Вполне естественно, что он не употребляет этот термин. Общество делится на классы; внутри этих классов можно выделить различные слои. Только весьма условно можно применять этот термин к верхушке эксплуататорских классов антагонистических формаций, только с оговорками можно употреблять его как синоним финансовой олигархии, вершащей делами капиталистического общества. Правильнее вовсе отказаться от этого термина, ибо, даже по признанию самих буржуазных теоретиков, он является «неопределенным» и «ненаучным», во-первых, потому, что элитисты, ссылаясь на саму этимологию термина, твердят, что к элите относятся якобы лучшие, избранные, наибо-

лее способные представители рода человеческого (выше мы видели, насколько фальшив этот тезис); во-вторых, термин «элита» введен для извращения подлинного классового деления общества. С этим термином связано представление о том, что дихотомическое деление «элиты—массы» присуще всем сложным, дифференцированным обществам. Эта фальсификация используется для апологии капитализма, строя эксплуатации и угнетения. В-третьих, элитисты, приписывая элите все достижения цивилизации, отрицают, принижают решающую, творческую роль народных масс в истории.

Элитисты, таким образом, стремятся преподнести процесс выделения элиты как нечто имманентное развитию социальной, политической, культурной жизни общества, как вечное, неотъемлемое свойство цивилизации. Подрыв и ослабление власти элиты выдаются за опасную болезнь, за угрозу цивилизации. Это одна из новых форм социальной демагогии господствующих классов. Элитизм — это средство для затушевывания глубоких социальных конфликтов, раздирающих капиталистическое общество, средство идеологического оправдания существования паразитических, эксплуататорских классов, давно уже превратившихся в тормоз общественного развития.

Но буржуазные социологи не могут не чувствовать, что воспеваемый ими мир господства элиты, мир привилегий высшей касты и угнетения масс, заколебался, что он рухнет под натиском тех самых масс, угнетенное положение которых считалось коренным условием нормальной жизнедеятельности общества. Как отражение страха перед этими явлениями возникают теории «массового общества», признающие возрастающую роль народных масс в историческом процессе, но извращающие ее, ибо сами они представляют собой одну из форм идеологии умирающего реакционного класса. Теории эти — тоска по элитизму и одновременно панихида по нему. Это — синтез элитистского подхода и признания того, что сам этот подход — лишь иллюзорная мечта, абстракция, разбивающаяся о суровую действительность, в которой все большую роль играют «неблагодарные» массы, не знающие своего «законного» места.

Современные критики «массового общества» обличают отдельные стороны капитализма, но характерно, что

критикуется не сущность этого строя, не капиталистические производственные отношения, а лишь отдельные явления, сопутствующие сущности. Не случайно поэтому, что и меры, предлагаемые ими для исправления этих явлений, носят паллиативный характер. Их цель — укрепить современный капиталистический строй, исправив его «отдельные недостатки», такие как бюрократизм, бездушное отношение к людям и т. д. Но разве бюрократизм, подавление и обезличивание человека — не закономерное следствие государственно-монополистического капитализма? Ведь язвы современного капитализма не в недостатке «промежуточных» отношений, как считают многие критики «массового общества» вроде Корнхаузера, не в увеличении численности населения и его сверхурбанизации, а в самой частнокапиталистической собственности на средства производства. Весь запал «критики» теоретиков «массового общества» обращается против некоторых производных явлений капиталистического мира, от которых, кстати, капитализм, этот строй эксплуатации и угнетения, не может в принципе освободиться.

В некоторых работах современных западных социальных психологов мы находим яркие страницы, красноречиво свидетельствующие о растущей дегуманизации капиталистического общества, о гнете бюрократических учреждений, попирающих демократические права и личность простых людей. В этих работах мы находим высказывания о превращении людей в винтик военно-бюрократической машины, о стандартизации поведения людей, их образа жизни и мыслей, о культуре потребления и эротике. Социологи говорят о разобщении людей и «социальной атомизации», о внутренней дисгармонии человека и распаде его личности, о внутренней пустоте, апатии и о чувстве заброшенности и неполноценности, охватившем сотни тысяч людей. В этом кроется причина роста аморальности, преступности, психических заболеваний. Но необходимо видеть буржуазную ограниченность этих социальных психологов, которые не умеют и не желают поставить наблюдаемые ими явления в связь с капиталистическими производственными отношениями. Явления, которые они рассматривают как следствие «массовизации» общества, есть на самом деле явления, неизбежно сопутствующие государственно-монополисти-

ческому капитализму. Подлинная борьба с ними — это борьба за социальное переустройство общества, за подлинную человечность, которую несет коммунистическая общественно-экономическая формация. И в самом капиталистическом обществе надо уметь видеть не только обезличенных людей — жертв капитализма, но и сознательных борцов против этого строя, угнетающего человека, борцов за подлинную человечность и социальную справедливость, за тот строй, который открывает возможности для всестороннего развития личности.

Народные массы капиталистических стран отстранены от участия в выработке государственной политики, они, как писал известный шведский социолог Г. Мюрдаль в книге «Американская дилемма», являются «лишь слушателями». Но это лишь одна сторона противоречивой действительности современного капиталистического общества. [Несмотря на отстранение народных масс от участия в управлении государством в капиталистических странах, роль народных масс в мировом историческом процессе непрерывно возрастает, возрастает и сопротивление масс антинародной политике монополий, постоянно повышается уровень сознательности народных масс, их организованной борьбы за изменение условий своей жизни. И это обстоятельство повергает в панику буржуазных социологов, стремящихся дискредитировать революционное движение масс, описать его как «патологию массовой психологии». Теории «массового общества» можно рассматривать как определенную попытку учесть социальные сдвиги, происшедшие в наше время в результате гигантского возрастания роли народных масс в современную эпоху. Но это не адекватное, а извращенное, искаженное отражение данного явления: оно, собственно, и не может быть иным, ибо совершается с позиций класса, для которого эти перемены и сдвиги означают утрату своего привилегированного положения, класса, который бешено сопротивляется поступательному ходу истории.

Буржуазные социологи, стремясь подогнать современные социальные отношения под установившиеся схемы элитизма, грубо извращают социалистический общественный строй, беззастенчиво препарируют историю социалистических стран, чтобы приспособить ее для подтверждения элитизма. Не останавливаясь перед чудо-

вишной фальсификацией, элитисты заявляют, будто во всех социалистических странах сохранилась, лишь изменив свой состав, управленческая элита, противостоящая массам и эксплуатирующая их. Где же она, эта элита социалистического общества? Как правило, к элите причисляется ни больше, ни меньше, как социалистическая интеллигенция — плоть от плоти народа.

На V Международном социологическом конгрессе Л. Лабедц (эмигрант из Польши, подвизающийся ныне в английском антисоветском журнале «Soviet survey») и Л. Фойер (США) говорили об интеллигенции в социалистических странах как о «новом привилегированном классе», «новой элите». Лабедц, сделавший доклад на тему «Партия, интеллигенция и образование в Советском Союзе», утверждал, что в СССР «господство и контроль», то есть функции элиты, выполняют партия и интеллигенция. По его мнению, рост образовательного уровня членов КПСС ведет к тому, что партия все больше становится «организацией элиты». При этом он старается замолчать тот общеизвестный факт, что в Советском Союзе в целом происходит быстрый рост образовательного уровня трудящихся, в том числе рабочих и крестьян, что, естественно, находит свое отражение в социальном составе КПСС, ставшей партией всего народа.

Лабедц по существу повторяет затасканные утверждения Джиласа о том, что интеллигенция в социалистических странах превращается в элиту, противостоящую рабочим и крестьянам. Но тут у элитистов опять не сходятся концы с концами. Ведь по их собственным теориям всякая элита отличается от неэлиты тем, что обладает рядом институциональных привилегий, главными из которых являются привилегии богатства, власти, статуса. Обладает ли советская интеллигенция подобными привилегиями по отношению к другим слоям и классам нашего общества? В стране, где власть принадлежит трудовому народу, такой вопрос не может не показаться надуманным. По отношению к средствам производства интеллигенция не отличается от рабочих. Заработная плата подавляющего большинства лиц умственного труда у нас не превышает заработка высококвалифицированного рабочего. Все привилегии на получение высшего образования детьми интеллигентов при социализме исчезли. Достаточно указать, что более трех четвертей

поступивших в высшие учебные заведения СССР в 1963 году — рабочие и колхозники. И только люди, не имеющие представления о социалистической действительности, могли всерьез отчестись к утверждениям Лабедца и Уитта о том, что все члены партии «занимают руководящие должности» в социалистических странах. Формирование личности в социалистическом обществе не predetermined никакими обстоятельствами, связанными с ее классовой, социальной принадлежностью. В условиях социалистического строя для рабочего, колхозника открыты все дороги.

Интеллигенция при социализме остается особой социальной группой, но это — новая интеллигенция, вышедшая из рабочего класса и крестьянства, единая с ними по своей природе. Руководящая роль в социалистическом обществе принадлежит рабочему классу; в управление государством вовлекаются широчайшие народные массы. И быстрый рост количества людей с высшим образованием из рядов рабочих и крестьян вовсе не означает формирования нового, привилегированного класса, как это пытаются изобразить Лабедц и другие элитисты. Повышение культурно-технического уровня советских рабочих и колхозников создает условия для их подлинно творческого труда, способствует стиранию классовых различий. Устранение существенных различий между физическим и умственным трудом является важнейшей закономерностью строительства коммунистического общества. В результате построения коммунизма сложится высший тип социального равенства людей — коммунистическое равенство.

Коммунизм — общество, до конца преодолевшее культурную отсталость и духовную придавленность масс, ограниченность интересов личности и возможностей раскрытия ее интеллектуальных сил. Ликвидация старого разделения труда, приводившего к одностороннему, уродливому развитию личности, превращение всех благ науки и культуры в достояние всех членов общества ведут к гармоническому развитию личности.

В коммунистическом обществе будет не социальное, но лишь профессиональное разделение труда, навсегда исчезнет положение, когда часть членов общества лишена подлинно творческого труда и лишь элита приобщена к нему. Культурный, образовательный, духовный

и материальный уровень всех членов общества будет настолько высок, что существование особой социальной группы, занятой умственным трудом, и в частности выполняющей функцию руководства обществом, перестанет быть необходимым. Каждый человек коммунистического общества — общества всесторонне образованных, гармонически развитых личностей — будет часть своего времени уделять вопросам руководства социальной жизнью. И это будет не его второй профессией, а его долгом, его общественной обязанностью и вместе с тем одной из его безграничных потребностей, одним из необходимых средств самоутверждения его личности.

Геннадий Константинович Ашин

МИФ ОБ ЭЛИТЕ И «МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ»

Редактор В. Н. Козырев. Оформление художника Л. М. Чернышева.
Художественный редактор Г. Ф. Скачков.

Технический редактор М. Г. Чацкая.

Корректор И. П. Красовитова

А-11699. Сдано в набор 12/V 1966 г. Подписано в печать 20/VII 1966 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 8,40. Уч.-изд. л. 8,24.

Тираж 10 000 экз. Зак. № 516.

Цена 33 к. Бум. тип. № 2.

Издательство «Международные отношения». Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7
Моск. тип. № 24 Главполиграфпрома. Москва, Г-19, ул. Маркса — Энгельса, 14

Цена 33 коп.

65261

